

16+

ОЕВЯТЪ ЖИЗНЕЙ

МАЙК ДАЙМОНД

Майк Даймонд

Девять жизней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65425456

SelfPub; 2021

Аннотация

Девять совершенно непохожих друг на друга личностей, со своими планами, проблемами и амбициями. Один мрачный и суровый город, без конца испытывающий судьбы героев на прочность. И всего три дня, за которые жизнь каждого из них изменится до неузнаваемости.

Содержание

День первый	4
Глава 1 – Бродяга	4
Глава 2 – Лорд	47
Глава 3 – Советник	88
Глава 4 – Охранник	118
Глава 5 – Лекарь	146
Глава 6 – Вор	170
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Майк Даймонд

Девять жизней

День первый

Глава 1 – Бродяга

1.

– Опаздывает. Что на этот раз? Лень? Дела? Хм... похоже, просчитался. Хотя, если подождать дольше...

Невнятное бормотание оборвал перезвон монет. Бенедикт посмотрел вниз. На дне потертой деревянной кружки тускнела пара медяков. Первая за утро. Благодетель, кутаясь в меховой плащ, одарил нищего мимолетным, полным презрения взглядом, после чего заспешил по своим, без сомнения, важным делам. И, тем не менее, он поделился. Почему?

Денпорт заслуженно считался самым злачным городом самого бедного удела королевства, но это не мешало местным богатеям исправно подавать милостыню каждому встречному попрошайке. Быть может, таким образом люди пытались примириться со своей совестью или загладить вину перед Судьей? Ведь даже небольшое состояние здесь удавалось

сколотить только сомнительным путем. Бенедикт ломал голову над этим с самого начала своих скитаний, но так и не пришел ни к какому выводу. В конечном счете он вообще перестал задумываться о чем-либо, кроме одной, самой важной задачи. О цели всей его жизни.

Нищий провожал щедрого прохожего взглядом, пока меховой плащ того, хлопая полами на осеннем ветру, не скрылся за поворотом, после чего снова уставился на вход в пекарню.

– Иворн снова опаздывает, – пробормотал Бенедикт. – Или я все же ошибся? Нет, ерунда, не мог! Он приходит сюда раз в две дюжины дней, с утра. Всегда. Хотя... три месяца назад он опоздал на день из-за драки в Крепости, а за два месяца до этого появился только к обеду. Хм... какой сегодня день? – Он нахмурился, с силой ударил себя по лбу ладонью и, беззвучно шевеля губами, принялся загибать пальцы.

От резкого звука Бенедикт вздрогнул, успев краем глаза увидеть, как его кружка врезалась в подгнивший забор и разлетелась на части. Две медных четверти, недовольно звякнув, выкатились на самую середину улицы.

– Бене, друг мой! Нет, ну ты мне скажи, тебе это правда нравится или ты просто тупой?

Услышав знакомый голос, Бенедикт пискнул и попятился, пока не уперся спиной в холодные доски старой ограды.

– Я же просил держаться отсюда подальше. Несколько раз просил. А тебе все нейдет, – хриплый голос человека тер-

зал уши, как старая пила – сухое дерево. – Сколько раз повторять, что хозяину не нравится, когда такие, как ты, ошиваются у его таверны?

Мужчина выглядел угрожающе. Он был высок и невероятно широк в плечах. Скрещенные на груди руки бугрились мышцами, а круглое обветренное лицо уродовал кривой шрам через всю щеку. Внушительный торс прикрывала только кожаная жилетка, но по-осеннему холодный ветер, казалось, не причинял ее обладателю никакого беспокойства.

– Гвоздь, – Бенедикт с сожалением покосился на пекарню, перевел взгляд на еще закрытую корчму, притулившуюся через два дома, и снова посмотрел в лицо собеседника. – Еще восемь... нет, семь с половиной минут. Потом я уйду. Пожалуйста! Мне нужно...

Гвоздь не дал ему закончить. Бене даже не успел понять, что произошло. Еще секунду назад он сидел на своем настиле из сухих листьев, а в следующий миг его отшвырнули в сторону, словно котенка.

Жесткое падение выбило воздух из легких. Ладони оцарапались о землю, и Бенедикт зашипел от боли. Из разорванного кармана блестящим дождем разлетелась горсть монет. Монет, которые он с таким трудом выпрашивал целую неделю. Конечно, он попытался их собрать. Отплевываясь от грязи, полз сначала к одной, потом к другой, третьей... в надежде найти как можно больше, прежде чем...

Тяжелый сапог угодил прямым под дых, опрокинув Бенедикта на спину. Вспышка боли разорвала сознание. Он пытался вздохнуть, но каждая новая порция воздуха тут же вырывалась из груди надсадным кашлем.

– В прошлый раз я обещал познакомить тебя с нашими девочками, так? Может, сейчас до тебя наконец дойдет. – Гвоздь покачал головой, наигранно вздохнул и крикнул через плечо: – Боров, чего так долго?!

До этого момента Бенедикт считал, что легко отделался. Пара синяков и ссадин – дело привычное. Иной раз ему доставалось и похлеще. Но собаки... С собаками ему везло редко.

Толстенный повар в замаранном фартуке вышел из-за корчмы, когда Бенедикт уже прополз на задку через полдороги и снова уперся спиной в косо́й забор. Борова неистово тянула пара разъяренных сук. Словно одержимые, они рвались с поводков, рычали и лаяли, пуская пену. Бенедикт уже встречал этих тварей. В тот раз их разделяла клеть вольера, но даже тогда от одного вида лохматых озлобленных бестий хотелось залезть на ближайшую крышу.

Он испуганно вскрикнул, прижав кулак с остатками монет к животу. Трухлявые доски за его спиной жалобно заскрипели.

– Дошло наконец? – Гвоздь хмыкнул и покосился на повара. – Давай, Боров!

– Да ну его на хрен. Порвут же. Попугали, и хватит.

– Отпускай, сказал, – рывкнул вышибала, – или будешь следующим!

Толстяк вздохнул, раздраженно сплюнул и разжал мясистые пальцы. Бенедикт взвизгнул и, забыв про парализующий страх, перевалился через забор. Собаки налетели на ограду еще до того, как нищий рухнул в густую траву. Их пасти клацали над самым его ухом, пытаясь протиснуться в щели. Ветхие деревяшки прогибались, трещали, но каким-то чудом держались, обеспечив Бене пару лишних секунд. Не больше. Где-нибудь неподалеку обязательно найдется с полдюжины широких прорех.

«Девочкам», судя по всему, пришла в голову та же мысль. Они отступили, поводя влажными носами, и ринулись в сторону.

– Умные, – Бене шмыгнул носом и припустил через обугленный остов одноэтажного дома.

Ноги сами несли его прочь от злополучного места. Приобретенные за год бродяжничества инстинкты безошибочно подсказывали лучшее направление. Удирать от собак приходилось не в первый раз, и он, наученный горьким опытом, продолжал упорно нестись вперед. Вперед... даже когда кошмарный лай больше не доносился до ушей. Вперед, пока легкие не взмолились о пощаде. Вперед, пока противный, тошнотворный комок не подступил к горлу.

– Неудачный день. Проклятый Гвоздь. Ненавижу. – Бенедикт прислонился к стене и закашлялся. На зубах противно закрипела дорожная грязь.

На этот раз удача уберегла его от лишних дырок в заднице, но что стало с деньгами? Бене медленно поднял руку и разжал онемевшие пальцы. Над кровавыми следами от ногтей поблескивали четыре медных монетки. Обидно. До встречи с Гвоздем он мог похвастаться десятком таких, да еще и одним серебряным полурином. Сумма, на которую вполне можно было протянуть целую неделю.

– Нет. Восемь дней. Если сильно экономить – девять с половиной. Проклятый Гвоздь, – Бенедикт достал из-за пояса длинный нож. – Иворн должен был прийти в лавку. А я убежал. Гвоздь должен заплатить.

Бене поднес оружие к лицу и критически осмотрел стертое на треть лезвие. Он украл клинок двести одиннадцать дней назад и с тех пор ждал подходящего момента. Каждый вечер его убаюкивали звук точильного камня и мечты о том, как он пустит нож в действие. И в мечтах этих для Гвоздя не было места.

– Потерпи. Еще не время.

С тихим шорохом Бенедикт вложил клинок в потертые ножны за поясом, глубоко вздохнул и осмотрелся. В узком, загаженном переулке тихо шуршали крысы в кучах гниющего мусора. От тугой вони саднило в носу, но Бене этого по-

что не замечал. К запаху и грызунам он привык за несколько месяцев, к голоду и боли – за полгода. Остался жив и относительно невредим – уже маленькая победа. Победа, которая еще на один шаг приближает его к цели.

Бенедикт по привычке сунул руку в карман выдавшего вида плаща, но обнаружил только лоскут разорванной ткани. Ветхие штаны, пока он спасался бегством, и вовсе превратились в лохмотья.

– Замечательно. Просто отлично, – прошипел Бене и сплюнул.

Густая слюна повисла на губе и упала на грязную рубашку. Только сейчас он ощутил немилосердную жажду. Жажду и боль. Болели разбитые колени, саднили ободранные ладони, ныли не пойми откуда взявшиеся ушибы. Впрочем, ничего нового. Так случалось всегда. Стоило только расслабиться, и тело тут же напоминало о себе самым отвратительным образом.

Тихо выругавшись, Бенедикт побрел прочь. К своему стыду, он не мог понять, где находится, хотя думал, что изучил Денпорт от Крепости до Улья. С одной стороны переулок огораживал высокий забор, с другой – замызганная стена длинного, напоминающего сарай здания. Выбираясь из отнорка, он неосознанно принялся считать наглухо закрытые ставни.

Одна... четыре шага... еще одна... и еще четыре шага... третья, и... К его удивлению, четвертое по счету окно оста-

вили незапертым. Непростительная халатность. Наверняка за ночь местное ворье успело вынести из комнаты все, что представляло хоть какую-то ценность. Мимоходом Бенедикт глянул внутрь и едва не споткнулся от изумления. Он мало чего успел разглядеть, но даже этого хватило, чтобы едва не обмочить штаны.

В темной, скромной даже по самым аскетичным меркам комнатке копошился худощавый мужчина. На вытянутых руках он бережно держал темно-синее платье, будто оценивая.

– Юстициар? – потрясенно выдохнул Бенедикт.

Слово вырвалось неосознанно и прозвучало столь тихо, что нищий едва смог расслышать сам себя. Однако человек обернулся с такой прытью, будто Бене закричал над самым его ухом. Безумный взгляд незнакомца обрушился на него похлеще удара в челюсть, но реакция снова выручила нищего. Спустя миг он уже затаился за грудой почерневших от старости ящиков. Сердце подскочило к пересохшему горлу, от испуга потемнело в глазах. Дрожащей рукой Бенедикт прикрыл рот, чтобы хоть как-то заглушить шумное дыхание. Немыслимо! Растреклятый, драть его через пень, юстициар! И какого рожна он забыл в этом клоповнике?

Через мгновение худой, словно прут, человек навалился на подоконник и высунул в проем ошалелую физиономию. Бенедикт успел разглядеть его налитые кровью глаза, болезненно-бледную кожу, впалые щеки... Слишком много раз Бене видел бедолаг, подсевших на «звездный шепот», и без

труда мог определить одного из них даже среди сотни. Ерунда. Такого просто не могло быть. Всего лишь воображение. Вовсе не мантию вертел в руках этот тип. Просто воришка спер дорогое платье и прикидывал, сколько монет сможет выручить за находку.

Мимо деловито, словно знатная особа на вечерней прогулке, прошагала толстая крыса. Человек проводил ее задумчивым взглядом, выждал немного и, пробурчав что-то под нос, исчез в недрах дома так же внезапно, как и появился. Хлопнули деревянные ставни, и Бене снова остался наедине с собой и местными паразитами. На подгибающихся ногах он вышел из проулка, и беспощадный ветер тут же пронизал его потное тело. Бенедикт поежился, плотнее закутался в то, что некогда было шерстяным плащом, и бросил мимолетный взгляд на лачугу.

– «Приют Эльзы», – прочитал он истертую надпись на кривой вывеске. – Ты идиот, Бенедикт. Юстициар? Здесь? Это бред. Ты сам это знаешь.

3.

Впрочем, мысли о странном человеке вылетели из головы бродяги, едва тот выбрался на одну из знакомых улиц. Потерянные деньги тоже не имели большого значения. Ближайшие несколько дней голодная смерть ему не грозила, а значит, и беспокоиться не стоило. Единственное, о чем он

мог думать, и все, о чем он думал последнее время – Иворн Хонна, глава так называемого Городского сыска. Беспольный человек в бесполезной организации.

Именно этот ублюдок был в ответе за все, что приключилось с Бенедиктом. Именно по его вине он оказался на улице, лишился доброго имени, репутации, состояния и семьи.

– Иворн Хонна, – тихо произнес Бене, глядя под ноги. – Иворн. Хонна. Уже скоро. Помяни мое слово.

Сколько раз он произносил его имя? В печали и в радости. Словно молитву. Сколько раз грозился перерезать ему глотку? Сколько точильных камней стер о свой нож, который так ни разу и не вынул из ножен по делу? Ничего. Рано или поздно время Иворна придет. Уж чему улица и успела научить Бене, так это терпению.

Он и не заметил, как оказался на площади перед воротами Крепостного двора. Ноги сами нашли дорогу. Что ж, если Иворн не пришел к пекарю, то наверняка остался по ту сторону стен. Обход постов и встречи с информаторами, как правило, не начинались так рано, если только не произошло что-то непредвиденное. А может, он попросту заболел? Три дня назад Иворн попал под проливной дождь и вымок до нитки. Жаль, что такое отребье, как Бенедикт Лемар, не пускали внутрь. Оставалось только ждать, когда главный, прости Судья, сыщик города выберется из своей скорлупы. Скорлупы, в которой когда-то едва не поселился и сам Бенедикт.

Он оставался незаметным. Всегда. Суровые улицы Денпорта стерли все аристократические черты, превратив его в безликого бродяжку, коими кишел город, словно дворняга – блохами. Некогда модная прическа превратилась в длинные засаленные патлы. Аккуратно подстриженная борода прибавила в размерах и походила на разоренное гнездо фазана. Живые, темно-карие глаза потускнели, ввалились и обзавелись синяками. Дорогие шелка сменила грубая мешковина, на которой день ото дня появлялись новые прорехи и, если повезет, заплатки.

Высокий и тощий, Бенедикт без усилий сливался с разношерстной армией нищих и мог следить за Иворном едва ли не каждый день, не боясь быть узнанным. И он следил. Ждал удобного случая, поглаживая рукоять ножа под плащом. Он знал об Иворне все... ну или почти все. Знал, в каком порядке тот делал обход, знал большинство его информаторов, знал, какое мясо он предпочитал на обед, кому доверял и кого ненавидел. С каждым днем банальная слежка все неотвратимее становилась чем-то большим. Маниакальной, болезненной одержимостью. Бене осознавал это, но ничего не мог с собой поделать, да и не хотел. Иворн должен заплатить за содеянное.

Порыв холодного ветра бесцеремонно ворвался под ободраный плащ. Бенедикт поежился, отступил в один из узких проулков, стараясь скрыться от непогоды, и прислонился к стене ближайшего дома. Он частенько стоял на этом ме-

сте, наблюдая за Центральной площадью Торгового квартала. Самого благополучного квартала в городе, любимого и в то же время ненавистного.

Все здесь напоминало о прошлом: прилично одетые люди, таверны с вкусной едой и неразбавленной выпивкой, ухоженные здания и чистые, по местным меркам, улицы. В свое время Бенедикт побывал во всех местных лавках, испил не один кувшин вина в каждой корчме и даже мог беспрепятственно проходить за крепостные стены. Туда, где селились самые богатые и влиятельные шишки Денпорта. Что ж, теперь все они время от времени подавали ему милостыню, брезгливо отводя взгляд. Город контрастов, мать его!

– Жаль кружку, – с досадой выдохнул Бене, в очередной раз окидывая площадь взором, и едва не подпрыгнул от удивления.

Перекинувшись парой фраз со стражником у ворот, из тенистого портала вышел Иворн в сопровождении крепкого бородатого воина в легком доспехе и с коротким мечом на поясе. Всего за неполный год глава сыска успел обзавестись таким количеством недругов, с каким вряд ли поспорил бы даже палач. И все из-за своей должности. Лорд Трамм учредил Городской сыск специально для Иворна, в надежде возвысить его в глазах местной элиты. На деле же никто не воспринимал эту затею всерьез, как не воспринимал всерьез и самого Хонну. Сыск же, состоящий всего из горстки верных людей, копал только под тех, об кого иные затупили не одну

лопату. Именно поэтому Иворн почти никогда не появлялся на людях без охраны.

– К Висельнику? Сомнительно. Слишком рано. К Щербатому? Хм... он был у него два дня назад. Остаются только Ворон, Бес и Сиплый Грег, но сейчас не время, или... хм...

Опустив голову, Бенедикт тараторил без остановки, стараясь угнаться за потоком собственных мыслей, и лишь изредка бросал короткие взгляды вперед, дабы не потерять цель и не столкнуться с кем-нибудь. Центральный проспект был одной из самых оживленных улиц города, но Бене без труда лавировал в плотном потоке людей и повозок. Оставляя позади дом за домом, он упорно шел вперед, пока сквозь нескончаемый гомон, стук копыт о мостовую и скрип колес не прорвался отчетливый возглас Иворна:

– А мне плевать!

От неожиданности Бенедикт едва не споткнулся. Он вскинул голову, стараясь рассмотреть свою цель сквозь толпу, прислушался. Хонна стоял посреди дороги, отчаянно втолковывая что-то охраннику. Толпа огибала троицу, словно река – валун, не обращая никакого внимания на перепалку. Бене замедлил шаг, тут же получив болезненный тычок в бок.

– С дороги, бестолочь! – прикрикнула на него проходящая мимо женщина, нагруженная увесистыми тюками с картошкой.

Бенедикт пропустил оскорбление мимо ушей. Все его внимание приковал к себе Иворн. Внезапная остановка ру-

шила все расчеты и прогнозы. «Нужно подобраться ближе, подслушать, – вертелось в голове Бене. – Нужно...»

– Мы теряем время! Жди меня на месте! Это приказ!

Внезапно Хонна развернулся и пошел прямо на него, расталкивая нерасторопных прохожих. Бене задохнулся от волнения, шаг его сбился. Вот она, возможность. Никто не обратит внимания на жалкого попрошайку. Даже сам Иворн не сразу поймет, что случилось.

Бенедикт запустил руку под плащ, сжал потертую рукоять ножа, ощутил, как трется о ножны лезвие. Их разделяла какая-то дюжина шагов. Десять шагов. Восемь. Один быстрый укол в живот обеспечит убудку долгую и мучительную смерть. Никто ничего не заметит, пока не станет слишком поздно. Шесть шагов.

Он заслужил это. Без всякого сомнения. Бене прилагал невероятные усилия, заставляя ноги идти с прежней скоростью. Почувствовал, как заболели напряженные пальцы, как сжались готовые к удару мышцы. Четыре шага.

«Тебе конец, сволочь. Тебе конец!»

Два шага. Пора!

Иворн скользнул по Бене отсутствующим взглядом и... прошел мимо. Нищий остановился, хватая ртом воздух. Несмотря на прохладу, по его лбу стекал пот, застилая глаза. Тем не менее он смог разглядеть, как стражник пожимает плечами и устремляется вверх по улице. Кто-то снова толкнул его, едва не сбив с ног. Пытаясь справиться с головокру-

жением, Бенедикт свернул в ближайший проулок, привалился к стене старого сарая, с трудом разжал пальцы. Наполовину извлеченный нож с едва различимым щелчком провалился в ножны.

Безжалостный приступ тошноты согнул Бенедикта пополам. Рот наполнился горьким привкусом желчи. Сплюнув, он медленно осел на сырую землю и уткнулся бледным лицом в колени.

– В следующий раз, – прохрипел он. – В следующий раз получится.

4.

Таверна «Распутная Розали» считалась одним из самых приличных заведений Тихого Города. Свежевыбеленное здание, красуясь просмоленными балками, возвышалось на добрых три этажа и казалось настоящим дворцом на фоне ветхих домишек окраины Денпорта. Двери ее распахивались ближе к вечеру и не закрывались до самого утра. А пока питейный зал пустовал, Бенедикта пускали за хромой столик в самом дальнем углу и подкармливали вчерашней стряпней за символическую цену. Немыслимая роскошь для бездомного.

Всего-то и требовалось подсказать управляющему, как лучше залатать испорченную градом крышу и сэкономить на этом небольшое состояние. Экономил, впрочем, не сам Ро-

гри, а настоящий хозяин таверны – Магнус Лирой, один из четырех советников лорда Реймира Трамма. Как-то раз, еще в прошлой жизни, Бене пришлось пересечься с ним по долгу службы. Встреча выдалась не из приятных, и с тех пор бывший зодчий старался не попадаться ему на глаза. Магнус обладал довольно крутым нравом и был скор на расправу. Никто не горел желанием попадать под его горячую руку, рискуя остаться без своей.

Весь путь до таверны Бене проделал, словно в тумане. Беспощадная усталость валила с ног, еще немного, и пришлось бы вползать в зал на четвереньках.

Миновав кованую арку, обозначающую вход на участок, Бенедикт приоткрыл парадную дверь и нерешительно заглянул внутрь. Полоска солнечного света прочертила линию на темном полу. К счастью, питейная пустовала, только щупленький служка флегматично протирает кружки за стойкой, прислушиваясь к оживленной беседе на кухне.

– Бене, ты, что ли? – Мальчишка прищурился и отложил полотенце. – Ну, заходи, чего встал?

Отчего-то не решаясь распахнуть дверь шире, бродяга протиснулся внутрь и торопливо прошаркал к привычному углу.

Паренек особо не торопился. Он еще немного повозился с кружками, побряцал посудой на полках и только после этого обратил внимание на гостя.

– Что у тебя? – бросил он через плечо и тут же нырнул

под стойку. Что-то громко звякнуло, послышалась ругань.

– Четыре... – прохрипел Бене и закашлялся. Жажда буквально высушила его глотку. – Четыре четверти.

– Не густо, – мальчишка выбрался из-под стойки и бросил равнодушный взгляд на посетителя. – Есть грибная похлебка и немного пива с позапрошлого вечера. Похлебка холодная. Греть не буду, недосуг. Пиво выветрилось давно и, как мне думается, прокисло.

Бенедикт покорно кивнул. Ему ни раз приходилось совать в рот такое, на фоне чего холодный суп и старое пиво казались королевской едой. Разжав кулак, он с сожалением смотрел, как монетки, одна за другой, с глухим звоном падают на столешницу. Мальчишка только хмыкнул, пожал плечами и не спеша вышел из зала. Впрочем, вернулся он быстрее, чем мог бы. Оставив заказ перед гостем, он проворно смахнул деньги в пригоршню и вернулся за стойку.

– Хоть бы барахло постирал, – буркнул паренек напоследок. – Проветривать теперь...

Ел Бене медленно, пытаясь растянуть трапезу, хотя почти не ощущал вкуса. Голова напоминала пустой бочонок. Редкие мысли крутились в ней вяло, словно в студне. Так всегда случалось после очередной попытки.

– Восьмая. Неудачная, – констатировал он, словно подводя черту.

Бене не знал, что с ним творилось. Он хотел смерти Иворна Хонны, жаждал ее всеми фибрами своей измученной ду-

ши. Каждый вечер, устраиваясь на ночлег в какой-нибудь полуразрушенной лачуге, он обдумывал, строил новые планы, просчитывал варианты. Да, считать у него получалось хорошо. Под звонкий скрежет точильного камня о нож Бене мысленно перерезал Иворну глотку, вешал его, топил, проламывал череп увесистым булыжником... Он перебрал сотни самых изощренных способов убийства и ни разу не колебался. В своих фантазиях. На деле же все оказывалось куда сложнее. Как ни старался, он просто не мог заставить себя сделать это, не мог пересилить себя.

– Тряпка. Бесхребетный выродок.

Он откинулся на спинку стула, влил в себя остатки теплого пива и прикрыл отяжелевшие веки. Ему нужен был отдых. Всего лишь краткая передышка, когда не надо никуда бежать, вкалывать в доках, надеясь на честность нанимателя, клянчить мелочь. В эти минуты он мог притвориться, что все не так уж и плохо. Мог перенестись из Тихого Города в одно из заведений Торгового квартала у самых крепостных стен. Мог представить обжаренную на углях телятину вместо вчерашней бурды. Мог оставить щедрые чаевые и...

– Ни хера вы не можете, выродки!

Бенедикт вздрогнул, едва не упав со стула, и распахнул глаза. Все-таки он задремал. Непростительная глупость! Следовало доесть и, не привлекая внимания, убраться подалее. Крики никогда не доводили до добра, даже если кричали не на него.

– Хонна, Хонна, Хонна! – снова послышалось с кухни. – Заткнитесь оба! Что за уроды... Где он ее прячет, а?! Ну? Чего молчите?

Кто-то робко ответил на гневную тираду, но звон кастрюль не позволил расслышать слова.

– Да заткнись ты! – Некто распаялся все сильнее. – Если я не верну ее вовремя, то посажу жирное пятно на свою репутацию! Можете вы это понять или нет?! Что сложного?! Вот ты мне скажи, что в этом сложного?

– Наверное, ничего, босс, – громовым раскатом прогрехотал новый голос.

– Вот! Даже этот олух знает, что к чему. Вы же... – монолог прервала краткая пауза. – Рогри, бестолочь, кончай уши греть! Лучше плесни чего-нибудь.

Дверь в кухню распахнулась, и в зал ворвался управляющий. Взмокший, растрепанный и красный, как редис, он впопыхах зацепился за стул и, едва устояв на ногах, ухватился за стойку.

– Мика! Мика, чтоб тебя!

Служка выбрался из чулана, что-то опрокинув по пути, и озадаченно покосился на Рогри. В руках он сжимал коротенький ножик и наполовину очищенную картофелину.

– Так, – корчмарь выпрямился. – Быстро в погреб! Принеси... – он задумался, – принеси красное сухое из... хотя нет, лучше белое...

Рогри мельком окинул зал взглядом и внезапно запнулся.

Глаза его округлились то ли от удивления, то ли от ужаса, то ли от всего сразу.

– Бене, – выдохнул он. – Чтоб тебя... Бене, выметайся отсюда! Живо! Это ты его пустил? – яростный взгляд пригвоздил служку к стене.

– Ну...

– Козлина ты тупая! Неужели нельзя пораскинуть своим куриным мозгом? А ты чего сидишь?!

Бенедикт с сожалением посмотрел на остатки похлебки. Уж очень дорого встал ему сегодняшний завтрак. Но выбирать, опять-таки, не приходилось.

– Живее! – выпалил Рогри и покосился на служку. – Ну а ты чего вылупился, придурь? Вино! Живо!

– Так какое нести-то?..

– Ах ты ж господи! – управляющий застонал, устремив отчаянный взгляд в потолок.

В этот самый момент, грохнув о стену, снова распахнулась кухонная дверь, и в зал по очереди вошли несколько мужчин. Стройный брюнет что-то тихо втолковывал крепко сбитому бородачу, не обращая внимания ни на кого вокруг. Следом за ними показался чернокожий гигант.

Этого человека Бенедикт уже встречал и теперь жалел, что не успел убраться из таверны вовремя. Велфорд одним своим видом вселял страх в окружающих. Да, он, без сомнения, был самым высоким человеком, какого Бене доводилось видеть. Самым высоким и, разумеется, самым сильным. Очер-

тания его могучих мышц проступали даже сквозь кожаную куртку, а россыпь мелких шрамов на лысой голове и сбитые костяшки пальцев говорили о бурном прошлом. Но совсем не это пугало Бене. Велфорд был лишь охранником, а это означало...

Следом за троицей показался приземистый, упитанный мужичок в роскошном, расшитом золотыми нитями плаще. Гладко выбритые розовые щечки колыхались в такт шагам. Без особых усилий он растолкал головорезов и протиснулся к стойке.

– Ты-то чего разорался? У меня от этих уже голова болит, – он мотнул головой в сторону. – Тебя не хватало еще. И где мое вино? Пока растолкуешь, что да как, можно голос...

Остаток фразы так и застыл на его губах. На дюжину вдохов повисла тяжелая, оглушающая тишина, продлившаяся для Бене не меньше часа. Пять пар глаз словно раздирали его взглядами, а он даже руку не мог поднять. Собаки, странный тип в окне, а теперь еще и это... Жизнь, видать, решила отыгаться на нем авансом, на несколько лет вперед.

– Рогри, дружок, мне почему-то казалось, что моя корчма еще закрыта. Или я ошибся? Будь добр, скажи, кто этот оборванец и как он умудрился сюда попасть? – елейный голос сочился плохо скрываемой яростью, а от напускной улыбки веяло не холодом – лютым морозом. С эдаким видом, как подумалось Бене, запросто можно всадить кому-нибудь нож в живот.

– Это... – корчмарь нервно откашлялся и натужно улыбнулся. – Никто, местный попрошайка. Я его старой снедью кормлю за полцены. Все равно ж собакам отдавать, а так – деньги. Он нам хорошо помог с крышей, и я подумал...

– Думать, Рогри, здесь полагается мне, – мягко оборвал его человек, почесав подбородок. – Отчего-то у всех вокруг это скверно выходит. Он слышал, о чем мы толковали на кухне? Нет? Эй, любезный, как там тебя? Слышал что-нибудь из нашего разговора?

Бенедикту стало дурно. Едва сдерживаясь, чтобы не обмочиться, он нашел в себе силы только помотать головой, вовремя смекнул, что врать не имеет смысла, и тут же неуверенно кивнул.

– Так да или нет? – человек снисходительно улыбнулся. – Хотя... хм... какая, в сущности, разница, да? Ребята, – он обернулся к своей свите, – быстренько избавьтесь от этого недоразумения. Местный сброд, знаете ли, разносит слухи не хуже, чем уличные крысы – всякую заразу. А ты куда собрался, тупица? – схватив за рукав Велфорда, он потянул его обратно и устало вздохнул. – Одно слово – придурок. Что с тебя взять-то?

Бенедикт даже сообразить ничего не успел, а его уже волокли к выходу, медвежьей хваткой стиснув предплечья. Краем глаза нищий увидел, как отдаляется его стол с недоеденной похлебкой. «Мой последний завтрак, и такое дерьмо», – пришла в голову нелепая мысль, от которой на душе

стало совсем скверно.

– Господин, не нужно, – неуверенно вытолкнул из себя Рогри. – Это всего лишь местный бродяжка. Даже если...

– Тихо, – шикнул на него упитанный мужичок, поднеся к губам указательный палец. – Я ведь говорил, что думать – не твое. А пока я занят, готовься к серьезному разговору.

Тщедушный корчмарь совсем сник, ссутулился и тяжело выдохнул. Бене слышал это даже сквозь гремящий в ушах пульс. Бородач меж тем толкнул ногой входную дверь, и в лицо Бенедикту пахнуло осенней свежестью. Голова прояснилась, и осознание скорой смерти тут же пробило брешь в скованном страхом сознании. На смену безразличному оцепенению пришла паника. Без особой надежды он попытался вырваться, но куда уж там! Все его жалкие потуги напоминали трепыхание мелкой рыбешки на крючке. Яркий после полумрака таверны дневной свет резанул по глазам. То ли от боли, то ли от досады по щекам потекли слезы.

– Проклятый Гвоздь, проклятые собаки, проклятый день, – едва слышно бормотал Бене, – и Иворн Хонна. Пусть катится ко всем...

Внезапное озарение молнией пронзило голову. «Хонна, Хонна, Хонна», – кричали на кухне, когда он едва не уснул над тарелкой с похлебкой.

– Подождите! Стойте! – закричал Бенедикт и снова попытался вырваться. – Иворн Хонна! Могу помочь. Могу...

Внезапный удар согнул бы нищего пополам, не придержи-

вай его конвоиры. Живот взорвался удушающей болью, ноги Бенедикта подкосились, и носки стоптанных сапог прочертили две ровные линии в дорожной пыли. Желудок стянуло узлом, и весь недавний завтрак выплеснулся наружу, как и содержимое мочевого пузыря.

– Давайте его обратно. Босс велел, – могучий бас донесся до ушей Бене едва различимым гулом.

Сквозь мутную пелену полуобморока он почувствовал, как его снова куда-то тащат. Внезапно нестерпимый свет стал мягче, а топот шагов сменился с невнятного шлепанья на гулкое «бум, бум, бум». Бенедикт разлепил веки и увидел под собой потертые половицы.

– Велфорд, он там живой? Приведи его в чувство.

Бенедикт забыл о противной горечи во рту и саднящих ушибах, едва его окатило ледяной волной. Он вскрикнул и встрепенулся. Грязные патлы мокрыми сосульками облепили щеки, лоб и затылок, пуская обжигающе-холодные струйки воды за шиворот.

– Ты б его хоть по щекам похлопал для начала, – укоризненно заметил упитанный мужичок.

Бене играючи приподняли и поставили на ноги. Цепкие руки головорезов никуда не исчезли, но он и не возражал. Без поддержки наверняка рухнул бы на пол.

– Подними голову, – пролетел по залу властный голос. – Ты знаешь, кто я?

Бенедикт почувствовал на себе пристальный, изучающий

взгляд. Без тени брезгливости или отвращения. Так обычно смотрит ученый на подопытную жабу. Собрав остатки сил, нищий повиновался и со всей возможной внимательностью взглянул на этого человека.

– Знаю, – выдавил он после недолгой паузы. – Вы – сэр Магнус Лирой, один из советников лорда Трамма.

– Хорошо, – мужчина кивнул. – Это сэкономит немного времени. И ты, надо полагать, осознаешь всю серьезность ситуации?

– Д-да...

– Тогда, будь добр, не проси свой маленький шанс.

Бене сглотнул и едва подавил новый приступ рвоты. Вкус во рту стоял просто омерзительный.

– Иворн Хонна... – начал он, запнулся, выкашляв сгусток слизи. – Знаю все о нем. Куда ходит, где бывает, где живет. Информация. Могу помочь. Да, могу. Спросите. Что угодно. – Бене снова замутило, и он бессильно уронил голову, чувствуя, как ледяные капли стекают по носу.

Вежливая заинтересованность на лице советника сменилась разочарованной миной. Он устало размял уголки глаз и тяжело вздохнул.

– Подумать только, сегодня моя интуиция меня подвела и подсунула умалишенного придурка. Прискорбный факт, не так ли? – Магнус покосился на темнокожего амбала.

– Да, босс, прискорбный, – безразлично отозвался Велфорд.

– Вот именно. Послушай, любезный, неужели ты думаешь, что я не знаю, где живет эта мразь? Но мне нужен не он, а то, что он у меня украл – старинная, мать ее, диадема. Диадема, которую один уважаемый человек отдал мне на реставрацию. Мои люди обыскивали каждый угол, в который тот умудрился нассать. Больше скажу, они даже в его особняк умудрились пробраться. Я уважаю и понимаю твоё желание отсрочить неизбежное, поэтому попробуй еще раз. Признаться, это меня немного забавляет.

– Особняк. Именно он. Восемь шагов от главного входа, – натужно заговорил Бенедикт, снова пытаясь поднять голову. – Коридор слева. Последняя дверь направо. Большая комната. Должна была стать библиотекой. У дальней стены вход. – Он прервался, закашлялся, сделал несколько глубоких вдохов. – Двадцать восемь ступеней вниз. Скрытая комната.

– Он всегда такой? – советник покосился на Рогри и продолжил: – Тебе-то откуда знать об этом? Ты хоть раз бывал в Крепостном дворе?

– Я... был...

– Встряхните его, ну? Видите же, нездоровится человеку!

Кто-то вlepил Бене пощечину с такой силой, что тот почувствовал привкус крови во рту. Тем не менее это подействовало.

– Я... – нищий тряхнул мокрой головой. – Бенедикт Лемар. Придворный зодчий. Бывший. Работал над реконструк-

цией правого крыла Крепости. Дом Хонны... его штаб. Мой дом. Должен был стать моим. Не успел закончить. Выгнали.

– Бенедикт Лемар... Лемар, – медленно произнес Магнус. Морщины на его лбу стали глубже. – Отчего-то мне знакомо это имя... Значит, всего лишь местный бродяжка? – Магнус укоризненно посмотрел на управляющего и покачал головой.

Рогри, угрюмый и подавленный, только что-то буркнул себе под нос.

– Ну, продолжай же, – тоном нетерпеливого дедушки, который выспрашивает о делах любимого внука, попросил советник. – И как же попасть в эту тайную комнату?

– Не знаю. Не уверен... – Бенедикт почувствовал, как с губ стекла струйка кровавой слюны, машинально вытер подбородок о плечо и повторил: – Я не закончил. Не успел. Механизмы... Как исполнить? Слишком много вариантов... рычаг? Не дальше десяти шагов от входа. Да, я бы так сделал. Нажимная плита? Непрактично...

– Достаточно! Велфорд, слышал его? Комната в конце коридора.

– Слышал, босс, – прогудел здоровяк.

– Поспрашивай о нашем госте. Может, кто-то из твоих расскажет о Бенедикте Лемаре что-то интересное.

– Понял, босс.

– И к торгашу тому сегодня наведайся. Этот гад мне уже второй месяц не платит. Усек?

– Усек, босс.

– Все, иди уже. У меня от тебя мурашки по коже. А с тобой... – Магнус перевел взгляд на Бене. – С тобой мы поступим так: посидишь пока в погребке и подумаешь о том, как нехорошо подслушивать взрослых. Разрешаю взять бутылку вина в знак моего расположения. Если к вечеру мое благодушие останется при мне, мы с тобой потолкуем еще разок. Понял?

– Понял. Кое-что еще. Информация. Не уверен...

– Хватит мямлить!

– «Приют Эльзы». Четвертое окно в правом проулке. Показалось, что видел юстициара. На «звездном шепоте». Но не уверен. Убегал от собак.

После этих слов Бене окончательно выдохся и буквально повис на руках конвоиров. Он не мог не упомянуть об этом, хоть и понимал, что сказанное прозвучит как бред. Даже для него самого. Однако негласный глава всего преступного сообщества Денпорта должен знать обо всем, что творится в его городе. Бене ничего не терял, но если окажется, что он все-таки прав, это поможет подняться в гласах Магнуса, ну а тогда... Что ж, у него появится неплохой шанс выжить.

Какое-то время Бенедикт не слышал ничего, кроме пульсации крови в ушах. Ну и прекрасно. Он уже устал от болтовни, которая зубилом вгрызалась в темя. Головная боль нарастала с каждой секундой. Хотелось забиться в самый темный угол, свернуться и забиться на несколько дней.

– Юстициар? Здесь? – удивленный возглас Рогри.

– Босс, – раздалось над самым ухом. – Звучит как куча дерьма. Насколько я знаю, юстициары никогда не появлялись в Шоровом уделе. На моей памяти, по крайней мере.

– Похоже на то, – согласился Магнус. – Проверим позже, а пока проводите нашего гостя в апартаменты.

5.

Брюнет и бородач, как окрестил их Бенедикт, снова вывели его на улицу, но на этот раз направились к заднему двору. Сам Бене, впрочем, не возражал. На возражения попросту не осталось сил. Он висел у конвоиров на руках, словно соломенное чучело, безвольное и равнодушное ко всему. Короткий разговор истощил все его силы. Как давние, так и совсем свежие проблемы казались чем-то далеким и незначительным... вот только холод докучал крепче обычного.

Грохот тяжелых створок вернул Бене к реальности. Помотав головой, чтобы хоть как-то сбросить оцепенение, он увидел черную пасть провала прямо у ног. В погреб вела хлипкая, знавшая лучшие времена лестница, нижние ступени которой тонули во мраке.

– Сам залезешь, или помочь? – бесстрастно поинтересовался бородач.

– Сам, – вяло отозвался Бенедикт и едва удержался на ногах, когда его отпустили. Судья всемогущий, как же сильно

дрожали ноги! То ли от слабости, то ли от испуга.

Скрипя зубами от невероятных усилий, Бенедикт опустил ногу на первую ступень. Перевел дух. Сделал еще один осторожный шаг, потом еще один и еще один, ожидая в любой момент получить тычок в спину. Впрочем, это оказалось без надобности. Будто назло, промокшая подошва левого сапога скользнула вперед и в сторону. Бенедикт коротко взвизгнул и, всплеснув руками, кубарем скатился вниз.

– Живой он там?

Бене перевернулся на спину и прислушался к ощущению. Сырой земляной пол смягчил падение. В отместку, правда, взбунтовались недавние ушибы. Приятного мало, но терпимо.

– Вроде живой. Шевелится.

Скрипнули ржавые петли, раздался знакомый грохот, и погреб, доселе худо-бедно освещенный, погрузился в темноту. Почувствовав, как дождь соринок падает ему на лицо, Бенедикт фыркнул, чихнул и неожиданно для самого себя расхохотался. Сколько он уже скитался по трущобам Денпорта? Немногим меньше года? Дьявольски долгий срок для того, кто еще недавно стоял если не на вершине, то точно где-то неподалеку. Хотя, конечно же, он все еще слыл новичком в этом гадком, новом мире. Встречались на его пути и такие, кто успешно провел на улице не один десяток лет. И ничего, жили как-то и продолжали жить.

Бене, впрочем, и сам успел натерпеться за этот маленький,

по местным меркам, срок. Он голодал, дрался, частенько получая по морде, убегал и прятался... Много всякого случилось, но чтобы настолько мастерски сесть в лужу! Да уж, это был просто феерический провал!

Вдоволь насмеявшись, Бенедикт прикрыл глаза и затих, не в силах заставить себя пошевелиться. Побитое тело словно прибавило в весе и требовало немедленного отдыха, но холод был неумолим. Он окутывал с головы до самых пяток, с каждой секундой усиливая хватку. Кряхтя от натуги, Бенедикт поднялся и грязно выругался, когда промокшая одежда заерзала по коже. Мерзкое чувство. Радовало только, что в дальнем углу погреба нашлось узенькое окошко под самым потолком, и темнота, сперва казавшаяся непроглядной, постепенно уступила место плотному полумраку.

Нищий торопливо осмотрелся в поисках хоть чего-нибудь, похожего на сменную одежду, но взгляд его наткнулся только на стеллажи с продуктами. Из-за них в просторном подвале едва хватало места. На полках громоздились бутылки, деревянные бочонки, ящики с луком, репой, зеленью и грибами, какие-то баночки и скляночки. Бенедикт медленно бродил среди завалов еды, чувствуя, как холод проникает все глубже и глубже в истерзанное тело. Зубы выбивали дробь. Руки дрожали, заплетались ноги. Если в ближайшее время он не придумает способ согреться, то...

Правая нога споткнулась о что-то мягкое, и Бене, не удержав равновесие, снова растянулся на земляном полу.

– Мать твою через... – Бене запнулся, разглядев на проходе груды мешков.

Ни секунды не колеблясь, он подполз к куче и после недолгих поисков обзавелся пятью сухими и относительно чистыми. Не бархат, конечно, но и подвал – не модная лавка. Торопливо скинув промокшие лохмотья и прихватив с какой-то полки бутылку красного крепленого, Бенедикт устроился в дальнем углу погреба на подгнивших досках старого поддона. Грубая ткань пахла картошкой и неприятно терлась о голое тело, царапая кожу кусочками засохшей грязи.

Кое-как победив тугую пробку, Бенедикт прильнул к горлышку и сделал пару торопливых глотков. Не ощутив вкуса, выпил еще. Приятное жжение окутало горло и медленно спустилось в живот. Тепло! Вот оно, долгожданное тепло! Словно взрыв в заледенелых кишках.

Бене прикрыл глаза от удовольствия, оперся спиной о какой-то стеллаж, глотнул еще, а потом еще, и еще... Приятная истома потеснила боль в висках и свежих ссадинах. Хмель стремительно ворвался в голову, поднимая из пыли старые, уже сотню раз передуманные мысли, которые теперь заиграли новыми красками.

Едва ли не каждый вечер Бенедикт мечтал о том, как встретится с лордом Реймиром Траммом, как объяснит ему всю абсурдность ситуации и то, насколько несправедливо с ним обошелся Иворн Хонна. В мечтах лорд неизменно загорался праведным гневом, прилюдно отчитывал интригана и

возвращал Бене все, чего тот когда-то лишился. На деле же все оканчивалось пьяным забытьем и похмельем на следующее утро.

6.

Что-то проползло по лицу. Бенедикт машинально вlepил себе пощечину, дернулся, и пустая бутылка, тихо звякнув, откатилась в сторону. Сон отступил, а вместе с ним и дурман. Холод. Снова холод! Бене дрожал всем телом, и дырявая мешковина уже не могла помочь. В голове немедленно новым приступом взорвалась нестерпимая боль. Во рту... Нет, даже думать не хотелось о том, что творилось во рту. Пленник застонал и плотнее закутался в грязные тряпки. В погребе стало заметно темнее. Даже привыкшие к мраку глаза могли различить только очертания полок.

– Долго. Почему так долго?

Бене молил о том, чтобы все это поскорее кончилось. Надеялся, что его хотя бы накормят. Да и теплой одеждой обзавестись не мешало бы. Он же рассказал им все, поделился ценной информацией, если... если только... От внезапной мысли Бенедикт поперхнулся вязкой слюной и закашлялся.

– Тайная комната? А если ее уже нет? Если ее не используют? Плохо... очень плохо! Дом могли перестроить. А диадема? Там ли она? Идиот. Тупоголовый придурок!

Он вскочил, услышав, как треснули прогнившие доски

поддона. Следовало немедленно выбираться из этого погреба. Убежать, залечь на дно. Даже Магнус со всей своей сворой не сможет найти его в сложном лабиринте старых кварталов Тихого Города.

Кое-как обернув мешки вокруг себя, Бене подбежал к лестнице и, взлетев к самому верху, навалился на дверь. Тщетно, только тяжелый засов лязгнул в петлях. Конечно, Бенедикт знал, что его заперли, но не попытаться просто не мог. Оставалось только крохотное окошко в дальнем углу подвала. Нищий рванул обратно, чудом не соскользнув с хлипких ступеней. Хорош растяпа, ничего не скажешь! Профукать весь день на сон и вино, а теперь метаться из угла в угол, словно загнанный зверь – просто шикарный план.

Под отчаянным натиском бродяги ржавые прутья ходили ходуном, но никак не хотели сдаваться. Как и Бене. Он дергал, тянул и толкал, насколько позволяла высота окна и его собственный рост, но только еще сильнее разодрал ладони.

– Дерьмо! – в сердцах Бенедикт пнул ящик под ногами. Старое дерево треснуло, высыпав на пол пару горстей каких-то семян.

– Зараза! – следующий удар разбил доски, и светлые семечки засыпали почти весь проход.

Тяжело дыша, Бене облокотился на стеллаж и застонал от боли в затылке. Сердце загнанным зверем билось о ребра, снова взмокли волосы. На этот раз от пота.

– Все без толку. Мне конец. В любом случае. Или же я

прав. Вероятность... достаточно высока. – Бенедикт выпрямился.

Нет, все не могло быть настолько просто. Только не сегодня, когда гребаная удача то и дело совала ему в лицо свою грязную задницу. Сквозь толстые прутья решетки на Бене смотрела ночь. Лунный свет холодно поблескивал на влажной ржавчине. С улицы веяло холодом и сладкой свободой. Вот она, на расстоянии вытянутой руки. Смушал только разрозненный гомон и редкие вскрики на пределе слуха.

В приступе гнева Бенедикт схватил с ближайшей полки первый попавшийся под руку предмет и со всей силы швырнул его в окно. Гиря от настольных весов с глухим «тук» ударилась в стену чуть пониже решетки, и с точно таким же звуком увязла в земляном полу. Следом за ней вниз полетел увесистый кусок штукатурки.

Несколько долгих секунд Бенедикт пялился на трещину, не веря своим глазам, а потом, словно взбесившись, принялся без устали колотить гирей по краям окна. И дело наконец сдвинулось с места! Спустя пять минут он уже вытаскивал первый прут из мешанины глины, соломы и битого камня. Когда в сторону отлетела еще одна железка, Бенедикт позволил себе всерьез поверить в успех своего побега.

От работы пленник снова согрелся. Хоть боль и не ушла совсем, но в голове прояснилось. Он вернулся к своей лежанке и осмотрел старые вещи – ветошь, от которой разило псиной, мочой и блевотиной. Бене подобрал один из пустых

мешков и быстренько затолкал в него обноски. Одежда прослужит ему еще не одну неделю, а грязь с нее он без труда отмоет в реке. В конце концов, не в первый и, наверняка, не в последний раз.

Решив, что от хозяина не убудет, Бенедикт закинул в импровизированную сумку пару бутылок самого лучшего вина, которое только смог отыскать в погребе. Подумав немного, схватил с полки гирию потяжелее и размолотил несколько ступеней. Прислушался, но не разобрал ничего, кроме уже знакомого отдаленного гвалта с улицы.

– Странно, – Бене снова подошел к разбитому окну и высунул голову наружу. Ночи на его памяти всегда отличались редкостным спокойствием и почти сверхъестественной тишиной. Темные дела, как известно, не переносят шума.

7.

Засов звякнул в тот момент, когда Бенедикт, кряхтя и ругаясь, волочил к стене деревянный ящик, набитый не иначе как подковами. С грохотом распахнулись двери.

– Эй, выродок, где ты там? – знакомый голос бородача пролетел по подвалу.

Бенедикт замер. От страха и неожиданности подкосились ноги, и он наверняка упал бы, если бы не ухватился за стеллаж.

– Ты там живой?

Да, Бене определенно был жив, но чувствовал, что вот-вот отдаст концы от ужаса и разочарования. Он же почти успел! Почти! Осталось только подтянуться, протиснуться в щель, и все. Дел всего на пару минут.

– А ну живо сюда, падла! – оглушающий крик ворвался в плотный полумрак погребца.

Бенедикт вздрогнул и случайно опрокинул банку с вареньем. Соскользнув с полки, та приземлилась аккурат на большой палец его правой ноги. Пленник вскрикнул, отпрянул и врезался спиной в стеллаж напротив. Пара мешочков с какой-то дрянью с глухим стуком свалилась на пол.

– Слышал?

– Угу.

– Иди глянь.

– Я? Это же ты у нас великий боец. Или испугался какого-то попрошайки?

– Выходи, тварь! – и тише: – Ни хрена я не испугался, понял?

Бене схватил куль со своими пожитками, запрыгнул на ящик и просунул вещи в окно. Оглушительный треск и грохот промчались по подвалу.

– Ах ты ж сука! Вот дерьмо!

– Да ты издеваешься?!

– Эта падла ступени расхреначила! Я, кажись, ногу сломал! Твою ж мать!

Под аккомпанемент криков и ругани Бенедикт ухватил-

ся за целые прутья. Немедленно вспыхнули болью изодранные ладони, но он держался, стиснув зубы до хруста в челюсти. Держался и подтягивался, перебирая ногами по гладкой стене, держался и подтягивался, впиваясь ногтями в землю. Снова и снова.

Он извивался, словно толстый уж, пытался выбраться из западни как можно быстрее, с ужасом ожидая, что кто-то схватит его за ногу. Схватит, затащит назад, и тут уж начнется настоящее веселье. И его схватили. Но не за ноги, как он ожидал, а за шкурку, словно нашкодившего котенка. Он уже почти вылез. Почти! Оставалось только поджать колени, подхватить мешок и раствориться в темных проулках Денпорта.

– Босс ждет, – голос Велфорда напоминал далекий раскат грома. Такой же низкий, рокочущий и в то же время невозмутимый.

Бесстрастное лицо громилы напоминало угрюмый бюст, на котором не отражалась ни единая эмоция. Казалось, что его не заботило ничего в этом мире. Он даже не посмотрел в сторону подвального окна, откуда доносились стенания вперемешку с отборной бранью.

– Ну, я... – проямлил Бене.

– Босс ждет, – повторил охранник и мягко подтолкнул его ко входу.

– Оригинально, – усмехнулся Магнус Лирой, глядя на Бене. – Решил сменить гардероб?

Нищий молчал. Да и что ему следовало ответить? Не пускаться же в объяснения, в самом деле.

– Взял мои мешки, – продолжал советник, загибая пальцы, – украл две бутылки вполне сносного вина, испортил решетку, кое-какие продукты и одного из моих парней. И что прикажешь с тобой делать?

Бенедикт не ответил. Он чувствовал себя мухой на булавке, приговоренным в ожидании кары. Во рту снова пересохло от страха, язык едва не прилипал к нёбу, а ведь раньше он считал это выражение всего лишь красивым оборотом речи.

– Велфорд, а ты чего смотришь? Хоть бы помог приятелям.

Громила безразлично пожал плечами.

– И-ди-от, – продекламировал Магнус по слогам, потом помолчал немного и встал из-за стола. – Ладно, пошутили, и хватит. Ты оказался прав. Ты, проклятый сукин сын, все-таки оказался прав! Я нашел то, что искал. Но это уже не столь важно. Ко мне в руки попало кое-что еще... кое-что, что, возможно... только возможно, но даст мне огромное преимущество в некотором деле. И все это благодаря тебе, мой славный грязный друг.

От облегчения Бене позорно застонал. Голова пошла кругом. Письменный стол, яркий абажур, книжные полки, ко-

жанные кресла... все заплясало перед его глазами, и, если бы не Велфорд, он бы распластался на мягком ковре кабинета.

– Возьми себя в руки, в конце концов, – от елейного тона Магнуса не осталось и следа. – Выкладывай, что у тебя за дела с Хонной. И прежде чем ты попытаешься возразить – да, отныне это мое дело, и нет, отвертеться не получится. Итак, я слушаю.

Бенедикт сглотнул, собираясь с мыслями. Скрывать свою историю от советника он не собирался с самого начала.

– Все банально, – начал он, сплетая и расплетая пальцы. Это помогало сконцентрироваться. Он и в лучшие времена не любил длинных речей, а после того как попал на улицу, редко произносил больше трех фраз в день. – Работал в гильдии строителей. Один из подмастерьев. Подавал надежды... так говорили. Строил большие планы. Амбиции, знаете ли. Вскоре появился новый лорд. Потребовал молодого специалиста. Перспективного. Представили меня. Потекли заказы. Один за другим, а я и не замечал подвоха, – чем дольше Бенедикт говорил, тем грубее и жестче становился его голос. – Копался в старых чертежах. Искал и реставрировал потайные ходы и комнаты в Крепости. Не сам, конечно. Руководил. Всю черную работу делали люди Иворна. Именно он меня и нанял, он же и выдавал задания...

– Да-да, я уже понял. Не нужно перечислять все заслуги. Ближе к сути, пожалуйста.

– Конечно, – Бене запнулся, сжал и разжал пальцы. –

Стройка... проекты... да. Платили достойно. Выкупил клочок земли в Крепостном дворе. Решил построить собственный дом. Очень дорого, но мог себе позволить. Жена с дочкой были в восторге. Все шло прекрасно, пока в моих услугах нуждались. Проработал не больше трех месяцев. Затем... кхм... затем меня просто выперли. Ублюдки меня использовали. Почему? Сам бы хотел узнать. Особняк отобрали. Почти достроенный, кстати. Теперь в нем живет Иворн. Устроил себе штаб из моего дома. То, что меня не взяли на старую работу – наверняка его рук дело. Когда кончились деньги, ушла жена. Забрала дочку. Старую лачугу пришлось продать. Долги. С тех пор я на улице. Вот и все.

Бенедикт затих, расслабил онемевшие пальцы и медленно опустил руки. Как ни странно, ему полегчало. Накатило давно забытое чувство спокойствия, словно незримая доселе тяжесть внезапно упала с его щуплых плеч. До этого момента он еще никому и никогда не рассказывал о своих проблемах. И это было... приятно.

Магнус удовлетворенно кивнул.

– Мои ищейки тоже успели кое-что разнюхать, – произнес он и откинулся на спинку кресла, – и твоим словам соответствует многое из их доносов. Я выяснил, кем ты был. Кто твоя жена. С кем и куда она сбежала. Знаю кое-что о твоей работе... Ты слушаешь?

Бене сглотнул и энергично закивал.

– Отчего-то мне знакомо твое имя. Быть может, мы даже

пересекались в прошлом, но сейчас это тоже не важно. Я даю тебе шанс вернуть свое положение. Это не просьба и не деловое предложение, так что не трудись его обдумывать. Думать – моя забота. Отныне будешь работать на меня. Будешь моими глазами, ушами и руками на улице. Справишься – получишь назад свой дом. Репутацию я тоже постараюсь подправить. Жену, правда, не обещаю. Тут уж ты сам, – Магнус сделал небольшую паузу, позволив Бене осознать услышанное. – Не справишься – убью. Попробуешь убежать – я тебя найду и убью. Так что упрямитесь не советую. Это за информацию, – на стол упал худой кошелек на перевязи, звякнув горстью монет. – Держись подальше от этого места. Когда будет нужно – я сам тебя найду. Усек?

Хоть пляска перед глазами и прошла, но голова упорно отказывалась работать. Бенедикт слышал знакомые слова. Слова переплетались в понятные фразы, но смысл этих фраз казался таким диким и нереальным, что просто ускользал. Бене раз пять порывался спросить, не перепутал ли советник что-нибудь, да только боялся. Меж тем Велфорд подобрал со стола кошель, сунул его в грязный мешок с пожитками и протянул Бене. Тот машинально сжал горловину и на негнущихся ногах заковылял к выходу. Громила следовал за ним по пятам: прочь из кабинета, через узкий коридор, вниз по лестнице, мимо кухни на улицу.

Обходя приоткрытую дверь в общий зал, Бенедикт мельком заглянул внутрь и не смог сдержать возглас удивления.

Даже в столь убогом районе города роскошная таверна пользовалась популярностью у местных воротил. Похвастаться настоящим наплывом посетителей «Распутная Розали», конечно, не могла, но ее просторный зал никогда не пустовал. До сегодняшнего дня. Это никак не укладывалось в потрепанной голове бродяги. Даже вместо Рогри за стойкой стоял совершенно незнакомый человек.

Бенедикт неосознанно сбавил шаг, но Велфорд, по своему обыкновению, мягко вытолкнул того на задний двор и тут же захлопнул дверь, оставив попрошайку один на один с беспокойной ночью. Где-то мяукал кот, кто-то копошился в куче отбросов, жалобно кричала какая-то птица... и еще этот шум, эти отдаленные крики...

Бенедикта обуяло беспокойство, но облегчение после заветных слов Магнуса перевешивало все на свете. Однако на его бедную душу свалился новый камень. Не такой большой, но с острыми краями. И что теперь оставалось делать? Бенедикт не знал. Пока не знал. Хотя в сложившейся ситуации нашлись и три неоспоримых плюса – в мешке позвякивали деньги и две бутылки вина, прихваченные из погреба.

Глава 2 – Лорд

1.

Утро настигло Реймира в седле, когда до города оставалось не более получаса. Его верный конь, предчувствуя скорый отдых, так и норовил пуститься в галоп, так что лорду то и дело приходилось натягивать поводья.

По правую руку от него сражался со своим скакуном Освальд Бринт. Командир личной гвардии Реймира, прослуживший большую часть жизни в королевской пехоте, так и не научился сносно обращаться с лошадьми. Этот забавный факт, тем не менее, никак не мешал его славе одного из самых умелых фехтовальщиков отряда. Именно поэтому Реймир и взял его с собой.

Переодевшись в простую и неприметную одежду цвета сухой земли, они покинули временный лагерь глубокой ночью, оставив эскорт в половине дня позади. Реймира не ждали в Денпорте так скоро, и он не хотел, чтобы о его прибытии стало известно еще на подступах. По правде говоря, ему вообще не хотелось возвращаться. Чем четче громада Крепости проступала сквозь белесый наволок тумана, тем сильнее портилось его и без того скверное настроение. Королевский прием обещал скорый переезд домой. В столице его дожидались беззаботная жизнь на уважаемой должности, родительское

гнездо, старые приятели и жаркие пирушки. На деле же...

Реймир выругался и окинул взглядом свои владения. Вокруг, сколько хватало взора, раскинулись поля. По большей части убранные, хотя то тут, то там среди рыхлой земли встречались и совершенно запущенные участки, словно мерзкие, волосатые бородавки. Поодаль от дороги проплывали редкие крестьянские подворья. Ветхие и бедные, как и все остальное вокруг.

Дальше по тракту, на самом пределе видимости, уже маячили размытые силуэты приземистых домов, обозначая границу Денпорта. Дымка заботливо скрывала все прелести Тихого Города от непосвященных глаз, но Реймир прекрасно знал, что его ждет. Только издали Шоров удел мог показаться приятным и, смилуйся Судья, благополучным местом. Но стоило проехать по местным деревням или углубиться в Денпорт хотя бы на квартал, то все сразу вставало на свои места.

Даже самый распоследний дурак королевства Колверин знал, откуда берется каждая вторая доза «звездного шепота». О разнообразии услуг местных борделей в столице слагли легенды, а злополучный Улей обсуждали не иначе как шепотом и с неизменным отвращением. Кражи и грабежи, убийства и уличные потасовки, нищета на грани бедствия – все это культивировалось в Шоровом уделе десятилетиями и возводилось в абсолют.

Кто бы мог подумать, что столь щедрая награда достанет-

ся Реймиру за простые слова! Однако безобидный на первый взгляд спор задел его величество Андерса Винсента Третьего за живое. Новоявленный лорд Трамм корил себя за несдержанность ежедневно и еженощно, но толку-то? Взрывной нрав всегда был его проклятьем, а после пары кубков едва поддавался контролю. В тот злополучный вечер его самоуверенную тираду о нюансах правления, про которые, к слову, он знал не больше королевского конюха, смог остановить только болезненный тычок в ребра. «Эх, отец, врезал бы ты мне на пять минут раньше...»

И теперь Реймиру Трамму, лорду Шорова удела, выпала великая честь разобраться с опухолью преступности и разврата. «...С опухолью, которая многие годы укоренялась в Денпорте, отравляя даже сам его воздух», – припомнив издевательски-пафосную речь короля, Реймир скривился, будто хлебнул прокисшего молока, и сплюнул. Облегчения это не принесло.

Город подкрался к всадникам незаметно, словно облезлый уличный кот. Гнилые развалюхи, разбросанные по округе то тут, то там, как-то между прочим уступили место сносным, по здешним меркам, жмущимся друг к другу домам. Когда лорд в очередной раз отвлекся от тягостных дум, то обнаружил себя в бесконечном лабиринте узких, покрытых жидкой грязью улиц. От нависающих над Реймиром лачуг веяло безысходностью и болезненной апатией. Над головой, на протянутых от окна к окну веревках, колыхалось мокрое

белье, напоминая изодранные флаги. Тугой смрад помоев бил в ноздри похлеще нюхательной соли. За долгую поездку лорд успел от него отвыкнуть и теперь едва сдерживал кашель.

– Дом, милый дом, а? – Освальд криво усмехнулся.

– Да уж, – хмыкнул Реймир и едва не оказался на земле, в последний момент успев ухватиться за поводья.

Конь лорда взвился и надсадно заржал. Худощавый, закутанный в темный плащ человек неловко отпрянул от животного, споткнулся и плюхнулся в лужу. Не глядя на всадников, он подполз к походной сумке и принялся торопливо запихивать обратно то немногое, что успело вывалиться наружу.

Реймир застыл, наблюдая, как прохожий, сбитый с ног его скакуном, копошится в грязи. Женщина? Слишком уж высока для женщины. Или нет? Глубокий капюшон надежно скрывал лицо, не давая ни малейшей возможности распознать, кто скрывался под ним. Желание помочь боролось с безразличностью, безразличность – со стыдом. В конце концов, Реймиру еще не доводилось топтать людей копытами.

– Нам пора! – жестко бросил Освальд, стараясь перекрыть залиvistый смех стайки детей.

Лорд с сожалением покосился на бедолагу, после чего повернул коня и дал шпоры. Капюшон надежно скрывал лицо Реймира от посторонних глаз, но испытывать судьбу лишним вниманием не стоило. Особенно среди местных. Осо-

бенно с одним охранником.

Спустя несчетное количество поворотов улицы Тихого Города вывели путников к Торговому кварталу, обступившему стены безымянной Крепости Денпорта. Вонь, которой, казалось, успела пропитаться одежда Реймира, отступила. На прохожих появилась приличная одежда, а на некоторых лицах, что особо радовало глаз, вполне искренние улыбки. Мощные дороги раздались в стороны, дома могли похвастаться свежей побелкой, которая, о чудо, не напоминала смесь коровьего дерьма с водой. Лорд облегченно вздохнул. Уже совсем скоро ему удастся перевести дух, только бы застать Иворна.

– Стоять! Куда прете? – караульный подался вперед, наставив на всадников острие алебарды. – Вертайте своих вшивых кобыл назад. Крепостной двор – не место для...

Он осекся, когда всадники скинули капюшоны. Взгляд его заспанных глаз скользнул по усталым лицам. Спустя пару секунд солдат испуганно ойкнул и выпрямился, пытаясь расправить помятый мундир.

– Лорд Трамм... так ведь... никто ж не предупреждал... в смысле... ну, я к тому, что надо бы послать кого...

– Не надо, – с нажимом произнес Реймир, натягивая капюшон. – Ты никого не видел. Узнаю, что проболтался – ответишь.

Солдат отчаянно кивнул и посторонился, пропуская всадников под темные каменные своды.

Крепостной двор мог по праву называться самым безопасным и благополучным местом во всем уделе. Селилась здесь только местная знать и горстка особо зажиточных горожан, способных вытянуть непомерные налоги на землю. Чистота улиц, вычурность и роскошь местных усадеб, частые солдатские патрули... все вокруг буквально кричало о богатстве. Только серая громада Крепости не вписывалась в пейзаж. Мрачная и неуклюжая, с многочисленными пристройками, она возвышалась на небольшом холме и безразлично взирала на округу черными провалами узких окон.

Что заставило основателей Денпорта возвести это убожество, Реймир не понимал. Конфликтов на западе Колверина, насколько он знал, никогда не случалось, а удобств в старой крепости было не больше, чем в каменном сарае. И это – его новый дом? Скорее уж, тюрьма.

– Куда теперь? – спросил Освальд, осадив скакуна. Тот немедленно захрапел и дернул головой, едва не вырвав поводья из рук капитана. – Да стой же ты смирно, проклятое животное!

Реймиру нещадно хотелось к жене. В такую рань Фелиция наверняка еще валялась в постели, в одной из своих полупрозрачных туник, которые больше подходили для любовных утех, нежели для сна. От одного воспоминания о стройной фигуре и соблазнительных формах благоверной Реймира бросило в жар, но он пересилил желание. Стоит ему переступить порог крепости, как старые и новые проблемы обру-

шатся на его голову потоком жидкого дерьма. Избежать этого потока хотелось сильнее, чем забраться под одеяло вместе с красавицей-женой. По крайней мере, сейчас.

– К Хонне. Надеюсь, он еще дома. – Реймир смерил спутника утомленным взглядом и добавил: – Можешь не провожать. Отдохни пока где-нибудь и в порядок себя приведи. Только постарайся не попадаться никому на глаза. Хотелось бы остаться незамеченным хотя бы до приезда остальных.

2.

– Как все прошло? – Иворн разлил вино по бокалам и пододвинул один из них к лорду.

– Хреново, – устало ответил Реймир и, отхлебнув немного, откинулся на спинку кресла.

Глава Городского сыска уселся напротив и запустил пятерню в седую шевелюру. Он был среднего роста, лишь немногим ниже самого лорда. Свои лучшие годы Иворн Хонна отдал давно завершенной Фелесинской кампании, но даже на закате военной карьеры оставался крепким мужчиной и умелым воином. Устав от службы, он прибил к Бенжамину Трамму и уже больше десяти лет возглавлял его охрану. Реймир не переставал благодарить отца за то, что тот отправил Иворна вместе с доброй половиной своих бойцов в Шоров удел. Надежные и верные люди были здесь редкостью, а старый друг и наставник стоил дороже любого сокровища.

– Хреново... – задумчиво повторил Иворн и отхлебнул из бокала. – Ну?.. Я жду.

– Было бы о чем рассказывать, – Реймир вздохнул и сделал долгий глоток. Сладкое вино грело горло и приятным теплом спускалось в пустой желудок. – Его благоухающее величество снова недоволен. Шоров удел, по его словам, все еще далек от звания пристойного места.

– И его слова, скажу я тебе, не так уж и далеки от правды, – пожал плечами Иворн.

– Знаю. – Реймир нервно забарабанил пальцами по столу. – Известить преступность Шорова удела... Да уж, как же! Проще вычерпать воду из ведра дырявой ложкой! Любой дурак это понимает. Но ведь я не сидел сложа руки, – лорд поднял ладонь и принялся загибать пальцы, – полностью прекратил торговлю «звездным шепотом», закрыл целую прорву нелегальных борделей и притонов, добился понижения цен на основные продукты, увеличил численность гарнизона... но ублюдку все мало. Что еще мне нужно сделать? Превратить Денпорт во вторую столицу?!

– А что сэр Бенжамен Трамм?

– Отец из кожи вон лезет, чтобы умаслить Андерса, но тот не намерен слушать даже собственного советника. Предок Фелиции тоже старается. Половину купеческой гильдии подбил на какие-то там протесты, но, кроме бесполезного шума, так ничего и не добился. – Реймир поднялся и медленно прошелся по кабинету, слушая глухой стук собственных

шагов. – Знаешь, поначалу это было даже забавно, но после года в этой клоаке смеяться уже не хочется. Мне иногда кажется, что наша ссылка не кончится никогда... – он остановился у громадного окна и задумчиво посмотрел на серую стену Крепости. С этого места он мог разглядеть окна своих покоев... таких манящих и вместе с тем таких отталкивающих. – Может, хоть ты меня порадуешь?

Иворн прокашлялся и тут же смочил губы вином.

– Есть хорошая и плохая новость. Деятельность, которую мы с тобой развели, наконец-то начала приносить плоды, но они, скажу я тебе, та еще дрянь. Многие потеряли кучу денег с продаж дурмана и девок. Люди лишились привычного отдыха и спускают пар как умеют. Если в городе не случается нескольких потасовок, день, считай, прожит зря. Хочешь знать мое мнение? Скоро этот гнойник лопнет, и тогда мало не покажется никому.

– К этому времени мы должны были быть дома, – с тяжелым вздохом Реймир снова уселся за стол. – Как продвигается охота на моего любимого Магнуса?

– Парни делают что могут, – Иворн неопределенно указал в глубь особняка, – но, сам понимаешь, с доверием тут туговато. Мы три раза устраивали рейды на его арену, но там всегда все в порядке. Не подкопаться. Какая-то мразь сливает информацию. Недавно с ребятами накрыли одного сомнительного антиквара, изъяли кое-какие документы и с десяток дорогущих побрякушек. Я в этом мало чего пони-

маю, поэтому хочу подключить кое-кого из местных умников. Как раз собираюсь на встречу. А еще на той неделе очередной вор, – это слово Иоврн произнес с особым отвращением, – попытался проникнуть в Крепость. В последнее время убудки совсем обнаглели. Ты уверен, что мы перенесли сюда все ценные вещи?

– Думаю, да.

– Письма, документы, любовные послания? Что угодно, что Магнус сможет использовать против тебя?

– Думаешь, это его рук дело? Не знал, что он способен работать столь небрежно.

– Ну а кто, по-твоему, полезет в Крепость в здравом уме? Нутром чую, что это – его люди. Магнус – наш билет отсюда, и я докопаюсь до каждой его тайны, чего бы это ни стоило. – Иворн перевел дух. – Ладно, мне действительно пора идти. Если будет время – зайду к тебе вечером, поделюсь остальными новостями.

3.

Реймир провел в особняке первую половину дня, приходя в себя после долгого и крайне утомительного путешествия. Дом был настоящей находкой. Хоть Иворн и противился переезду до последнего, в конце концов даже он осознал всю прелесть нового жилища. Всего за месяц он превратил выдающийся проект какого-то зодчего в штаб Городского сыска,

который без труда вмещал большинство его членов.

Для самого Реймира особняк стал настоящим убежищем, в котором он мог отдохнуть от суеты, царившей за порогом. Лорду даже не мешал бесконечный топот тяжелых сапог, вечно снующие взад-вперед люди и непрекращающийся гул разговоров. Несмотря на царящее вокруг оживление, он всегда чувствовал себя здесь спокойно. Чего не скажешь о самой Крепости.

Реймир успел возненавидеть эту громадину. Квадратная, неуклюжая, увенчанная короной бойниц на плоской крыше и парой башенок, внутри она выглядела лишь немногим лучше. Сколько Фелиция ни пыталась добавить уюта в угрюмую обстановку, а промеж картин, стендов с начищенными до блеска доспехами и шелковых гобеленов все еще виднелась суровая кладка дикого камня. В огромных очагах вечно завывали сквозняки. Высота потолков могла поспорить с небесами, отчего зимой приходилось устраивать небольшой пожар, чтобы прогреть хотя бы одну комнатку.

Минуя удивленную прислугу и стражу, Реймир направился напрямик в свои покои. Трюк с тайным возвращением удался, никто не ожидал его появления, поэтому лорд надеялся, что у него будет хотя бы прекрасных полчаса наедине с супругой, прежде чем о его прибытии станет известно каждой крысе.

– Лорд Трамм, – хрупкая девушка в нежно-голубом платье возникла перед ним словно из воздуха и тут же присела в

глубоком реверансе, – мы не ждали вас так скоро. Вы, верно, проголодались с дороги. В Малом зале уже готовят прием в честь вашего прибытия. Если позволите... – барышня откинула прядь русских волос со лба и взяла Реймира под локоть, мягко и в то же время настойчиво увлекая его в боковой коридор.

– Я не голоден, – сухо ответил тот, высвобождая руку.

– Ее милости нездоровится, – девушка в два прыжка догнала лорда и снова преградила ему путь. – Возможно, вам стоит подождать, пока она приведет себя в порядок? Будь я на вашем месте...

– Ты не на моем месте, – отрезал Трамм, хмурясь. – Уйди с дороги, Дана. Что с Фелицией?

Реймир прибавил шаг, так что служанка едва поспевала за ним, то и дело путаясь в полах пышного платья.

– Ничего... серьезного, – дыхание ее сбилось. – Ее милость весь день... пролежала в постели, я точно не знаю, что с...

Запальная тирада оборвалась пинком тяжелого сапога в дубовую дверь спальни. Удар получился славным, но неподъемная створка отошла в сторону издевательски медленно, а Реймир едва удержался на ногах, отступив на шаг. Пользуясь моментом, Дана юркнула мимо лорда и остановилась в проходе.

– Ее милость... не хотела, чтобы вы видели ее в таком...

– Ты забываешься! – Трамм грубо отпихнул девчущку в

сторону. – Что на тебя нашло? Пошла прочь отсюда!

– Не ругайся, – из глубины комнаты донесся тихий мелодичный голос.

Дана торопливо поклонилась и растворилась в темноте коридора так же внезапно, как и появилась. Реймир недоуменно проводил ее взглядом, переступил порог и осмотрелся. С момента отъезда в покоях не изменилось почти ничего: пушистый ковер на полу, туалетный столик в углу, множество комодов, шкафов и ящиков у дальней стены, невероятных размеров кровать, занавешенная балдахином, и пара медвежьих шкур по обе стороны от нее... А вот запах...

– Что случилось? Ты что, духи разлила? – Реймир поморщился от едкого аромата розы и апельсина.

Через настежь распахнутое окно в комнату врывались порывы холодного ветра, раздувая портьеры. Лорд выглянул на улицу, глубоко вдохнул свежий воздух и прикрыл створки. За балдахином в это время зашевелилось одеяло, между подушек мелькнула копна растрепанных волос.

– Уже все в порядке.

Сбросив плащ на пол, Реймир подошел к кровати и откинул прозрачную ткань. Фелиция изящно прикрыла рот тыльной стороной ладони, протяжно зевая, по-кошачьи потянулась на смятой простыне и улыбнулась.

Трамм застыл, не смея отвести взгляд от ее обнаженного тела, окутанного тончайшим пеньюаром. Ее откровенный наряд не только не прикрывал прелести, но и многократно

подчеркивал их, возбуждая желание. За четыре года брака Реймир так и не смог привыкнуть к роскошной фигуре своей благоверной. Каждый раз, особенно после долгой отлучки, идеальные изгибы ее тела повергали его в блаженный ступор.

– Дана сказала, тебе нездоровится, – только и смог выжать из себя Реймир.

Он едва сдерживался, чтобы не наброситься на нее вот так, сразу. Напряжение в паху начинало сводить с ума. Фелиция приподнялась на локтях и кокетливо обвела пальцем пупок.

– После завтрака у меня разболелся живот. Без духов и открытого окна ты бы сейчас на меня так не смотрел, – девушка смущенно улыбнулась и помахала ладонью возле носа. – Надеюсь, ты не будешь смущать меня расспросами? В любом случае все уже прошло.

– Я велю наказать повара, – прохрипел Реймир, падая на кровать.

Он попытался ухватить жену за ногу, но та проворно увернулась и встала. Каштановые волосы заструились по ее плечам и спине.

– Дай мне минутку, – Фелиция хихикнула и на цыпочках подбежала к журнальному столику. – Я же только встала.

Она потянулась за яблоком и, словно между прочим, стянула с подноса что-то маленькое и блестящее.

– Что там у тебя? – спросил лорд, хотя не слишком интересовался вещичей. Все его мысли роились вокруг темного

треугольника курчавых волос между бедер девушки.

– Одно из моих колец. Безделушка. Не хочу, чтобы потерялось, – Фелиция с хрустом откусила кусок зеленого плода, бросила его обратно и подошла к туалетному столику. Зазвенели украшения в шкатулке, щелкнул крохотный замочек.

– Я сейчас, – девушка подмигнула Реймиру. – И сними уже эти тряпки, запачкаешь простыню.

Фелиция прошмыгнула за неприметную дверцу неподалеку от кровати, и в комнате послышался приглушенный плеск воды.

Лорд повиновался. Торопливо освободив свою возбужденную плоть из плена дорожных штанов, он облегченно вздохнул и привалился к дверце высокого шкафа. Сквозь нее на него десятками темных глазок смотрела темнота. Траммы уткнулся лбом в холодное полированное дерево, закрыл глаза. Легкий сквозняк приятно охлаждал разгоряченное тело, стройное и мускулистое.

– Ну что, герой, так и будешь там стоять?

Реймир повернулся на голос, и возбуждение накатило на него с новой силой. Лорда едва не трясло. Даже случайное прикосновение к его естеству, казалось, могло довести до эйфории. Это пугало, но он не мог думать ни о чем... ни о чем, кроме одного.

Все кончилось быстро. Как частенько случалось после длительного воздержания. Бывали, конечно, и успешные дни, но в основном все прекращалось гораздо раньше, чем

следовало. Лорд Реймир Трамм, закинув руки за голову, смотрел в потолок, безмолвный, хмурый, опустошенный. На обнаженной груди, словно верная кошка, пристроилась Фелиция, нежно вышагивая острыми коготками по его торсу.

– Сегодня было хорошо, – промурлыкала она.

– Чушь, – Реймир помрачнел.

– Может... еще разок? – ее рука скользнула вниз, но тело супруга не отозвалось на ласку.

– Я же не могу так сразу, – бросил Трамм чересчур резко, но тут же одернул себя и мягко добавил. – Ты же знаешь.

Реймир поднялся, откинув безразмерное одеяло, и свесил ноги с кровати. Стыд и вина накрывали его каждый раз, когда ему не удавалось порадовать жену в постели. Но Фелиция никогда не корила его, и за это Реймир любил ее еще больше.

– Расскажи о поездке. Когда мы сможем вернуться в Колвер?

– Не знаю, – Реймир помрачнел еще сильнее. – Король все еще недоволен моими успехами.

– Жаль, – одно простое слово, но сколько горечи и разочарования в нем таилось. После недолгой паузы Фелиция осторожно произнесла: – Не так давно я разговаривала с советником Лироем...

Реймир вздрогнул. Упоминания о Магнусе всякий раз выбивали его из колеи.

– Он ясно дал мне понять, что хочет покончить со всеми

разногласиями. Быть может, тебе все-таки стоит поговорить с ним? Я уверена, что это решило бы многие проблемы и...

– Сколько раз повторять? Я не собираюсь договариваться с этим угрем! Ни при каких обстоятельствах. Иворн уверен, что именно Лирой стоит за всем тем дерьмом, что творится в уделе. Ты думаешь, что благодаря ему мы выберемся из этой ямы? И не надейся. У Андерса везде есть уши. Если я попытаюсь сжульничать и заключить союз с главой преступного мира, он узнает об этом уже через месяц. Не знаю насчет отца, но от моей репутации он не оставит и камня на камне. Для старика это – дело принципа. – Реймир замолчал, переводя дух. – Магнуса нужно устранить. Только так я смогу навести здесь хоть какой-то порядок.

– Так устрани его. Ты же лорд, в конце концов.

– Мне надоело повторять одно и то же... – устало ответил лорд. – Ты ведь помнишь условия пари, не так ли? Я должен вытащить Шоров удел из болота согласно букве священного Кодекса. Никто не давал мне прав на простое убийство или ссылку.

От внезапного стука в дверь Реймир вздрогнул и мысленно выругался. Пришла пора погрузиться в чан с помоями.

– Мой лорд, – тихо проскрежетали с той стороны. – Советники ожидают в Малом зале. Говорят – дело срочное.

– У них всегда все срочно, – бросил Трамм и поспешно встал в поисках чистой одежды.

Малый совещательный зал навевал одну лишь тоску. Совершенно голые стены украшала только одна, да и то несуразная картина со смазанным пейзажем. Холодный пол густо устилала смесь соломы и ароматных трав. В угловатой пасти камина тихо потрескивали поленья, но все тепло с легкостью развеивал сквозняк, тревожно свистящий в щелях закрытого окна.

– Господа, леди Костел, – Реймир сдержанно поклонился и уселся на свободный стул подле широкого, но совсем простого стола.

– Лорд Трамм, – произнес один из трех советников. – Очень жаль, что пришлось оторвать вас от дел, но в связи с вашим неожиданным приездом есть один вопрос, требующий немедленного внимания.

Обвисшие щеки Мелона Дигри покраснели от вина. Он напоминал Реймиру пухлую куклу с короткими ручками и ножками. Впрочем, всю свою несуразность он с лихвой компенсировал роскошным платьем и ворохом драгоценных побрякушек, которыми облепил, казалось, каждую часть заплывшего жиром тела.

– Сэра Лироя, как я погляжу, этот вопрос не слишком заботит, – ехидно заметил Реймир.

– У каждого из нас есть свои обязанности, знаете ли, – холодно ответила Лидия Костел. – На мой взгляд, всем нам

ничего не мешает проявить толику рвения и заняться делами. Даже если кого-то не хватает. Разве нет?

Она устало стянула с себя миниатюрные очки и, протерев стекла шелковым платочком, вернула их на точеное личико. Высокая и худощавая, советница являла собой полную противоположность Мелону во всех отношениях. Ее строгое, идеально сидящее платье бежевых тонов не осквернял ни один кричащий узор. Тщательно расчесанные волосы скреплял серебряный ободок, а на шее красовалась одна лишь тоненькая цепочка. Эталонная осанка, острые черты лица и вечно хмурый взгляд рисовали образ жесткой, властной и чрезвычайно требовательной особы. И образ этот мало чем отличался от реальности.

– О каких делах идет речь? – Реймир скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула.

– Прежде всего, о казни, – равнодушно пояснила Лидия. – После повешения перед публикой должен выступить глашатай со словом лорда. Однако, учитывая ваше внезапное возвращение, самым верным решением, несомненно, будет непосредственное обращение вашей милости к народу.

– В городе зреет смута, – подхватил Роланд Колем.

Он – единственный из присутствующих, кто предпочитал практичность моде, стилю или дороговизне. Такие, как у него, кожаная куртка и простые штаны невнятного кроя продавались в лавках половины купцов Торгового квартала. Был он строен, подтянут и всегда носил меч на поясе, будто

хотел подчеркнуть таким образом свою должность.

– Сброду нужно кинуть подачку, дать надежду на завтра, пообещать помощь, – продолжил он. – Называйте как хотите. Мы теряем контроль над ситуацией. Все силы гарнизона уходят на поддержание порядка. Случись что-то серьезное, и мы окажемся в скверной ситуации.

– Если позволите, – вплелся в разговор елейный голос Мелона, – мы все еще считаем, что вы слишком уж быстро затянули петлю. Торговля «звездным шепотом» почти остановлена, большинство... эм... непристойных мест прикрыто. С одной стороны, это, конечно же, неплохо. Совсем неплохо... Но вы, мой лорд, как нам видится... как бы это сказать... не учли нужды черни. Часть Тихого Города и почти весь Улей кормились этим промыслом.

– А чернь – это сила, – перехватил эстафету Колем и с решительным видом оперся на столешницу. – Никто из них ничего не умеет, кроме как травить себя порошком, продавать этот самый порошок, воровать, грабить и убивать. И все они не высовывались без крайней нужды. А что теперь? На улицах стало опасно, банды плодятся, как крысы. Нападения на крестьян – уже обычное дело.

– Мы неоднократно предупреждали вас о последствиях, – все тем же задумчиво-небрежным тоном заговорила леди Костел. – Почти любое отступление от сложившегося порядка выбивает у простого люда почву из-под ног. Даже если перемены, в конечном счете, способны привести к светло-

му будущему. Так что волнения вполне объяснимы. Сколько вам лет, сэр Трамм? Двадцать пять? Двадцать шесть? Ваше юношеское рвение вполне объяснимо, но, быть может, пора пересмотреть стратегию?

– Странно слышать подобное от ровесницы, – скривился лорд.

– Какая разница, из чьих уст исходит правда?

– Чего вы все от меня хотите?! – взвился Реймир. – Если на улицах стало опасно – это вина гарнизона. Вы же у нас, Роланд, отвечаете за это? Усильте патрули, ужесточите наказания, смените десятников! Не мне вас учить, как делать свое дело. Я не собираюсь отступить только потому, что кто-то забыл о своих обязанностях! И с какой стати мне нужно выступать перед публикой? Сами знаете, оратор из меня тот еще.

На самом деле, Реймир понятия не имел, что ему предпринять. Особенно когда дела покатались под откос. Он искренне надеялся быстро покончить с самыми очевидными проблемами и под оглушительные овации королевского двора вернуться домой – до того как последствия его решений дадут о себе знать. К сожалению, ни один из советников не одобрил его безрассудное рвение. Неприязнь между ними и Реймиром возникла быстрее, чем вырастают грибы после дождя. В какой-то момент лорд и вовсе едва не распустил Совет, решив заменить всех их Беленом – невероятно толковым стариканом, прибывшим в Денпорт вместе с его супругой.

Впрочем, именно Белен отговорил Реймира идти на столь радикальные меры. В конце концов, все советники имели в распоряжении то, что людям Реймира еще предстояло приобрести – опыт и доверие местных.

– Ваша милость, – Мелон откашлялся, – при всем уважении... я бы посоветовал вам не торопиться с выводами. Все мы в одной лодке и как... эм... ваши верноподданные примем любое ваше решение, однако же просим еще немного поразмыслить на этот счет.

– Мы, несомненно, вернемся к этому вопросу, – Лидия наклонилась вперед и протянула лорду исписанный пергамент. – А пока я прошу вас ознакомиться с речью.

5.

– ...а кроме того, в нарушении закона о торговле и распространении губительных для здоровья веществ. Учитывая положение обвиняемых, их заслуги перед короной в целом и Денпортом в частности...

Монотонный голос магистрата навевал уныние как на лорда, так и на собравшуюся толпу позади него. Тихие шепотки людей сливались в непрерывный шелест, в котором нет-нет да и проступали недовольные нотки. Лорд чувствовал шевеление живой массы у себя за спиной, и это его нервировало. Даже частокол крепких воинов личной гвардии не мог успокоить до конца. Предвечернее солнце – и то, будто опасаясь

чего-то, решило укрыться за рваным покрывалом серых туч.

Помост висельников, который соорудили на Базарной площади, возвышался над лордом, словно сцена мерзкого театра марионеток. Марионеток, которым совсем скоро обрежут все их веревочки. «Актеров» на этот раз было трое. Перед казнью тюремщики вволю повеселились с бедолагами, превратив их лица в сплошной распухший кровоподтек. Слабо представляя, что творится вокруг, приговоренные отрезанно замерли на месте, изо всех сил пытаясь сохранить равновесие и не повиснуть на петле раньше времени.

Реймир не испытывал жалости к ним. Если бы потребовалось перевешать половину города для достижения цели, он сделал бы это не задумываясь. Впрочем, смерть нескольких разбойников не могла приблизить лорда к желаемому, и пока в его голове не созрел новый план, оставалось делать хоть что-то и, по возможности, сохранять уверенный вид.

— ... и за все ваши преступления суд Денпорта приговаривает вас к смерти через повешение. Осужденным дозволяется сказать последнее слово.

Марионетки не шелохнулись. Изредка моргая, они продолжали тупо пялиться на кривые половицы сквозь красные щелочки заплывших глаз. Магистрат выждал положенные минуты и, не увидев никакой реакции, повернулся к палачу. Короткий кивок означеновал начало конца. Здоровенный мужик в черной маске вышел вперед. Грубо, едва не сломав шеи преступникам раньше времени, он проверил ве-

ревки и затянул узлы до предела.

Беспокойный шепот наконец стих. Люди замерли в томительном ожидании, боясь пропустить даже малую толику зрелища. С удивлением Реймир заметил, что и сам неосознанно напрягся в ожидании кульминации. В полной тишине по площади разнесся топот тяжелых сапог палача. Тот положил могучую руку на рычаг, сжал пальцы. Его круглые, ничего не выражающие глаза посмотрели на людей через прорезы в ткани. Лязгнул механизм.

Лорд отвернулся. Грохот распахнутых люков сменился хором сдавленных вздохов... то ли сочувствующих, то ли осуждающих. Откуда-то донеслось рыдание.

– А теперь поприветствуем лорда Реймира Трамма! – провозгласил магистрат и поспешно ретировался с помоста, с отвращением поглядывая на трупы.

Поднявшись на помост, лорд почувствовал на себе не меньше сотни тяжелых взглядов и невольно поежился. Попытки сосредоточиться разбивались о нарастающую панику. Усталость навалилась с новой силой. Взор выхватывал из толпы только угрюмые, озлобленные лица. Все вокруг вызывало смутное чувство тревоги. Даже ветер, будь он проклят, принялся раскачивать повешенных, отчего их ноги с глухим стуком бились о деревянные опоры.

– Люди Денпорта! – начал лорд, прочистив горло. – Для Шорова удела настали тяжелые времена. В то время как вы, простые и честные труженики, хотите перемен, лучшей жиз-

ни для себя и своих семей, жалкие трусы и приверженцы прежнего тянут всех на дно. Поддаваться им нельзя, хотя знаю, что это нелегко! С гордостью могу заявить, что за время моего правления улицы Денпорта очистились от множества воров и разбойников. Торговля «звездным шепотом» – настоящим проклятьем королевства – осталась в прошлом. Доходы неуклонно растут, и уже через несколько лет мы с вами увидим новый...

– Чьи доходы-то?! – раздался мужской голос, и по толпе пробежали робкие смешки.

Реймир запнулся и судорожно сжал пергамент в кармане туники, пытаясь припомнить наскоро заученную речь. Взгляд его шарил по людям в надежде выхватить лицо наглеца, но видел только огромного тысячеглазого монстра, готового смести все, что попадется ему на пути.

Публичные речи никогда не были сильной стороной Реймира, но даже он понимал, насколько фальшиво звучат в его устах слова советников. Пафосные, но совершенно сухие фразы не вызывали доверия. Быть может, сказанные с бóльшим пылом, они и смогли бы расшевелить зевак, но Реймир не ощущал в себе ни щепотки запала. Только подступающую к горлу злость.

У помоста зашевелились гвардейцы. В их ленивых, на первый взгляд, движениях угадывалась настороженность. Кто-то, словно невзначай, поправлял ножны на поясе, кто-то сгибал и разгибал колени, разгоняя кровь в затекших мыш-

цах, кто-то поудобнее перехватывал щит... Опытные воины без труда ощущали настроение толпы и, по разумению Реймира, готовились к худшему. Сам лорд ни на йоту не верил, что кто-то в здравом уме решит померяться силой с двумя десятками тяжеловооруженной пехоты, но если он не перехватит инициативу...

Реймир откашлялся, вскинул подбородок и снова окинул безликого монстра взором, чувствуя, как разгорается злость в груди. Неужели какая-то деревенщина сможет заткнуть его за пояс?

– Чьи?! Ваши, чьи же еще! Хотите сказать, что я вру? – Реймир достал из кармана клочок бумаги и отшвырнул его в сторону. – Чушь собачья, и мы все это знаем. Я снизил налоги – там, где это было возможно. Я опустил цену на самые необходимые продукты. Забыли? Известно ли мне о новых бандах и бесконечных грабежах? Известно ли мне о недовольстве, которое зреет среди вас с момента моего появления? Конечно, известно! Денпорт прошелся по каждому, так или иначе. Людей калечат и убивают каждый, мать его, день. Каждый!

– Меня обворовали уже третий раз за месяц! – выкрикнул кто-то.

– И, по-вашему, в этом виноват я, так? – Реймир криво усмехнулся и обвел людей взглядом. – Но вспомните, сколько ваших детей погибло от проклятого порошка. Вспомните, как они корчились в агонии, как выблеывали собствен-

ные внутренности! Сколько мужей погибло на улицах города? Сколько пропало? И все это до меня! Неужели никому из вас не хочется большего?

– Стало только хуже! – еще один возглас пролетел над площадью, следом за которым взвились в небо одобрительные клики.

– Вытаскивать стрелу из жопы тоже больно, – лорд Трамм криво усмехнулся. – Но, если этого не сделать, станет только хуже. Вы даже не представляете, насколько сильны! И что лучше, я вас спрашиваю? Что лучше: плюнуть на все и ждать смерти или попытаться изменить хоть что-нибудь? Лично я, – Реймир хлопнул себя по груди, – пытаюсь. Судья свидетель, я пытаюсь. И если потребуется, я утоплю Шоров удел в крови грязных ублюдков, чтобы честным и трудолюбивым людям жилось лучше.

Лорд позволил себе едва заметно улыбнуться, когда приметил кивающих в такт его словам. Согласных оказалось мало, но даже это могло сойти за маленькую победу. Люди наверняка поделятся своими мыслями с родней и друзьями, а те разнесут слова лорда по всем грязным проулкам Денпорта. Через пару-тройку месяцев даже такая мелочь могла принести свои плоды.

6.

Собираясь сказать еще пару слов, Реймир внезапно уви-

дел, как что-то мелькнуло в воздухе. Описав пологую дугу, в грудь его врезался помидор. От удара гнилая мякоть лопнула, разметав тухлые ошметки по лицу, волосам и камзолу.

На помосте тут же оказался Освальд Бринт с двумя воинами. За считанные мгновения они отгородили Реймира от толпы, вскинув длинные миндалевидные щиты. Об один из таких разбился второй помидор, и лорда снова оросило зловонными брызгами.

– Сэр, – Освальд обернулся, – становится небезопасно. Нужно вернуться в Крепость.

– И вы поверите этому душегубу?! – донеслось откуда-то слева.

– Давай, прячься, ссыкло! – послышалось с другой стороны. – Кончились слова-то?

– Нас тут грабят и убивают, а эта мразь велит терпеть и не делает ни хера!

– Легко терпеть-то, сидя в Крепости и трахая первоклассную шлюху!

За одобрительным гулом раздался глухой стук, и из-под сомкнутых щитов выкатилась пара почерневших луковиц.

– Пошел ты, лорд Трамм! Ты и твои обещания!

Реймир понимал, что ему не стоит более задерживаться на открытом пространстве, понимал, что пора уходить, но не мог сдвинуться с места. Страх перед тысячеглазым монстром приковал его к помосту. Все его успехи, достигнутые внезапным порывом, безвозвратно исчезли. Вместо задум-

чивых лиц и редких улыбок он видел только перекошенные от ярости лица и вскинутые руки со сжатыми кулаками.

Все происходило слишком быстро. Еще минуту назад лорд надеялся склонить людей на свою сторону, сейчас же они напоминали ему кипящий котел с водой. Котел, вода из которого так и норовила выплеснуться через край.

– Ну же, братва, давай!

Ряд самых рьяных зевак перед гвардейцами качнулся вперед и навалился на выставленные щиты. Замелькало оружие. То тут, то там среди толпы Реймир замечал тусклый блеск мясницкого тесака, длинного кинжала или, и того хуже, короткого меча. Еще один помидор, чудом миновав кромки щитов, угодил лорду прямоком в плечо. Тонкая кольчуга под туникой смягчила удар, но Реймира все-равно повело в бок, и он едва не поскользнулся на помосте, усеянном гнилыми ошметками.

– Уходим, мой лорд. Живо! – безапелляционно объявил Освальд. Он снова повернулся к лорду и попытался подтолкнуть его к ступеням. – Держитесь за...

Голова воина дернулась, а лицо Реймира снова окропило красным. Лорд в ужасе отпрянул, глядя на наконечник арбалетного болта, торчащий из глазницы командира отряда. Тот продержался на ногах не больше секунды, после чего тяжесть доспеха увлекла его на доски помоста. Внизу, тихо вскрикнув, рухнул в грязь еще один воин.

– К оружию! – прокричал Трамм, выхватывая собствен-

ный клинок из золоченых ножен.

Его отчаянный вопль потонул в оглушительном реве десятков людей и остался незамеченным. Проклятья, стоны боли и нарастающие звуки борьбы заполнили площадь. Впрочем, его люди без напоминаний догадались обнажить клинки, и на землю пролились первые капли крестьянской крови.

Реймир был уверен, что простолюдины разбегутся с площади, едва гвардейцы пустят в ход сталь. Но какое там! Вместо помидоров на головы солдатам посыпались увесистые камни, вместо брани раздавались угрозы и призывы к расправе. Толпа рвалась, как старая простынь, раздавалась в стороны. Спускаясь с помоста под прикрытием щитов, лорд увидел, как булыжники разносят вдребезги окна какой-то лавки, а потом... потом все завертелось, словно в вихре.

– Ты! – Трамм схватил ближайшего гвардейца, силясь припомнить его имя. – Ты... теперь ты командуешь! Отводи людей!

– Но...

– Туда! – Реймир указал на узкую улочку. – Веди!

После громогласного приказа нового командира гвардия лорда подалась назад. Слаженно и умело. Опытные солдаты, сомкнув ряды, пятились, оставляя за собой изувеченные тела тех, кто подбирался к строю слишком близко. Бунтари сильно превосходили числом, но побаивались лезть очертя голову на закованных в броню воинов, старались навредить издали. Реймир опасался, что попадет в окружение, и

потому едва не сорвал голос, подгоняя отступающие шеренги. Ослепленные безумием люди могли основательно потрепать его отряд, останься тот без выгодной позиции.

Впрочем, до спасительной улицы им позволили добратъся без особых проблем. Никто не пытался обойти гвардию с флангов. Каждый просто старался выместить свою личную злобу, забрасывая солдат камнями и тухлыми овощами. И только небольшая часть смутьянов, прихватив с собой настоящее оружие, могла создать реальные проблемы.

Едва гвардейцы перекрыли проход щитами, как что-то обрушилось на спину лорда, отчего тот, потеряв равновесие, опустился на одно колено. Тупая боль вспыхнула под лопаткой. Стрела? Болт? Может, копьё? Реймир оглянулся и увидел угловатый камень в обмелевшей луже.

– Повезло, – процедил он сквозь зубы и поднялся. Под испорченным камзолom тихо звякнули звенья кольчуги.

– Все в порядке? – откинув забрало, к Реймиру подбежал новоявленный командир гвардии.

Лорд мысленно выругался. В спешке он выбрал самого молодого и неопытного солдата, которого приняли в охрану незадолго до отъезда в столицу. Иворн тепло отзывался как о самом паренъке, так и о его способностях, но верить в руки новобранца судьбу всего отряда – тупость, граничащая со слабоумием. К несчастью, времени подыскивать новую кандидатуру не осталось.

– Корд, город хорошо знаешь? – выпалил Реймир вместо

ответа.

Тот коротко кивнул.

– Тогда выводите нас отсюда, пока... – лорд замолчал и обреченно выдохнул, когда из переулка позади них выбежал десяток вооруженных молодчиков, – нас не обошли, – закончил он со стоном отчаяния.

Корд бесцеремонно оттеснил лорда за спину, сплюнул вязкой слюной, поправил шлем и пронзительно свистнул.

– Фил, Борзой, Клед, сэра Белтор!

От второй шеренги солдат, перекрывающих улицу, отделились четыре воина и, деловито поправляя щиты, двинулись на новую угрозу. Дрожащими руками Реймир перехватил меч. Он боялся. Ох, как же он боялся! На тренировках он показывал достойные результаты, но никогда прежде ему не приходилось участвовать в настоящей драке.

Головорезы, совершенно не похожие на простых зевак, налетели разом, без прелюдий и разговоров. Клинки ударились о щиты, заскрежетала сталь. Реймир не мог назвать себя экспертом фехтования, но даже ему стало ясно, что с этими людьми по-быстрому не получится. Мастерство их, возможно, и не дотягивало до выучки отборных солдат личной гвардии Реймира, но уж точно превосходило навыки пекарей, пахарей и кузнецов.

Не прошло и минуты, как один из солдат отшатнулся, хватаясь за бок. Почувствовав уверенность, бандиты удвоили натиск, а из переулка меж тем выбежали еще трое.

– Эдвин, Задира! – выкрикнул Корд, проведя удар поверх щита.

Реймир попятился к стене ближайшего дома, желая покинуть гущу сражения, но путь ему преградил один из головорезов, скривив губы в самоуверенной ухмылке.

– Кто вас послал? – пролаял Трамм, поднимая меч.

Человек не ответил. Его дубина с вбитыми гвоздями поднялась для удара, но так и не успела опуститься. Один из гвардейцев с размаху врезал врагу щитом. Тот отлетел далеко в сторону и с ходу напоролся на меч Корда.

Что-то кольнуло Реймира в плечо. Он крутанулся на месте, вложив в оружие всю силу, умноженную на скорость замаха. Нападавший не успел поднять топор для защиты, и острие украшенного самоцветами клинка без особых усилий прошло через его челюсть. Не давая лорду времени на передышку, на него навалился еще один громила. Щербатый меч рубанул наискось. Чудовищный силы удар по стали отдался в плечо, и Реймир застонал от боли, едва не выронив оружие. Враг подступил ближе, без устали совершая пируэты, ложные замахи и внезапные атаки, метя в левую часть тела.

Лорду не хватало умения. Все, что он мог – отбиваться, надеясь на лучшее. От бесконечных блоков начала неметь рука, пальцы теряли силу. Лишь раз он решился на контратаку, но исполнил финт так худо, что едва не поплатился жизнью. Бандит с легкостью отвел удар в сторону и со всей силы пнул лорда в грудь. Реймир задохнулся и плюхнулся в

дорожную пыль. Легкие опалило, изо рта вырвался хриплый кашель. Пытаясь отсрочить неизбежное, он пополз в сторону, но тяжелый сапог безжалостно прижал его к земле. Судорожно пытаясь придумать хоть что-то, Трамм осмотрелся и заметил камень в луже. Тот самый камень, которым его огрели по спине.

Не думая ни секунды, он извернулся и, не целясь, запустил булыжником в бандита. Сдавленно зарывчав, тот схватился за глаз и опустил уже занесенный клинок. Лорду хватило короткого замешательства противника, чтобы пинком промеж ног поставить его на колени.

Реймир оттолкнул врага ногой, поднялся, стараясь снова не рухнуть в грязь, и нанес быстрый удар. Меч с легкостью распорол плотную кожаную жилетку и вошел в грудь человека наполовину, скрежетнув о ребра.

Пытаясь отдышаться, лорд утер мокрый от пота лоб и осмотрелся.

Узкое поле боя поглотил хаос. Битва напоминала простую дворовую свалку без правил и принципов. Гвардейцев раскидало по всей улице. Мелкие стычки возникали и тут же заканчивались – смертью одного из бойцов. Шеренга, отделяющая лорда от разъяренной толпы, прогнулась и неумолимо отступала под давлением. Солдаты начинали уставать.

Округу наполнял звон металла, крики, стоны и проклятия... Реймир едва справлялся с желанием заткнуть уши. Все казалось нереальным, словно оживший ночной кошмар.

Вот только проснуться никак не удавалось.

Падающее тело скользнуло по спине Реймира и рухнуло под ноги. Бандит хрипел и зажимал рассеченное горло, пуская кровавые пузыри. Корд встретился с лордом взглядом и, коротко кивнув, принял на щит очередной выпад. Лорд ужаснулся. Он вдруг понял, что новоявленный командир позабыл о своих обязанностях. Его люди сражались до последнего, но не имели права отступить без приказа. Не имели права даже помыслить об отступлении.

– Уводи нас! – заорал Реймир, понимая, что битва, если ничего не изменится, продлится еще минут пять. Не больше.

Корд рубанул наотмашь и, прикрыв подбородок щитом, обернулся. Глаза его, затянутые пеленой боя, непонимающе уставились на господина.

– Командуй, сучий ты потрох! Мы должны отступить!

Отступить – это хорошо, но только куда? С одной стороны озлобленная толпа, с другой – не пойми откуда взявшиеся бандиты.

Лицо Корда прояснилось, в глазах на мгновение блеснуло смущение. Громко и протяжно свистнув, он подбежал к ближайшему крыльцу и с третьего удара высадил деревянную дверь. Не теряя ни секунды, гвардейцы ринулись в спасительный проход, попутно огрызаясь мечами.

В окружении трех солдат Реймир ловко перемахнул через завал мебели у порога, под испуганные крики жильцов пересек тесную комнату и вылез в окно. И очутился в крошечном

проулке, скрытом от посторонних глаз хлипким заборчиком и стенами соседних домов.

– Сюда, мой лорд, – спокойно произнес один из воинов.

Кровь покрывала его лицо и доспех, дыхание сбилось, мокрые волосы налипли на лоб, всклокоченная борода напоминала старую метлу. Тем не менее голос его оставался уверенным и вселял спокойствие.

– А как же... – Реймир покосился на разбитое окно.

В комнате что-то грохнуло, послышалась возня и приглушенные крики.

– Нужно спешить, – произнес гвардеец, настойчиво увлекая лорда прочь. Двое других деловито озирались по сторонам.

«Пожалуй, отец сильно недоплачивает этим ребятам», – пронеслось в голове Реймира перед тем, как он позволил увести себя подальше от боя.

7.

Они отходили такими тропками, о которых Реймир даже не подозревал. Пробираясь по некоторым из них, ему, зажатому с двух сторон глухими стенами, даже приходилось поворачиваться боком. Звуки битвы отдалялись, оставляя вместо себя только невнятный гам. Но гам этот, как показалось Реймиру, доносился теперь отовсюду. Лорда наполняло смутное предчувствие... предчувствие чего-то большего,

чем кровавая потасовка, но темп их бегства не позволял думать о чем-то, кроме спасения.

До крепостных ворот они добрались с последними лучами солнца, тратя драгоценное время на бесконечную игру в прятки с врагом. Толпа с Базарной площади разбилась на группы поменьше, и теперь беснующиеся горожане наводили ужас на всех, кто попадался им на пути. Несколько раз, сдерживая бессильную ярость, Реймир наблюдал, как люди врывались в лавки и склады, унося с собой все, что могли поднять их загребушие руки. Приходилось и отбиваться, но разрозненные стайки оборванцев не могли составить конкуренцию опытным воинам, так что стычки больше походили на отпугивание бездомных дворняг.

Крепостные ворота, которые на памяти Трамма запирали всего несколько раз, приоткрылись, едва он с тремя гвардейцами подошел достаточно близко. Вокруг было необычно тихо и безлюдно. Лучники в бойницах отбивали смутьянам всякую охоту безобразничать вблизи стен.

Реймир смог успокоиться и наконец-то перевести дух, только когда неподъемные металлические засовы с противным лязгом встали в пазы окованных металлом створок. Он наклонился, уперев руки в колени, и тяжело выдохнул, чувствуя, как вокруг собирается злость. Лорд поднял голову и сквозь длинные, упавшие на глаза лохмы взглянул на зевак. Взволнованные, они переминались с ноги на ногу, выбирая удобный момент для вопросов. Но лорд не горел желанием

отвечать. Ну уж нет! Только не сейчас! Ему следовало передохнуть, собраться с мыслями, потому что... проклятье... да потому что все катилось к собачьим хренам! И Реймир не имел ни малейшего понятия о том, как следует поступить.

– Ты, – он ткнул пальцем в ближайшего гвардейца. – Найди Корда и Иворна. До того как окончательно стемнеет, они должны быть в моем кабинете.

– Снаружи могут возникнуть проблемы, – заметил тот.

– Возьми людей из гарнизона. Сколько нужно. Остальные – за мной!

Реймир решительно развернулся и зашагал к Крепости, надеясь выкроить хотя бы полчаса на отдых. Остаток вечера и ночь, как он подозревал, ему будет не до сна.

8.

Реймир ввалился в свои покои, едва не сорвав дверь с петель, хотя сорвать с петель такую махину казалось попросту невозможным. Следом за ним увязалась стайка слуг, а замыкали малую процессию два потрепанных боем воина.

– Что-нибудь еще, ваша милость?

– Распорядись, чтобы моих людей накормили и напоили! Они мне только что жизнь спасли. Подготовьте ванную и чистую одежду. А вы, – он перевел взгляд на солдат, – пока оставайтесь у входа. Я постараюсь заменить вас как можно скорее.

– Что случилось? – леди Трамм поднялась с кресла.

– Проклятье, Фелиция... – Реймир запнулся, скользнув взглядом по стройной фигуре супруги в бирюзовом платье. Ткань струилась, поблескивая в свете затухающего заката. Странно, но сейчас он не почувствовал никакого возбуждения, словно смотрел на деревянный столб. – Как ты себя чувствуешь?

– Я? Себя? Прекрасно, – на лице ее читалась тревога. – А ты?

Лорд медлил с ответом. Подойдя к окну, он устало навалился на подоконник и прислонился разгоряченным лбом к холодному стеклу. Перед ним раскинулся Денпорт, уродливое пятно на теле великого Колверина. И пятно это становилось темнее с каждой минутой.

Реймир видел дым... Осенний ветер трепал его, уносил прочь, будто пытаясь скрыть, но Реймир видел. Пожары только-только разгорались, но он не сомневался, что ночью от их пламени будет светло, как днем. И все это – на его земле. Вместо преступности в Шоровом уделе он, видимо, расправился с самим уделом. И теперь Денпорт вместо позорной ссылки грозил стать его могилой.

Лорд зарычал и в сердцах ударил по мраморному подоконнику. Боль молнией пронзила левую руку, с губ сорвался протяжный стон.

– Ты ранен? – Фелиция тут же оказалась рядом.

– Нет, – неуверенно ответил Трамм и попытался осмот-

реть себя.

Кремовый камзол приобрел неопределенный, грязно-бурый цвет. Изорванный и замаранный, он больше напоминал нищенские лохмотья. В разрывах ткани виднелись звенья тонкой кольчуги.

– Я помогу раздеться.

Фелиция прикоснулась к застежкам, но, когда Реймир попытался поднять руки, боль в левой снова ужалила его, проникая ядом в самое сердце. На этот раз лорд не сумел сдержать крик.

– Ранен, – с мрачной уверенностью произнесла Фелиция, проведя пальцем по темному и влажному пятну на его плече.

Схватив со столика нож для писем, она принялась кром-сать и без того изуродованный камзол. Дорогая ткань подда-валась без усилий, а когда девушка сдернула ее с торса, на пол, глухо звякая, посыпались дюжины разбитых металличе-ских колечек.

– Нужно снять кольчугу. Наклонись!

Не в силах протестовать, Реймир повинился, но сно-ва вскрикнул, когда понадобилось поднять руки. Только те-перь он осознал, что уже давно перестал чувствовать паль-цы. Боль, резкая и жгучая, неумолимо распространялась по всему телу, словно кто-то убрал невидимые заслоны. Закру-жилась голова.

– Терпи! – строго приказала Фелиция. – Ее нужно снять. Реймир знал это и так, но боль... боль и слабость... они

набросились на него внезапно, словно стая волков из засады. Когда кольчуга, лязгнув, упала на ковер, мужчина повалился следом за ней. Краем глаза он заметил глубокий порез на плече, но никак не мог вспомнить, когда получил его. В глазах начало темнеть.

– Рей! – увесистые пощечины показались ему нежными, почти воздушными прикосновениями. – Приди в себя! Слышишь? Рей!

– Никто не должен узнать об этом, – прошептал Реймир. – Никто не должен...

Договорить он не успел.

Глава 3 – Советник

1.

Дверь за Бенедиктом захлопнулась, и в зале повисла звенящая тишина. Магнус шумно вздохнул. От оставленного нищим смрада его невольно передернуло, но запах... Что ж, запах – это всего лишь запах. В свое время советнику приходилось терпеть и не такое. Его уничтожающий взгляд упал на Рогри, и корчмарь испуганно отступил назад.

– Сэр Лирой, я... я не хотел... я не думал, что...

– Вот именно. Ты не думал, – ласково произнес Магнус и, помолчав, добавил: – Кажется, я попросил налить мне вина.

– Да, но... – управляющий покосился на дверь чулана.

– Не утруждайся. Доставай что есть, – советник снисходительно улыбнулся и уселся на высокий табурет перед собеседником.

Рогри наклонился и выудил из-под стойки глиняную бутылку с длинным горлышком и чистый стакан. Едва справляясь с дрожью в пальцах, он потянулся к пробке, но Магнус властным жестом остановил его.

– Дай сюда. Я сам. – Лирой взял початый сосуд, брезгливо взболтал жидкость и кивнул на посуду. – Себе тоже возьми, терпеть не могу пить в одиночку.

Громыхнула входная дверь, впуская внутрь конвоиров Бе-

недикта. Рогри вздрогнул от неожиданности, замешкался и посмотрел на советника.

– Нет, они на работе не пьют.

– Так ведь я тоже на работе...

Магнус нахмурился и смерил управляющего тяжелым взглядом.

– Быстрее, Рогри, – произнес он после краткого молчания. – Я начинаю терять терпение.

Тяжело вздохнув, тот снова наклонился и запустил руку под стойку. В то же мгновение советник перехватил бутылку за горлышко и со всей силы обрушил ее на затылок управляющего.

Магнус, без сомнения, мог гордиться собой. Пальцы его до сих пор не утратили ловкости, а руки – силы. Удар получился первоклассным. Прочная керамика немедленно раскололась, рассыпавшись вокруг острыми черепками. Дешевое вино брызнуло во все стороны, залив пол и столешницу.

Крякнув, Магнус перевалился через стойку и посмотрел на Рогри. Тот, тихо постанывая, вяло барахтался в багровой луже, отдаленно напоминая пчелу в пиале с медом.

– Зверь, подними его, живо! – сладкий тон сменился металлом.

Бородатый мужчина обошел стойку и без особых усилий поставил обмякшее тело на ноги. Кровь из раны на затылке обильно стекала по щекам Рогри, пропитывая одежду. Ухватив корчмаря за липкие от влаги волосы, Магнус вздернул

его голову и с отвращением посмотрел в затуманенные глаза.

– Тупое! Ты! Животное! Тварь! Членосос! Ублюдок!

После каждого слова Магнус со всей силы впечатывал физиономию корчмаря в залитую вином столешницу. Когда он выдохся, лицо Рогри представляло собой кровавое месиво из рваных ран, порезов и впившихся в кожу черепков. Глаза его закатились, из свернутого носа хлестала кровь, ноги отказывались держать собственный вес. Обвиснув на руках Зверя, корчмарь задергался в агонии, едва не выскользнув из крепких объятий.

– Не слишком круто вы с ним? – бесстрастно спросил охранник.

– Не слишком ли круто? – Магнус отступил на шаг, критически осмотрел себя и выругался. Его дорогой удлиненный камзол и плащ обильно забрызгало алым. С испачканной ладони стекали капельки крови. – Эта мразь впустила постороннего в мой дом без разрешения. Что еще, по-твоему, он мог заслужить? – он задумался на пару секунд. – Бенедикт Лемар... Знакомое имя. Жаль, что я не могу припомнить, при каких именно обстоятельствах мы встречались. Сложно представить, чтобы я вообще стал говорить с таким болваном.

– Ну и что теперь с ним делать?

– Хорошо бы выяснить, что он задумал и что ему известно. Случайность ли, что из всех забегаловок он выбрал именно мою «Распутницу»? Впрочем, сперва стоит дождаться ве-

чера. Возможно, он еще сможет мне пригодиться, – Магнус задумчиво посмотрел на Зверя, вытирая руку об одежду. – Приберись тут и найди кого-нибудь на замену. Желательно с мозгами. А ты, – повернулся он ко второму, – жди здесь.

2.

Роскошный кабинет на третьем этаже таверны встретил хозяина душным полумраком. Через тяжелые, плотно задернутые шторы почти не пробивался свет пасмурного утра. В камине догорали красные угли, отбрасывая сполохи на письменный стол, кресло и пушистый ковер.

Магнусу нравилось здесь. Конечно, он мог позволить себе особняк за крепостными стенами, однако, будучи выходцем из бедной семьи, так и не смог до конца привыкнуть к жизни при дворе. Богатство, бесспорно, успело наложить на него свой отпечаток. Чего только стоило качество его гардероба, еды и мебели! Но только здесь, на окраине Тихого Города, он чувствовал себя по-настоящему дома.

«Распутная Розали» была детищем и убежищем Магнуса. Именно здесь он мог без опаски вести дела, не терпящие широкой огласки. Сюда никогда без крайней на то нужды не совались посыльные и прихвостни его самодовольных коллег. А самое главное – только здесь он чувствовал себя по-настоящему в безопасности. Здесь, где каждый закоулок на десяток кварталов окрест истоптан им не одну сотню раз.

Где каждая семья в округе знала его с самого детства. Где каждый местный получал от него помощь в случае нужды и готов был порвать глотку любому за своего покровителя.

Магнус торопливо стянул с себя грязную одежду и раздраженно швырнул ее в топку. Прогоревшие дрова закоптили белым, едва слышно зашипели потеки крови и вина на ткани. Спустя полминуты первый робкий огонек лизнул край камзола, а в следующее мгновение жадное пламя объяло уже весь испорченный наряд. Его яркие отсветы заплясали на стенах, тяжелых шторах и широкой картине, висящей над столом. В свете огня казалось, что нарисованная красotka, навеки застывшая в своей постели, взирает на Магнуса с легкой насмешкой, словно знает все его секреты.

– Пошлость, – фыркнул советник, подавив мимолетные желание прикрыться, и хмуро уставился в жерло камина.

Хотелось посетовать на утрату дорогого наряда, на недомерков-работников, однако настроение его стремительно поднималось. В последние годы редко удавалось выплеснуть из себя весь негатив таким простым, но действенным способом. На пару секунд он будто перенесся в те времена, когда сам еще участвовал в подпольных боях, ломал носы и калечил судьбы таких же бойцов, как и он.

Тщательно смыв с рук и лица остатки грязи, советник извлек из платяного шкафа коричневый костюм, в сотый раз посетовав на проклятый ремень, который все сильнее впивался в выпирающий живот.

– Через пару дней сяду на диету, – снова пообещал он себе и, прихватив с вешалки шерстяной плащ, обитый соболиным мехом, вышел из кабинета.

Увидев царящий в питейном зале бардак, Магнус скрикнулся. Зверь уже выволок тело Рогри на улицу. Об этом свидетельствовал смазанный след, который тянулся по полу к самому выходу. Брюнет же терпеливо дожидался хозяина подле лестницы, нацепив на лицо свою бессменную кривую ухмылку.

Лирой довольно кивнул. Он получал искреннее удовольствие от четкого и беспрекословного исполнения своих приказов. Что же до Рогри... Магнус не имел ничего против нищих в своем заведении, в конце концов, это – не бальная зала при дворе. Но если человек не мог уследить за дверью введенной ему таверны – туда ему и дорога. Советник презрительно сплюнул и, старательно обходя темные пятна на полу, двинулся к выходу.

3.

– Мне тут вечно стоять, что ли? Шевелись давай! – раздраженно бросил советник, переминаясь с ноги на ногу у порога.

По ту сторону двери послышалась возня. Что-то, тихо звякнув, упало на пол. Раздались отголоски ругани. Наконец в замочной скважине заскрежетало, тихо щелкнул механизм,

и деревянная дверь с виноватым скрипом распахнулась.

– Прошу прощения, – седой старик, оправив складки на молочно-белой тунике, коротко поклонился и отступил на шаг, пропуская Магнуса в дом, – руки уже не те.

– Не прибедняйся, – отмахнулся тот, – знаю я твои руки. Что скажешь?

– Здесь? Разумеется, ничего, – хозяин придиричиво оглядел собственную прихожую и, в особенности, спутника Магнуса. – В кабинете – немного больше. Прошу.

Указав охраннику на узкую софу подле стены, советник проследовал за стариком в боковую дверь.

Кабинет лекаря отличался скромностью и лаконичностью обстановки. Ни тебе дорогой мебели, ни кричащих ковров, картин или статуэток. Заваленный бумагами стол днем освещало узкое окно, а ночью – пара настенных светильников. На разохшихся книжных стеллажах громоздились какие-то папки и потрепанные фолианты. Посетителям приходилось довольствоваться неказистым стулом и мягкой кушеткой в углу.

– Ну что, приготовил? – спросил Магнус.

– Несомненно, – подтвердил старик, подтолкнув к советнику маленький кисет, но, когда тот потянулся за предметом, отодвинул его назад. – Но я обязан снова спросить, так ли это необходимо?

Лирой вопросительно поднял бровь и убрал руку, задушив гнев в зародыше. В конце концов, Петрам Масти был

его личным лекарем и, помимо всего прочего, доверенным лицом в некоторых... не совсем легальных вопросах. Втолковывать азы этикета человеку, который время от времени пичкает тебя отварами и снадобьями, Магнус не горел желанием.

– Вы просили самое эффективное средство, – невозмутимо продолжил старик, взглянув на мешочек. – Вы просили его один раз, потом еще раз, и вот опять... – он задумчиво пригладил редкую бороду. – Вытяжка из корня черного пестролиста доводила до смерти людей намного моложе и выносливее вас. Уйма побочных эффектов, колоссальная нагрузка на организм в целом и сердце в частности. Возможно, настой из лысого кактуса напополам с листьями веспы...

– Хватит. Что ты вообще знаешь о моей выносливости?

– Намного больше, чем вы думаете, – пожал плечами Петрам.

Магнус хмыкнул и откинулся на спинку стула, слыша, как та заскрипела под его весом.

– Сегодня особый случай. Я уже давненько не радовал ее милость как следует, к тому же мне нужно кое-что выяснить, а твой хваленый настой и вполтину не так хорош, как вытяжка из этого... пестрого корня.

– Из корня черного пестролиста, – машинально поправил Петрам. – А что до случаев... Они, как мне помнится, всегда особые и чрезвычайно важные, но, позвольте заметить...

– Петрам, друг мой. Если бы я хотел послушать лекцию, я

бы так и сказал, – мягко перебил Магнус, словно обращался к трехлетнему ребенку. – Мы тратим время впустую.

– Что ж, дело ваше, – лекарь откашлялся, снова пожал плечами и с напускной невозмутимостью подтолкнул кiset к советнику. – Если станет нехорошо, немного поможет алкоголь. Лучше крепкий, но не увлекайтесь. И постарайтесь не волноваться сверх меры. Будет непросто, но вы все же постарайтесь. Ах да, – он выудил из ящика стола еще один мешочек. – Если уж вы собираетесь к ее милости, не забудьте про это. Щепотка на бокал теплой воды до ваших... бесед, и все будет в порядке.

Лирой кивнул. Кисеты перекочевали в один из его потаенных карманов, а вместо них на столе появился туго набитый кошель. Петрам взвесил плату на руке и расплылся в довольной улыбке.

– С вами приятно иметь дело, впрочем, как всегда.

– Как и с тобой, – ответил лестью на лесть Магнус. – И, раз уж ты заговорил о делах, есть для тебя поручение.

Лекарь с любопытством наблюдал, как советник выводит каракули на обрывке черновика, после чего принялся за чтение, шуря глаза.

– Это адрес, – констатировал Петрам, когда ему удалось-таки разобрать почерк.

– Адрес, откуда тебе предстоит забрать товар, – уточнил Лирой.

– Товар? – старик поморщился, силясь понять смысл ска-

занного.

Неожиданно лицо его побелело, глаза наполнились неподдельным страхом. Он вскочил, едва не перевернув тяжелое кресло, и Магнус лишний раз подивился тому, откуда в таком тщедушном старике столько прыти.

– Товар?! – взвизгнул Петрам. – Не-е-ет! Нет, нет, нет, нет, нет! Никакого товара. Полгода назад мне... да я чуть не попался на порошке! Советник Лирой, вы же сами прекрасно знаете, как сейчас обстоят дела. Вся моя сеть разорвана... сбытчики, посредники, осведомители... Те, кто выжил, или залегли на дно, или подались в разбойники. Надежных людей не осталось, только доносчики. Через годик-другой, когда наш дорогой лорд наиграется в героя – да, но сейчас? Это же верная смерть! Слишком рискованно!

Магнус слушал взволнованную тираду лекаря с напускным интересом. Кивал, где надо; где надо, сокрушенно качал головой; даже цокнул языком разок для приличия, но, когда Петрам закончил, загнал его в кресло одним только взглядом.

– Товар, – вкрадчиво произнес он и, выдержав театральную паузу, продолжил: – сырой, низкого качества. Твоя задача – привести его в порядок, сделать, как говорится, из дерьма конфетку. Я пришлю за ним кого-нибудь послезавтра. Если заказчики будут довольны, буду доволен и я, а если буду доволен я – ты тоже внакладе не останешься.

Рядом с тугим кошельком упали две его точные копии.

Петрам застонал, неосознанно вжимаясь в потертую кожу глубокого кресла. Глаза его молили о пощаде, но вслух он не произнес ни единого слова.

– Успокойся, мой друг, – примирительно произнес советник и встал с ненавистного стула. – Ты же знаешь, Магнус Лирой не дает в обиду своих. Ну а если у нас с тобой ничего не сложится – специалиста всегда можно заменить, каким бы хорошим он ни был. Ну так что, могу я на тебя рассчитывать? Ну и отлично. Сегодня вечером, не забудь.

Не дожидаясь, пока Петрам опомнится, советник вышел из кабинета и торопливо покинул дом лекаря. Если бы он вел список задач на день, рядом с еще одной можно было ставить жирную галочку.

4.

В Крепость Магнус вошел через один из служебных входов, не обращая внимания на прислугу. В конце концов, залезь он хоть через дымоход, среди лабиринта каменных коридоров все равно нашлась бы пара любопытных глаз. Другое дело – коллеги-советники и прочая знать, шатающаяся в Крепости по причине и без оной. Меньше всего Лирою хотелось мозолить им глаза, терять время на бестолковые разговоры и притворные улыбки. Тем более что на этот раз он здесь не по работе.

С чрезвычайно деловым видом советник миновал самую

оживленную часть пути и, прибавив шаг, завернул к гостевым спальням. Прислуга сновала здесь редко и вылезала из своих нор, только когда в Крепости останавливались гости. Сейчас коридоры, как и надеялся Магнус, пустовали, а комнаты хранили свои тайны за запертыми дверьми. Все, кроме одной.

Лирой приблизился к ней, потянулся к металлической ручке и улыбнулся, чувствуя, как екнуло сердце. Он прошел суровую школу: голодал, воровал, дрался и убивал, прежде чем смог чего-то добиться в этой жизни. Так что удивляться очередному синяку или трупу в канаве он перестал уже очень давно. У женщин он тоже имел успех, не оглушительный, конечно, но похвастаться дюжиной пикантных историй все же мог. Однако всякий раз, когда дело касалось прекрасного пола, он ощущал необъяснимый подъем и волнение. И эти ощущения нравились ему до дрожи в коленях.

Воровато озираясь, Магнус приоткрыл дверь и протиснулся в комнату. В спертом воздухе покоев витал запах пыли и сырости. Тряпки служанок наверняка не касались здешней мебели, по меньшей мере, месяц. Помедлив немного, советник подошел к прикроватной тумбочке и провел пальцем по ее гладкой поверхности. Глядя на остатки серой пыли, он недовольно поморщился, затем поднял графин и подозрительно приняхался. Но нет, вода не показалась ему старой или затхлой, а стакан неподалеку – грязным. Хороший знак.

Магнус сглотнул, вспомнив, что его ожидает, и потянулся

к одному из своих потайных кармашков. Ссыпав белый порошок из кисета в сосуд, он плеснул в него воды и взболтал мутный раствор. Спустя минуту жидкость снова стала прозрачной, но при взгляде на нее Лироя передернуло. Тем не менее отступить он не собирался.

Зажмурившись, советник одним могучим глотком опорожнил стакан и тут же согнулся пополам, пытаясь дотянуться до графина трясущейся рукой. Дикая горечь наполнила, казалось, все его нутро, из глаз хлынули слезы. Чудовищный спазм скрутил желудок, и Магнусу стоило невероятных усилий удержать снадобье в себе. Он судорожно приложился к хрустальной посудине и принялся жадно пить, едва не захлебываясь. Кадык заходил вверх-вниз, словно насос, холодные струи воды потекли по подбородку, по шее, под одежду.

Оторвавшись от горлышка, Магнус закашлялся и оперся о тумбочку двумя руками, наблюдая, как капли срываются с его дрожащих губ и падают в пыль. Горечь отступала, но ей на смену пришел жар. Духота спальни сделалась невыносимой, лоб мгновенно покрылся испариной. Захотелось сесть. Сердце не встрепенулось... о нет! Оно бешено взвилось, напоминая поступь несущегося галопом скакуна.

– С вами все в порядке? – сквозь стук в ушах донесся до Магнуса озабоченный голос.

– Я... – он выпрямился и, смахнув пот со лба, попытался улыбнуться. – Да, конечно... просто голова закружилась.

– Точно? – Дана недоверчиво прищурилась, но практиче-

ски сразу лицо ее прояснилось. – Ну и прекрасно. Ее милость ждет, прошу за мной.

Дана, Дана, Дана... Милая Дана. Глуповатая, но преданная своей госпоже до мозга костей, что могло сгладить любой недостаток... ну или почти любой. Фелиция прекрасно выдрессировала свою суку, нужно отдать ей должное.

Осторожно продвигаясь по пустынным коридорам, Магнус все чаще и чаще заглядывался на зад компаньонки, хотя тот едва просматривался в полах пышного платья. Он хотел ее. О боже, как он ее хотел! Хотел обвить ее талию своими сильными руками, сорвать юбки, корсет, исподнее, сжать в ладони упругую маленькую грудь, скрутить сосок, а потом...

Лирой тряхнул головой, отгоняя наваждение. Жар обволакивал все его тело, добираясь даже до мочек. Мужское естество пульсировало в такт яростным ударам сердца, с каждым шагом увеличиваясь в размерах.

Вытяжка из какого-то там корня начинала действовать. Советник знал, чего ожидать, но всякий раз эффект становился чем-то вроде откровения. Все представало в новом, совершенно невообразимом свете... и, конечно же, желание. Необузданное желание, которое могло возбудить интерес даже к тыкве. До покоев лорда Магнус добрался во всеоружии.

5.

– А вот и мой вепрь! – Фелиция набросилась на гостя сза-

ди, сильно сжав через штанину оттопыренный член. – Ого! Как же ты силен, мой вепрь!

Если бы не зелье, Магнус выбил бы девушке половину передних зубов, пустив в ход локоть. Естественная реакция на нападение со спины, пронесенная сквозь года. Вместо этого Лирой, извиваясь, будто жирный удав, повернулся к девушке и впился в ее губы пронзающим поцелуем, словно пытался выпить всю ее жизненную силу.

Она застонала. Он застонал в ответ, чувствуя, как его взбудораженная гордость упирается в ее обнаженный пах... Что было дальше, Лирой помнил смутно. Сознание заполнил туман возбуждения, страсти и похоти. Бешеное соитие. Обостренные чувства, точно открытые нервы, доводили до безумия. Магнус чувствовал каждую чешуйку ее бархатной кожи, каждый рецептор острого соска, каждый бугорок и извилину ее нутра. Роза и апельсин в ее духах перемешивались с терпким запахом пота, с дурманом ее соков, сливаясь в аромат, от которого хотелось вопить на всю Крепость. И он кричал. Кричал в подушки и простыни, чтобы ненароком не выдать свое таинство посторонним. Может быть, кричала и Фелиция, но Магнус не помнил и этого.

Разум прояснился спустя несколько минут после пика наслаждения. Лирой обнаружил себя на безразмерной кровати среди десятка мятых подушек. Его редущая шевелюра взмокла и сбилась на затылке. Тело блестело, мышцы ныли от чрезмерных усилий, грудь тяжело вздымалась и опуска-

лась. Сердце немного успокоилось, напоминая о себе едва заметной тупой болью.

– Ты – демон, Магнус... – Фелиция едва справлялась с дыханием. Обессиленная, она лежала подле советника, слепо уставившись в балдахин. – Судья всемогущий, что же ты со мной делаешь?

– Воды, – прохрипел советник. В горле пересохло так, что каждое сглатывание превращалось в нестерпимую муку.

Фелиция встрепенулась, прыгнула с постели и, шатаясь, подошла к журнальному столику. Магнус не мог отвести взгляд от ее обнаженного тела, как ни старался. Налитые груди девушки вздрагивали при каждом шаге, аппетитная попка виляла из стороны в сторону. Внезапно вернулся жар. Уже не столь сильный, но требовательный. Пониже талии зашевелилось одеяло. Натруженное тело взмолилось о пощаде, но проиграло вытяжке из корня черного пестролиста.

Влив в себя стакан воды, Лирой снова овладел Фелицией. Страсти и ярости во втором раунде поубавилось, но, судя по стонам и идиотской улыбке, девушка осталась несказанно довольна подобным поворотом событий.

– Я ведь могу и привыкнуть к такому, – промурлыкала она, лежа на дряблой груди советника.

– Еще чего, – шутливо фыркнул Магнус. – Тебе еще муженька своего терпеть.

– Реймир... – Фелиция закатила глаза. – Тебе обязательно упоминать его каждый раз?

– Почему бы и нет? Я же наставляю ему рога, – усмехнулся советник. – Кстати, когда он возвращается?

– Скоро, – ответила девушка и потянулась.

– А точнее?

– Должен был недели через три. Но совсем недавно пришло письмо из Колвера. Поговаривают, что аудиенция у короля прошла не так гладко, как планировал Рей. Короче говоря, по нашим прикидкам, ждать его стоит дня через три. А зачем он тебе? Соскучился по взаимным шуточкам и издевкам?

– Упаси Судья, – Магнус фыркнул. – Хотел потолковать с ним по поводу кое-каких вещичек, которые украл его пес.

– Хм... я встречалась с Иворном буквально вчера, – Фелиция потянулась на смятых простынях и зевнула. – Кажется, он упоминал про что-то такое, но я не расспрашивала.

– Сделай одолжение, разузнай об этом поподробнее. Предпочитаю подходить к задаче сразу с нескольких сторон. Ты бы меня очень выручила.

– Для моего обожаемого советника – все что угодно, и даже больше, – Фелиция закинула ногу на выпирающий живот любовника, перекатилась и оседлала его. – А взамен я хочу, чтобы ты еще раз подумал над моими словами. На месте лорда ты бы смотрелся куда как достойнее. Смести его и отправь обратно в столицу, пока он не разрушил все, чего ты добивался столько лет.

– Не пори чушь! – Магнус грубо столкнул ее с себя. –

Сколько раз повторять? Мне это не интересно.

– Подумай, какие возможности...

– Хватит твердить об одном и том же, – перебил Лирой. – Ты считаешь, что я страдаю от нехватки возможностей? Я могу вертеть Шоровым уделом, как пожелаю. Даже без пресловутого лордства. Местная шваль нюхает мою отраву, пьет второсортную кислятину, которую я выдаю за вино. Я приплачиваю одной половине выродков за то, чтобы она держала в страхе другую. Бандиты, воры, наемные убийцы... все это – мои люди. Когда одна шайка становится слишком сильна, я натравливаю на нее конкурентов. Я контролирую всю эту шваль. Стоит мне щелкнуть пальцами, и Денпорт станет самым спокойным городом Колверина. Но, к сожалению, это не так выгодно. Пусть одни идиоты режут других и сливают всю свою злобу на лорда. Мне это только на руку.

– Вообще-то, Реймир остановил торговлю «звездным шепотом», – заметила Фелиция. – Разве нет?

– Ублюдок, – новая волна ярости едва не захлестнула Магнуса. С губ его готовилась сорваться еще одна тирада, но он сумел побороть себя и вовремя прикусил язык.

Он и так наговорил слишком много лишнего. После любовного зелья он выходил из себя даже из-за ерунды, а чтобы держать в узде бешеный нрав, требовались невероятные усилия.

– Так разберись с ним, раз он тебе мешает.

– Разберись? – Магнус усмехнулся. – Уж не об убийстве ли

ты говоришь? Девочка, мне кажется, ты пересмотрела уличных спектаклей. То, что Реймира до сих пор не прибили в темном переулке – во многом моя заслуга. Будь на его месте любой бюрократишка средней руки, до которого нет дела даже его родне – это одно. Но твой муженек – особый случай. К нему приковано слишком много взглядов. Его внезапная кончина может вызвать вопросы и привлечь нежелательное внимание, в том числе ко мне и моим делам, – Магнус помолчал, размышляя над сказанным, сделал глубокий вдох и продолжил: – Впрочем, вряд ли это надолго. Скоро удел сам от него избавится. Лорд Трамм в этом сильно преуспел. А ты даже не смей ему мешать! Помогай ему, будь любящей супругой... ну или хотя бы постарайся. И тогда Реймир собственными руками уложит себя в могилу.

На какое-то время в покоях повисла тишина, прерываемая только тяжелым дыханием.

– Да, чуть не забыл. У меня презент от Петрама.

– Опять этот лекарь... – с сомнением произнесла девушка. – Ты так ему доверяешь?

– Этот человек верен мне... в определенных вопросах и до определенной степени. Не думаю, что он способен на предательство. Можешь смело обращаться к нему по вопросам, не предназначенным для ушей придворного лекаря. Я оставлю Дане его адрес.

– Ты что-то задумал? – Фелиция свернулась клубком подле любовника, уложив голову на его грудь.

– Дождаться твоего мужа для начала, – бросил он чуть резче, чем намеревался, но тут же добавил: – Хочу еще раз попытаться склонить его на свою сторону. После провала на королевском приеме он может стать сговорчивее.

– Надеюсь, беседа с ним тебя порадует, как и это, – томно проговорила Фелиция и впилась в сморщенный сосок Магнуса.

На этот раз он не оттолкнул ее. Все его мысли и планы погребло под новой волной жара... всего лишь жалким отголоском пережитых эмоций. Если в первый раз огонь в нем был подобен лесному пожару, то сейчас напоминал уютный костерок тихим безветренным вечером. Игнорировать желание Лирой не хотел и уже потянулся было навстречу юному телу, когда в покои вбежала Дана.

– Ваша милость! Ваш муж... лорд Трамм... он...

– Был растерзан волками, надеюсь? – раздраженно выпалил Магнус. Он терпеть не мог, когда его отрывали от дел... особенно от таких приятных дел... особенно таким бесцеремонным образом... особенно всякие дрессированные шавки.

– Он здесь! В Крепости! – от испуга ее глаза распахнулись так широко, что, казалось, могли выскочить из глазниц от легкого подзатыльника.

– В Крепости? Как в Крепости? – Фелиция вскочила. – Но он же должен...

– Какая разница, что и кому он должен? – Магнус слез с

кровати и кинулся к своей одежде, разбросанной по всему полу. – Он здесь, а это значит, что меня здесь быть не должно.

– Вы не успеете! Там слишком много слуг, вас заметят!

– Так... – Фелиция sprыгнула на пол. – Собирай шмотки и лезь в шкаф.

– Чего? – Магнус не сразу осознал смысл сказанного, а когда все-таки понял, чего от него хотят – брови его полезли вверх от удивления.

– Того! Быстрее! А ты, – девушка мельком взглянула на служанку, – задержи его. Да-да, задержи! Как угодно!

Обалдевший от происходящего Магнус мог только прижимать комок своих вещей к груди. Он наблюдал, как вылетела из комнаты Дана, как Фелиция схватила с туалетного столика флакон духов и принялась неистово разбрызгивать его содержимое по всей спальне.

– Постель не забудь, – машинально подсказал Лирой.

– Советовать будешь своему лорду, советник, – огрызнулась девушка, но послушалась. – Ну, чего встал? В шкаф! Быстро!

Магнус хмыкнул, медленно распахнул ближайšie створки и, усевшись на собственное барахло, прикрыл дверцы. Спустя пару секунд он услышал, как шелкнул оконный засов и скрипнули ставни. Еще минута какой-то возни, и наступила тишина.

Сидя на дорогом, нещадно скомканном костюме, вдыхая

едкий запах духов, Магнус вдруг осознал, что нервничает. Он замер, пораженный давно забытым чувством, даже перестал дышать. Лорд Трамм не пугал его в момент своего назначения, не пугал и сейчас. Лирой прекрасно понимал, что без труда мог выйти из своего укрытия в самый неподходящий момент и с самодовольным видом удалиться из покоев, но...

Приглушенные разговоры прервали его размышления. Магнус прислушался и вздрогнул, когда Реймир пинком распахнул дверь в покои.

– Ее милость... не хотела, чтобы вы видели ее в таком...
– тихо и жалобно.

– Ты забываешься! Что на тебя нашло? Пошла прочь отсюда! – грубо и раздраженно.

– Не ругайся, – тихий шелест Фелиции.

– Что случилось? Ты что, духи разлила?

Магнус улыбнулся и едва не хихикнул. Он понял-таки, в чем дело. Во времена своей беспокойной юности он точно так же прятался от мужа, прижимая поношенные штаны к груди. В тот раз ему повезло, но страх быть пойманным преследовал его не одну ночь. И сейчас его скорее взволновала сама ситуация, нежели опасения быть обнаруженным.

– После завтрака у меня разболелся живот...

На этот раз Магнус хихикнул, но вовремя зажал себе рот. Объяснить пролитые духи собственным пердежом – это нечто. Ему стало смешно. Смешно от всего. От своего голо-

го зада в паре шагов от лорда, от умелой лжи любовницы, от нелепости ситуации... Оставалось надеяться на свое хлипкое укрытие и неотложные дела Реймира. Играть в прятки до следующего утра советнику не улыбалось.

Внезапно в шкафу стало темнее. Обнаженная фигура лорда загородила солнечный свет, и Магнус вжался в стену, пытаясь спрятаться за цветастыми платьями. Конечно, его волосатый живот не получилось бы скрыть даже дюжиной нарядов, но инстинкт – штука сильная.

Лирой беззвучно смеялся, пытаясь наскоро придумать первую фразу для встречи. Что-нибудь вроде: «Ух ты, какая неожиданность!» – или: «Ну ничего себе! Какими судьбами?». Каждый новый вариант забавлял его еще сильнее.

А между тем время шло, но Реймир не спешил открывать дверцу и изливаться гневной тирадой. Вместо этого он просто оперся на шкаф и невидящим взором вперился в пол. Через мелкие дырочки в дверце Магнус увидел его набухший, подрагивающий член прямо напротив своей головы, и приступ бесконтрольного веселья накатил с новой силой. Пытаясь не выдать себя, он до боли стиснул лицо, плотно зажимая нос и рот. Слезы хлынули водопадом, задергались плечи, едва просохшие волосы снова взмокли от пота.

Подумать только, еще совсем недавно Магнус здоровался с ним, пожимал ему руку, обменивался любезными с виду, но едкими по своей сути фразами, превращая простой диалог в пикировку. Теперь же он мог запросто схватить лорда

за яйца, даже не протягивая руку. Интересно, как бы тогда заверещал этот наглый сопляк? А его тонкий, кривой прибор! О боже, и Фелиции приходилось изображать страсть, принимая его в себя!

– Ну что, герой, так и будешь там стоять?

И Реймир отошел. Лирой шумно выдохнул, уткнувшись лицом в одно из платьев Фелиции, и тихо заржал, не в силах больше сдерживаться. Впрочем, он мог дать себе небольшое послабление. Через дырочки в дверце он не видел кровать, но ясно слышал, что на ней происходит.

Немного позже, когда его милость изволила кончить, Магнус почти успокоился. Он лишь тихо всхлипывал, вытирая влагу с лица бордовым подолом. От смеха онемели губы, болели затылок и живот, от неудобной позы затекли ноги. Лирой тихо бормотал молитвы, взывая о том, чтобы приступ смеха не повторился вновь.

– Сегодня было хорошо.

– Чушь.

– Может... еще разок?

– Я же не могу так сразу...

После этих слов Магнус едва не рассмеялся снова, но, услышав свое имя, сумел побороть приступ и в первый раз за все время прислушался к разговору.

– Сколько раз повторять? Я не собираюсь договариваться с этим угрем! Ни при каких обстоятельствах... – и так далее, и так далее, и так далее.

Чем дольше говорил лорд, тем крепче Магнус уверялся в том, что никакие его ухищрения не приведут к положительному результату. Реймир был связан своим глупым спором и юношескими принципами. Если бы только удалось подслушать нечто подобное раньше... Что ж, значит, пришло время для первого аккорда финальной пьесы, которая покончит с лордом и его вездесущим псом раз и навсегда.

– Да приди ты в себя, наконец!

Грубо вырванный из собственных размышлений Магнус вздрогнул и посмотрел вверх. Фелиция стояла над ним, грозно уперев руки в бока.

– Одевайся и выметайся отсюда, пока сюда не занесло еще кого-нибудь.

Взволнованная, обнаженная – одно загляденье. Из-под аккуратно выщипанных бровей на него метали молнии зеленые глаза. Юная валькирия, нимфа, муза для поэтов... Магнус снова почувствовал жар, и даже оскорбления лорда не могли заглушить его.

– Сэр Лирой, я прошу вас выйти из моих покоев, – произнесла Фелиция, но в ее голосе не было прежней уверенности, а в глазах появился игривый блеск.

– Я так не думаю, – ехидно усмехнулся советник, отшвырнув свои вещи.

– Магнус, ну пожалуйста, – мольба девушки больше походила на призыв к действию. – Нас же могут заметить...

– Вот и отлично, никогда не пробовал при свидетелях.

6.

В «Распутницу» Магнус попал только под вечер, измотанный, но довольный собой. Из покоев Фелиции его вывела все та же Дана, достойно послужив ему глазами и ушами. Неподалеку от Крепости он отыскал своего охранника и тут же отослал его с ворохом поручений. Советник не сомневался, что его коллеги тут же заменят глашатая на великого и ужасного лорда Трамма, едва прознав о его возвращении. И если так удачно сложился день, то отчего же и вечер не завершить на громкой ноте? Лучшего времени просто не сыскать. А на закуску оставался Иворн Хонна. Лелея мысль о мирном исходе, Магнус до последнего момента терпел длинный нос городского сыщика и все его нелепые выходки. Теперь же...

– Скажем так, – произнес он, глядя на погасшие угли в камине, – если наш дорогой лорд находится под присмотром самого короля, то о тебе, хренов урод, не вспомнят уже через пару дней. Любопытно, как долго ты протянешь в компании моих старых приятелей?

Магнус устало опустил в глубокое кресло, лениво потянулся за пузатой бутылкой и замер. Вместо служебного перстня-печатки на указательном пальце левой руки остался только белый след незагорелой кожи.

– Твою ж мать... – тихо выругался он, ухватив сосуд за горлышко.

В ближайшую пару дней он не планировал встреч с Фелицией. Даже мимолетных. Теперь же следовало что-то придумать. Магнус снова выругался и сделал глоток. Самогон, чистый, как моча младенца, и крепкий, как удар Велфорда в челюсть, обжег глотку. Советник закашлялся, занюхал рукавом и блаженно откинулся на кожаную спинку. Лучше бы Фелиции спрятать безделушку подальше от посторонних глаз, а иначе кто знает, к чему все это может привести? Забавно, но Магнус даже не помнил, когда успел стянуть ее с пальца.

Боль в сердце наконец утихла. Нет, больше он никогда не станет принимать эту дрянь. Теперь уже нет. Отпала всякая необходимость. Но все же Магнусу было немного жаль лишаться столь безумных утех, на которые он не был способен даже в лучшие годы. Он поднялся, прошелся по кабинету, чеканя шаг, и выглянул в окно. На практически почерневшем небе отразились сполохи первых пожаров, пока еще робких и чадающих.

Вот! Вот до чего довел этот заносчивый, самодовольный выродок! Судья свидетель, что Магнус пытался утихомирить его благородные и никому не нужные порывы без лишнего шума. Разговор по душам, лесть, уловки, деньги, женщины, даже угрозы – все шло в ход. Реймир же, на поверку, оказался упертым бараном, неспособным идти на компромисс. И теперь стало понятно почему.

Да что он вообще понимал? Что мешало засунуть свою гордость куда подальше и извлечь выгоду из сложившейся

ситуации? Ведь в конечном итоге все, что не умеет гнуться – рано или поздно ломается. На что юный лорд вообще надеялся? Он управлял уделом с таким же умением, с каким орудовал собственным членом в постели – торопливо, дерганно и бестолково, желая получить все и сразу. Но так не бывает. Магнус хорошо это знал, как знал и предел своих возможностей. В свое время он тоже грезил изменить мир к лучшему. Да уж... как же давно это было! Тем не менее, идти против системы оказалось не лучшим выбором. В конце концов, какой смысл в самоуничтожении за правое дело, если все мы живем только раз?

Злость вырвалась из заточения, и Магнус сжал кулаки. Сердце немедленно кольнуло, и он, ойкнув от неожиданности, снова приложился к бутылке. Масляная лампа на столе горела ровным, будто нарисованным пламенем, напоминая еще один маленький пожар. Один из тех, которые уже к полуночи охватят добрую часть Торгового квартала. Ничего. Шоров удел стерпел многое. Стерпит и это. Людям свойственно плодиться, а домам – отстраиваться.

Шаги Велфорда советник услышал еще в общем зале. В таверне было непривычно тихо без посетителей, и поступь гиганта-охранника эхом разносилась до самого чердака.

– Ну что? Выкладывай! – Магнус подался вперед.

– Вот, – здоровяк приблизился и водрузил на письменный стол холщовую сумку, после чего протянул руку с листком бумаги. – И еще вот это.

Советник взял письмо, пробежался взглядом по мелким каракулям и, отложив бумагу в сторону, покосился на сумку.

– И что это такое?

– То, что вы просили, – невозмутимо пробасил Велфорд и отступил.

Лирой медлил, недоверчиво поглядывая на подношение. Задумчиво почесав затылок, глотнул еще, поднялся с кресла и быстрым движением распустил завязки. В наполовину заполненной сумке мирно покоилась кучка разнообразных украшений. Брошки, кулоны, браслеты, сережки... даже в самом слабом отсвете лампы драгоценные камни в них переливались, словно крошечные звезды в ясном небе.

– Разве я просил ограбить ювелира? – Магнус нахмурился и, ухватив сумку за дно, вывалил все ее содержимое на стол.

Задумчиво разгребая блестящую кучу указательным пальцем, он наконец увидел золотую диадему, инкрустированную россыпью бриллиантов. Даже новая, такая безделушка могла стоять целое состояние. Эту же сделали несколько веков назад, отчего ее цена возростала многократно.

– Ах, это... – Магнус швырнул украшение обратно и продолжил копаться в кучке драгоценностей. – Что ж, хорошая работа. Жаль только, что больше не имеет смысла. Хотелось бы надеяться на лучшее, но я сомневаюсь, чтобы ее владелец пережил ближайшую неделю.

Внезапно внимание советника привлекло нечто странное.

Выудив предмет из завала, Магнус поднес его к лицу... и замер. Надолго. В его руке покоился ромбовидный медальон с простой гравировкой в виде уравновешенных весов. Советник подцепил его двумя пальцами, пристально рассмотрел с одной, потом с другой стороны. Никто не смог бы найти в украшении хоть что-нибудь примечательное. Плоское изделие из тусклого, потертого от времени серебра, которое определенно нуждалось в чистке. Ни одного драгоценного камня. Даже дужку для цепочки никто не додумался к нему приладить. Большинство местных ювелиров без труда смогли бы сделать более искусную работу. И, тем не менее, то, что держал в пальцах Магнус, было бесценным.

– Невероятно, – только и смог произнести он. Ему доводилось слышать о подобных вещах, но увидеть одну из них пришлось впервые.

– Что это, босс?

– А? – Магнус оторвал затуманенный взгляд от медальона и посмотрел на охранника.

– Что это? – повторил тот монотонным, почти бесцветным голосом.

– Это? – советник снова уставился на украшение, а потом быстрым, едва различимым движением спрятал его в одном из потаенных кармашков камзола. – Неважно. Забудь. Бери ребят и доставайте нашего гостя из подвала. Надеюсь, что он не помер. Мне есть о чем с ним потолковать.

Глава 4 – Охранник

1.

Толстые пальцы неуклюже залезли в крохотный тряпичный сверток. Выживая из него тоненькую щепку, Велфорд случайно зацепил еще несколько, и те беззвучно упали в грязь. Безразлично посмотрев под ноги, мужчина поднес деревяшку к глазам, пристально изучая темно-красную головку на ее конце. И чего только ни выдумают алхимики! Но даже он не мог не признать удобство новомодных штуквин. Резко чиркнув по кожаному ремню, Велфорд поднес шипящее пламя к самокрутке и затянулся.

Тяжелый дым немедленно ударил в грудь. Любой другой на месте охранника зашелся бы кашлем, но Велфорду отчего-то нравился мерзкий вкус дешевого табака с примесью полевых трав. С наслаждением выдыхая, он услышал знакомый скрип и тут же высунул свой свернутый на бок нос из импровизированного укрытия.

Зверь и Весельчак деловито отволокли Бенедикта на задний двор таверны, а спустя пару минут вернулись обратно.

– Неинтересно, – заключил Велфорд, затянулся и поерзал на сколоченной из старых ящиков скамье.

Ныне запущенный сквер когда-то разбили всего в паре домов от «Распутной Розали». Народ собирался здесь глубоко

под вечер – в основном те, кому столик под крышей был не по карману. Так что Велфорду ничего не мешало тянуть папироску и время от времени поглядывать на улицу из-за живой изгороди, превратившейся без должного ухода в настоящую зеленую стену.

Когда жар тления стал неприятно припекать губу, мужчина швырнул окурок в сторону и в это самое время снова услышал скрип дверных петель. На этот раз Зверь вышел без приятеля. Подтянув тело Рогри к телеге у входа, он громко выругался, взвалил тяжелый груз на плечо и зашвырнул его в кузов. Когда управляющий зашевелился, головорез снова разразился проклятиями, пару раз приложил беднягу чем-то тяжелым и воровато осмотрелся.

– Утес, ты еще здесь?!

Велфорд поморщился и снова уселся на скамью, едва не переломив ее пополам. Лоб и лысый череп тут же расчертили грубые морщины, отчего шрамы на лице стали особенно выразительными. Зверь раздражал его. Даже бесил. Вдали от Магнуса он становился болтлив, словно базарная баба, и надоедлив, как комар, выпрашивая дать в морду одним своим присутствием. Но Велфорд терпел. Он всегда терпел.

– Угостишь? – Зверь устроился напротив и кивнул на резную коробочку в руках приятеля.

– За что его? – спросил Утес, доставая из портсигара самокрутку.

Собеседник ехидно рассмеялся.

– Сам-то как думаешь, э? Ну ты даешь! За тупость. Думать надо было, чего можно делать, а чего нет, – Зверь затынулся и тут же разразился удушливым кашлем. – Господи, забываю всегда... Ну и дрянь! Как ты это куришь?

– Молча, – равнодушно ответил Велфорд.

– Да уж... молча, – пробубнил охранник, сплюнул, но папиросу не выбросил. – Прикидываешь? Магнус его ударов с пяти положил. Никогда бы не подумал, что старик на такое способен! А Рогри жаль, если честно. Хороший был мужик. Еще вчера с ним трещал о том, о сем, – Зверь помолчал немного, а потом кивнул на телегу. – Теперь вот к пустырю его повезу. Бывает же...

Дверь скрипнула снова, и на пороге показался сам Магнус в сопровождении Весельчака. Перекинувшись с ним парой слов, босс торопливо двинулся прочь, что-то насвистывая себе под нос. Велфорд снова поморщился. Последнее время он морщился слишком часто. Он никогда не понимал, да и не хотел понимать людей, получающих удовольствие от драк, крови и убийств, хотя и сам не один год провел на песке Арены.

Зверь, завидев начальника, как-то сник и даже замолчал. Снова сплюнув, он ловким щелчком отправил окурок в кусты и поднялся.

– Заболтал ты меня совсем, – добродушная ухмылка отразилась на его мерзкой бородатой физиономии, – а у меня еще дел куча. Ты-то сам как, идешь?

– Только покурю сперва.

2.

Из Тихого Города Велфорд выбрался поразительно быстро. Его широкий шаг с легкостью дал бы фору любому бегуну. Запах нечистот отступил, а когда мужчина добрался до набережной – сменился затхлой сыростью Тайпана. Знаменитый на все королевство Улей ютился на просторном, по речным меркам, острове. Отрезанный от большой земли ленивыми, пропитанными нечистотами водами, он сообщался с остальным Денпортом лишь двумя переправами, одна из которых едва держалась на опорах.

На Блошином мосту было не продохнуть как от толпы оборванцев, так и от вони, которую они распространяли. Нищие собирались здесь, сколько он себя помнил. Они плотно рассаживались вдоль перил и выставляли на продажу все, что могли украсть, смастерить или вырастить. Массивное каменное сооружение с легкостью вмещало всех желающих. Конечно, любой уважающий себя житель Денпорта пришел бы сюда в поисках товара лишь в самом крайнем случае. Однако при желании и зная определенных людей здесь можно было найти все что угодно, от дурмана до любовных утех... на любой вкус и кошелек.

Улей по праву считался самым опасным местом во всем уделе. В Торговом квартале, не говоря уже о самой Крепо-

сти, стражники встречались на каждом шагу. В Тихий Город и Портовый район они тоже наведывались, правда, не так часто и больше мимоходом. Что же до Улья... Велфорд не помнил, когда в последний раз видел на его улицах живого солдата.

Стоило ему перейти на другой берег и на пару дюжин шагов отойти от реки, как заковыристый лабиринт незамедлительно принял его в свои недра. У пришлых людей с непривычки слезились глаза и неизбежно начинался безудержный кашель. Докучливый душок Тихого Города на фоне зловонного Улья казался ароматом надушенной девственницы, а его дороги – королевскими трактами. Здесь не было даже намека на архитектуру. Деревянные лачуги, похожие на гнилые ящики, жались друг к другу, громоздились одна на другую, образуя сложную систему многоярусных переходов, проулков и тоннелей. Заблудиться в таком хитросплетении не составляло ни малейшего труда, поэтому жители остальных районов редко отваживались перейти через Тайпан без местного проводника. Храбрецов и просто идиотов, пренебрегших этим простым правилом, в лучшем случае находили в нескольких лигах ниже по течению.

Велфорд был своим, но даже он, всякий раз блуждая по паутине проходов, оставался начеку. В конце концов, всех врагов не упомнишь, а кинжалу нет разницы, мускулистая у тебя спина или заплывшая жиром.

Один из глухих тупиков закончился ржавой, но все еще неприступно-крепкой дверью. Велфорд постучал. Дребезжание металла разнеслось по округе колокольным звоном, распугав крыс. Стайка воробьев сорвалась с крыши и метнулась за угол. Какое-то время мужчина слышал только собственное дыхание, но вскоре с той стороны раздался приглушенный голос:

– Кто там еще пфипефшя?

– Идиот, – бесцветно ответил Велфорд, скрестив могучие руки на груди.

Тихо проскрежетав, в сторону отъехала смотровая шторка, и в проеме показалась пара впалых глаз, окруженных глубокими каньонами морщин. Старик скользнул взглядом по визитеру, посмотрел по сторонам и скрылся из вида так же внезапно, как и появился. Громовым раскатом лязгнул засов, и дверь, возмущенно закрипев, распахнулась.

Переступив порог, Велфорд оказался в небольшом зале, душном и мрачном. Столов в заведении было не больше десяти, да и те пустовали. В дальнем конце комнаты громоздилось сооружение из старых комодов и досок, отдаленно напоминающее стойку. В углу одиноко светил масляный фонарь, тщетно пытаясь разогнать темноту.

– Шдофова, бошш! – прошамкал старик у двери и беззубо улыбнулся. – А мы тебя пофаньше шдаи.

– Я же просил не называть меня боссом, – Утес нахмурился для вида и двинулся к управляющему.

– Велфорд Моллин! Добро пожаловать в Логово! – отсалютовал корчмарь и потянулся к ящику на полу. – Тебе как обычно?

– Как обычно, – подтвердил тот, усаживаясь на высокий табурет. – Где все?

– На улице, – наполнив глубокий стакан до краев, низкорослый мужичок поставил на столешницу тарелку с маринованными огурцами. – Кто-то в Тихом, кто-то здесь. Как ты и распорядился.

Велфорд кивнул и обернулся к старику:

– Скряга, запали еще пару ламп, не видно же ни хрена!

Взяв наполненный сосуд, он поднес его к глазам и пристально взгляделся в содержимое. В теплом свете дрожащего пламени жидкость казалась темно-коричневой, точно дерево, покрытое лаком.

– А Лестер? Мне он нужен. – Велфорд справился с напитком в два глотка и, медленно выдохнув, засунул в рот холодный огурец. Ром ароматной горечью ошпарил глотку и жидким огнем спустился в живот, оставив после себя приятное тепло.

– Акробат? Несколько дней его не видел, – признался корчмарь. – Эта птица мне не докладывается. Принципиально. Ты бы потолковал с этим позером, а то возомнил из себя невесть что...

– Обязательно, Патрик, – перебил его Велфорд. – А пока достань мне чем писать.

Когда перед ним появилось все необходимое, он обмакнул острый кончик пера в чернила и быстро заскреб по пергаменту. В почти идеальной тишине звук этот казался шелестом сухих листьев, потревоженных граблями. Когда Велфорд закончил, перед ним покоились несколько листов, исписанных мелкой и аккуратной вязью.

– Это для тебя, – Утес пододвинул к Патрику результаты своих трудов. Все, кроме последнего. – Когда будешь читать, делай это внимательно и не спеша. А вот это для Лестера. Найди его. Срочно. Есть работа. Наш дурень нашел себе новое развлечение, а расстраивать его пока рано. В письме все в подробностях. И еще... наведи справки о некоем Бенедикте Лемаре – в прошлом то ли зодчий, то ли плотник... хрен поймешь, в общем. К вечеру мне нужен результат. Хоть какой-нибудь.

– Ты в своем репертуаре, Утес, – Патрик устало вздохнул. – Эй, Скряга, растолкай Болтуна. Чтоб через десять минут был тут.

Велфорд удовлетворенно кивнул и покосился на пустой стакан.

– Понял, – корчмарь потянулся к бутылке. – Сейчас повторим.

Утес просидел в Логове чуть меньше часа, смакуя заморский ром, после чего спешно покинул Улей. Несмотря на вонь, беззаконие и просто умопомрачительные пейзажи, он любил этот район. Велфорд был частью его, одним из многочисленных звеньев. Только здесь он чувствовал себя свободным. Только здесь ему не требовалось носить маску слабоумного амбала, слепо следующего за хозяином. Только здесь он становился самим собой.

Велфорд Моллин попал в Денпорт еще мальчишкой вместе с заезжей цирковой труппой. Уже в детстве он отличался крепким телосложением и недюжинной силой, а потому частенько тягал тяжести и участвовал в простеньких сценках. Но все это было до визита в Шоров удел. Кто же знал, что местная шпана не оценит представление по достоинству? Зато эти уроды долго смеялись, глядя на догорающие шатры, насилуя и убивая. Велфорд не помнил те времена, но старики поговаривали, что развлечение и впрямь выдалось знатное.

Он оказался на улице, и Улей с распростертыми объятиями принял в свои ряды еще одного бездомного. Впрочем, Моллин не жаловался. Он вообще не любил жаловаться, предпочитая терпеть и тянуть свою лямку, сжав зубы.

Потом Велфорда прибрала Арена. С его комплекцией это оказалось делом времени. Никто из этих полудохлых бойцов не мог тягаться с Утесом из Улья, вышибающим из человека

дух парой ударов. Молчаливый и твердый, как камень, в конце концов он попал в личную охрану Магнуса. Естественно, ведь советник забирал самых лучших, окружая себя непробиваемой стеной мышц.

Как его стали принимать за идиота, Велфорд тоже не помнил, но старательно поддерживал этот образ. Идиот никогда не разочарует, с идиота никакого спроса, и Моллин терпел, слушал и ждал своего часа. По большому счету это оказалось не так уж и сложно. Немного актерской игры, везения... и все. Бойцам Арены частенько доставалось по голове, ничего удивительного. Ну а Улей... что ж, Улей бережно хранил тайны своих жителей.

5.

– Коул, открывай! Живо! – от стука деревянную дверь едва не сорвало с петель.

В доме что-то хлопнуло, послышался приглушенный звон и ругань.

– Коул! – Велфорд прислушался. – Не смей убежать.

Еще секунда, и он бы вышиб преграду, но с той стороны донеслось тихое шарканье. Щелкнул замок, и покореженные петли взвыли, словно стая раненых волков. В проходе показалась взъерошенная голова тщедушного мужичка, болезненно бледного и до смерти перепуганного.

– Я... я уже... говорил...

– Хватит блеять! – Велфорд потянул приоткрытую дверь и, мимоходом сорвав цепочку, ввалился в прихожую. – Дома есть кто?

Человечек сжался и отчаянно замотал головой. Тонкая кожа, красные глаза, глубокие мешки под ними – в сравнении с мускулистым гостем он казался больным карликом.

– Не ври мне, – бросил через плечо Велфорд, заходя в гостиную.

– Я же говорил сэру Лирою, что отдам долг через десять дней, – Коул семенил следом за гостем. – Чего вам еще надо?

– Точно никого нет? А где жена с сыном?

– Я их отослал, – чересчур быстро отозвался мужичок. – У родственников они.

– Отослал? – Велфорд хмыкнул. – Ну-ну...

Проходя мимо одного из кухонных окон, он углядел на полу пару щепоток земли и крохотный глиняный черепок. Распахнув ставни, Утес высунулся по пояс, пристально осматривая переулок. Пусто и тихо, как он и ожидал. Зато за реакцией Коула он наблюдал с удовольствием. Несчастный купец выглядел так, будто взвалил на себя десять мешков картошки и внезапно получил промеж ног лопатой. Велфорду даже стало жаль этого бедолагу, но жалость, как и все остальное, он мог перетерпеть.

– Убежал, значит? – заключил охранник советника. – Понятно.

Жены и вправду не было дома. Словно бойцовый пес,

Гретта бросалась на любого врага, пуская в ход отборные проклятия, тумачи и оплеухи. Вылезти из окна ей бы не позволила комплекция бегемота, так что оставался мальчишка.

– И что теперь? – Коул сник и плюхнулся на стул у кухонного стола. – Бить будете?

– А стоит? – Велфорд устроился рядом и пристально посмотрел на купца.

– Но... – мужичок в отчаянии развел руками. – У меня и вправду нет денег... таких больших денег, – поправился он, поймав на себе уничтожающий взгляд гостя. – Если я отдам все, то завтра умру от голода! Моя лавка не окупает этих бесконечных поборов и...

– А кто сказал, что мне нужны твои деньги?

– Но... – Коул заморгал. Невысказанные слова застряли в горле.

– Да не собираюсь я тебя убивать, – раздраженно бросил Утес и откинулся на спинку стула так резко, что та недовольно затрещала.

– Тогда я не понимаю, – Коул склонил голову набок и нахмурился. – Раньше вы казались мне...

– Тупым? – перебил его Велфорд.

– Нет! – купец замотал головой. – Я не это хотел сказать!

– Хватит! Я прекрасно знаю, что ты хотел сказать. Как любит говорить наш общий друг: «Знать – это моя профессия».

Коул молчал. Сбитый с толку, он явно не понимал, чего от него хочет пес Магнуса. Гнетущая тишина затягива-

лась. Велфорд видел, как некомфортно чувствует себя купец. Страх в сочетании с удивлением, замешательством и неопределенностью мог выбить почву из-под ног любого человека. Выждав еще немного для пушшего эффекта, Моллин прервал молчание.

– Я могу простить тебе долг, – Утес снова замолчал, с удовлетворением наблюдая, как округляются глаза Коула.

– Вы? Простить мне долг? Его долг? – нервный смешок. – Простите, но я не поверю, что такое возможно.

– А стоило бы, – без тени усмешки отозвался Велфорд и принялся загибать свои мясистые пальцы. – Простить долг, обеспечить свободную и, если нужно, честную торговлю в любом районе города, лояльные пошлины, реальную защиту.

– Звучит сладко, – Коул прищурился и наклонился к собеседнику. Голос его все еще полнился недоверием, но толика интереса и шепотка надежды все же не ускользнули от острого слуха Велфорда. – Так сладко, что даже мерзко. С чего бы сэру Лирою забывать о моих деньгах и терпеть новые условия? Либо это – какая-то хитроумная и бессмысленная проверка, либо вы пытаетесь присвоить часть его дел себе, что само по себе – безумие.

– Думай шире, Коул, – отозвался Утес. – Гораздо шире.

Купец замолчал. Замолчал надолго, время от времени с сомнением поглядывая на гостя. Извилины его явно работали на пределе, и Велфорд мог поклясться, что пару раз слышал их натужный скрежет. Тем не менее он не мешал, предо-

ставив Коулу возможность самому сделать выводы из сказанного. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем торговец вышел из задумчивости, и первой его реакцией стал хохот.

– Уж не хотите ли вы сказать, что... – не переставая пискляво смеяться, Коул подошел к буфету, стянул с полки початую бутылку красного вина и пару стаканов. – Судья всемогущий, если я правильно вас понял... – очередной приступ веселья снова оборвал его фразу. – Извините... в такое сложно поверить без пары глотков крепленого, и...

Внезапный стук в дверь мгновенно стер ухмылку с его порозовевшего лица.

6.

От неожиданности вздрогнули оба. Бутылка вина выскользнула из потных рук Коула и, тихо цокнув о деревянный пол, закатилась под шкаф с посудой. Конечно, торговец нервничал, только дурак не заметил бы этого, но лишь сейчас Велфорд осознал, что и сам не в лучшей форме. Сильный, бесстрашный и решительный, он никак не ожидал увидеть трясущиеся руки... собственные руки. Долгие годы ожиданий, вынашивание планов... кто бы мог подумать, что обычный стук сможет пошатнуть бастион его железной воли?

Простой головорез, уличное отребье... куда ему тягаться с одним из самых могущественных... хотя нет, самым мо-

гущественным человеком Шорова удела? Велфорд перехватил контроль над Ульем задолго до прибытия нового лорда, и это стоило ему колоссального труда. Однако вся остальная часть города... самая сильная его часть все еще оставалась за советником. С нарастающей тревогой Велфорд ощутил, как тает его решимость. Возможно, роль туповатого охранника и посыльного – не такая уж и плохая перспектива?

Утес потрянул головой, пытаясь отогнать минутную слабость, и тут же оказался на ногах. Острие его чудовищного кинжала вжалось в кадык Коула.

– Что ты наплел своему пацану? Кого он привел? – прошипел он прямо в ухо торговца, умело маскируя замешательство под ярость.

– Я... я... я... – голос купца осип, и без того неприглядное лицо перекосила гримаса ужаса.

– Говори! – зашипел Велфорд и слегка надавил на рукоять.

– Это из Городского сыска... – выдавил Коул. – Иворн. Почти наверняка. Я с ним...

– Проклятье. Только его здесь не хватало, – Утес опустил клинок, но тут же ухватил купца за цыплячью шею, сжав пальцы достаточно сильно, чтобы тот беспомощно захрипел.

– Можешь позвать на помощь, – прошептал Велфорд, – но тогда я тебе не завидую. А можешь прислушаться к моей байке и получить шанс на спокойную жизнь. Выбирай.

В дверь снова постучали, на этот раз настойчиво и грубо.

– Эй, Коул! Ты в порядке? – донеслось с улицы. – Ко-оул!

Они одновременно обернулись на голос: купец – с проблеском надежды во взгляде, Велфорд – морщась, как от вкуса прогорклого масла. Все-таки Иворн Хонна! Иворн, мать его, Хонна.

– Надеюсь, ты сделаешь верный выбор, – Велфорд толкнул Коула в сторону входа, да так сильно, что тот едва удержался на ногах.

Пока хозяин собирался с духом, Утес пристроился рядом, кольнув того в тощий бок острием кинжала. Коул дернулся, сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоить нервы, и выразительно уставился на гостя. Взор его красноречиво требовал убрать железяку подальше и стоять тихо. Взъерошив волосы, купец потянул ручку.

7.

– Коул? – Велфорд явственно представил физиономию главы Городского сыска: хмурый взгляд, одна бровь недоверчиво приподнята. – У тебя все нормально? Твой паренек...

– Вполне, – торговец непринужденно зевнул, и Велфорд невольно удивился, насколько небрежно и естественно это вышло. – Я дремал, когда стали ломиться в дверь. Спросонок мне показалось, что это люди Магнуса, ну, я и того... перепугался малость. Все кончилось, едва Пит убежал. Я вы-

шел на крыльцо, но никого не увидел. Так что... – он коротко пожал плечами, – извини еще раз. Запаниковал. Дела в последнее время совсем неважно идут.

– С чего ты взял, что это люди Магнуса? – в голосе начальника сквозило недоверие. – У тебя с ним опять дела? Он тебе угрожает?

– Да у половины местных с ним дела, – Коул невесело усмехнулся. – Я должен ему немного, но срок еще не подошел. Подумал, что мне хотят об этом напомнить. Слышал, что такое практикуется.

– У тебя точно все нормально? Не возражаешь, если я войду?

И снова Велфорд услышал в голосе Хонны сомнение. Дошный сукин кот! Коул играл хорошо... даже слишком хорошо для купца, учитывая, какие тиски сжимали его яйца. Но последняя просьба на мгновение вывела его из равновесия. Утес ощутил его испуг – едва заметную рябь на воде от упавшего листика. Почти невидимая эмоция, но раз Велфорду удалось ее распознать со спины, то Иворну – тем более.

– В другой раз, – голос торговца звучал устало и даже буднично. Каких усилий ему это стоило, оставалось только гадать. – Я всю ночь не спал, в лавке возился. Вечером заходи, буду рад видеть.

– Уверен? – с нажимом произнес начальник сыска, и Велфорд мог поклясться чем угодно, что тот пытается подать Коулу какой-то знак.

Утес тут же подобрался, прикидывая, как лучше добратся до Иворна, прикончив мимоходом купца. Он не сомневался, что сможет убить обоих, но не хотел подставлять собственную шкуру. Шрамы, как он неоднократно убеждался, имеют свойство болеть и долго затягиваться...

– Конечно, уверен, – снисходительный смешок. – Заходи вечером, откроем бутылочку шэмского белого. Буду извиняться за беспокойство.

– Никакого беспокойства, – голос Иворна неожиданно стал отстраненным. – Если что – ты знаешь, где меня искать.

Коул махнул рукой на прощание, захлопнул дверь, привалился спиной к стене и, словно разом растеряв все силы, медленно сполз на пол. Страх, отчаяние, усталость, граничащая с истощением – буря эмоций сломала тонкую маску спокойствия.

Велфорд схватил купца за воротник халата и без особых усилий снова поставил на ноги.

– Ты подавал ему знаки? Ты хоть как-то выдал меня?!

Коул безразлично посмотрел на кончик кинжала у своего живота и перевел взгляд на гостя. Из красных глаз хлынули слезы.

– Пошел ты, пес! Ни хера я ему не подавал! Убери лапы!

Торговец зло отпихнул гостя и, зацепившись полами халата за лезвие, неуверенной походкой побрел в сторону кухни. Когда Велфорд, поборов замешательство, нагнал хозяйна, тот уже наполнял стакан темным, словно кровь, и аро-

матным вином.

Наблюдая, как Коул жадно пьет, Утес подошел к столу, молча плеснул себе и сел. Наступила хрупкая тишина, нарушаемая всхлипами и звуком судорожных глотков.

– Он понял, – задумчиво произнес Велфорд, пригубив напиток.

– Еще бы он не понял! – оторвавшись от стакана, купец горько усмехнулся. Его грудь тяжело и часто вздымалась, как после долгой пробежки. – Ну давай, пес, говори, зачем пришел... ну или делай, что хотел. Терять мне все равно уже нечего.

– Не называй меня так, – Велфорд поднял кинжал, нацелив острие точно промеж глаз Коула. Впрочем, в жесте этом не таилась угроза, скорее, предупреждение.

Торговец на это только отмахнулся, как обычно отмахиваются от назойливой мухи, и снова налил себе до краев.

– Я предлагаю тебе сотрудничество. Пока ты снова не встанешь на ноги, никаких сборов, а когда все наладится – они будут настолько мизерными, что ты и не заметишь. Мое покровительство, свободная торговля...

– И списание долгов, – подхватил Коул. – Все это пахнет безумием, но я все равно послушаю.

От выпитого щеки купца порозовели, взгляд перестал метаться из стороны в сторону, глаза заблестели, а тело расслабленно обмякло на жестком стуле.

– Мне нужен надежный партнер. Денпорт не за что лю-

бить, – Велфорд стукнул пальцем по столу, отчего посуда на нем, подпрыгнув, испуганно брякнула, – но это мой город. Меня тошнит от того, что делают с ним придурок-лорденыш и его упертый советник.

– Значит, я все-таки правильно понял... – Коул потрясенно покачал головой и залпом осушил третий стакан.

– Магнус Лирой засиделся на своем троне, – подтвердил Велфорд, – и сейчас у меня достаточно сил с почестями отправить его на покой.

– Убить? – Коул поднял бровь.

– Хотелось бы, чтобы все прошло элегантнее, – Утес покачал головой, – но если не будет другого выбора...

– Элегантнее... – купец прыснул. – Еще пару часов назад я и не думал, что смогу услышать нечто подобное от вас.

– От тебя, – Велфорд протянул руку.

Несколько длинных мгновений Коул взирал на раскрытую ладонь гостя, напоминающую гигантского пятиногого спрута, а потом, шумно выдохнув, вложил в нее свою.

– Вот и отлично, – губы Велфорда расплылись в улыбке... которая внезапно стала хищной. Пальцы тисками сомкнулись на запястье Коула, и тот, тихо пискнув, попытался вырваться. – Хотя, если подумать... ты в любой момент можешь наведаться к Магнусу и в красках пересказать детали нашей встречи. Есть вероятность, что он тоже спишет тебе долг... м?

Хватка ослабла, и купец обиженно отдернул руку, расти-

рая красный след на коже.

– Этого не будет, – с вызовом бросил он. – Если Коул Монк ударил по рукам, то назад не пойдет. Мое слово твердое.

– Рад слышать, – Велфорд кивнул. – А теперь, Коул Монк, собирай манатки, хватай семью и вали из города.

– Чего?

– Или ты думаешь, что я единственный, кого Магнус может послать за деньгами?

– Ну да, ну да... – угрюмо пробурчал торговец и невидящим взором уставился в зашторенное окно.

8.

Велфорд просидел у купца до самого вечера. Выглядывать из окна он не решился, но все равно был уверен, что Иворн следит за домом. Оставалось дожидаться темноты и незаметно улизнуть через окно, хотя с его комплекцией незаметно улизнуть – та еще задачка.

Действовать Моллина подтолкнуло событие, которого он никак не ожидал... по крайней мере, не сегодня. Сначала до него донесся неопределенный гам. Далекый и неразборчивый, с каждой минутой он становился громче и яростнее. Призывы, кричалки, ругань... сотни возгласов сливались со звоном бьющегося стекла, грохотом, плачем и отчаянными воплями.

Велфорд до хруста в суставах сжал кулаки, аккуратно выглядывая в щель между штор, когда по улице прошла первая группа протестующих. С факелами, вилами и топорами, они походили на карателей ведьм, нежели на обычных трудяг Тихого Города.

Охранник знал о планах своего босса учинить беспорядки, но надеялся, что до этого не дойдет. И теперь, проводив взглядом еще несколько разрозненных компаний, он ни на секунду не усомнился, чьих рук это дело. Самых активных и крикливых Велфорд знал слишком хорошо, чтобы списать все на простую случайность. Парни добросовестно отработывали хлеб, призывая громить магазины, мастерские и дома зажиточных горожан. Уже скоро факелы полетят в чьи-то окна, вилы вонзятся в чьи-то животы, а топоры пробьют чьи-то черепа. К ночи город наверняка окунется в хаос, и что из этого выйдет – остается только гадать.

Улучив момент, когда мимо проходила особенно большая группа недовольных, Велфорд вылез в окно и постарался слиться с толпой. Как он ни старался, но так и не смог рассмотреть знакомую фигуру в царящей суматохе или хотя бы ощутить присутствие соглядата, что огорчало и давало надежду одновременно.

Поток нес Моллина в сторону Базарной площади, но Велфорд свернул в ближайший узкий переулок по дороге. Не веря в чудеса, он больше часа плутал по Денпорту, пытаясь избавиться от возможной слезки.

Новая проблема требовала немедленного решения, и Велфорд снова подумал об убийстве. Судья свидетель, как часто он оставался наедине с Магнусом. Незаметно достать кинжал и полоснуть по дряблой шее – что может быть проще? Избавиться от советника Велфорд мог в любой момент, что верно, то верно, однако план этот не сулил ничего, кроме смуты, к которой он готовился последние годы. Слишком уж велико было желание избежать ненужного кровопролития.

9.

Улей меж тем продолжал жить своей жизнью. Наверняка многие из его жителей принимали участие в погромах, грабежах и разбое, но внутри все оставалось по-старому. Перейдя через Тайпан, Велфорд наконец смог немного расслабиться. Он не был силен в искусстве преследования, но считал, что сделал все и даже чуточку больше, чтобы оторваться от возможной погони. Впрочем, даже если Иворн все еще висел у него на хвосте, вечерний Улей отобьет у него весь охотничий азарт.

Людей в Логове заметно прибавилось. В углу теснилась группа попрошайек – одних из лучших соглядатаев в команде Велфорда. Парочка мелких карманников устроилась в центре, оживленно обсуждая последние события. В дальнем конце зала ковырялся в макаронах Игнациус. Утес редко прибегал к услугам убийцы, но держать при себе такого че-

ловека считал необходимым. На всякий случай.

– Где Лестер?! – вопрос врезался в Патрика тяжелой пощечиной, отчего тот едва не выронил пустую кружку.

Разговоры заметно поутихли, но никто не рискнул пялиться в сторону босса.

– Судья всевидящий... Велфорд! Чего орать-то?

– Лестер, – терпеливо повторил здоровяк, опираясь на стойку.

– Был, – Патрик отрывисто кивнул. – Прочитал твою писульку, долго матерился и ушел. За пиво не заплатил, сказал – с тебя спросить.

– Когда?

– Кажись, через час после тебя заявился. А это на твоего строителя, – на стойку упала тонкая стопка исписанных листов.

– Хорошо, – Велфорд подхватил донесение и двинулся к свободному столу. – Пожрать чего-нибудь сделай!

– Утес! Я так-то тоже прочитал твои распоряжения. Ты уверен, что это хорошая идея? Я имею в виду...

– Просто сделай все так, как я сказал. С остальным я разберусь сам.

Лестер беспокоил его. На улице уже стемнело, а от него до сих пор не пришло ни одной весточки. Велфорд понимал, что на этот раз мог перегнуть палку с поручением. Обычно виртуозному вору не требовалось и пары часов даже на самое сложное задание... но прошло больше... гораздо боль-

ше времени.

Тихо подкрался Патрик и, сунув под нос шефа кусок дымящегося окорока и бутылку рома, торопливо убрался за стойку. Погруженный в свои мысли, Велфорд уткнулся в тарелку, не проронив ни слова. Если бы не бунт, он был бы вполне доволен прожитым днем. План его медленно, но верно претворялся в жизнь, еще один перспективный купец перешел на его сторону. Только бы с Лестером все было в порядке.

10.

Лязгнул металлический засов, и Велфорд встрепенулся. От спиртного клонило в сон, и здоровяк даже не заметил, как задремал. Скрип петель резанул по ушам, и в проходе, похожем на черное квадратное ничто, возникла невысокая фигура.

Человек, сжимая под мышкой холщовую сумку, перепорхнул через порог и осмотрелся. Подтянутый и стройный, он двигался грациозно, но в то же время так естественно, что напоминал искусного гимнаста под куполом цирка. Уж в чем-чем, а в этом Велфорд разбирался.

– Скряга! Ах ты, старая кошелка, закрывай давай, холодает же!

– Вот пошиви с мое, моокосос, посмотрим тогда, как ты сапоешь, – буркнул старик, задвигая засов.

– Куда уж мне, – усмехнулся гость. – Я умру молодым и красивым. Эй, Велфорд, – свободная рука взмыла к потолку в приветственном жесте, – у меня к тебе разговор...

На вид пареньку было не больше двадцати. Угловатые черты лица отчасти скрывала рваная щетина и длинная челка. Живые глаза светились задором.

– Ты сегодня переплюнул самого себя, – юноша уселся напротив Велфорда, закинул ноги на стол и, заправив прядь иссиня-черных волос за ухо, обезоруживающе улыбнулся.

– Завязывай, – Моллин поморщился, глядя на испещренные мелкими дырочками сапоги, и неуловимым движением вздернул их.

Ойкнув, паренек тут же завалился назад вместе с сумкой. По таверне пронесся гогот, но Велфорд даже не улыбнулся. Он молча наблюдал, как Лестер поднимается с пола, бубня проклятия, снова пристраивается на стул и ставит измазанную грязью котомку перед собой.

– Мог бы сразу сказать, что не в духе, – с напускной обидой произнес он.

– Ты долго, – заметил Велфорд и потянулся к сумке. – Были проблемы?

– Проблемы? – Лестер всплеснул руками. – Ты хоть читал свои каракули? Мне много чего приходилось делать в своей жизни, но чтоб такое?! Я рассчитываю на доплату.

– Заткнись, – устало выдохнул Велфорд, заглянул внутрь, и довольная улыбка расплылась по его окрашенному шрама-

ми лицу.

– Даже не спросишь, как все прошло? – усмехнулся Лестер, упиваясь произведенным эффектом.

– Судя по всему, хорошо, хотя, – Велфорд окинул во-
ра пристальным взглядом, – вижу, что не без приключений.
Сам-то как?

– Терпимо, – парнишка стал серьезнее, согнав с губ само-
довольную ухмылку, и посмотрел на свою одежду.

Рабочий костюм, снабженный множеством карманов,
ремней и тайных отделов, уродовали прорехи. Такие же, как
и на сапогах. Ткань как будто растаяла, словно снег от брызг
кипятка.

– Что стряслось? – Велфорд нахмурился.

– Потом расскажу, – отмахнулся Лестер и снова расплыл-
ся в наглой улыбке. – Патрик, сооруди чего-нибудь пожевать,
а? Ты же не хочешь, чтобы твой лучший друг помер от го-
лода?

Со стороны бара донеслось грубое бормотание.

– Завязывай со своими шуточками, – строго произнес
Велфорд и поднялся из-за стола. – Наведаюсь к любимому
боссу. Надеюсь, эта падла еще не спит.

– Осторожнее там, – сквозь маску беззаботного веселья
на лице Лестера проступила тревога. – В городе настоящий
бардак.

– Знаю, – отозвался Велфорд и, подхватив сумку со стола,
добавил: – Составь мне компанию на пару минут.

На улице стемнело окончательно. Высоко в небе виднелись очертания рваных туч, намеченные тусклым отблеском луны. Непроглядный мрак переулка рассеивала только полоса желтого света, который просачивался сквозь приоткрытую дверь тайного убежища.

– Ну? Выкладывай. – Напускная игривость Лестера сменилась вполне явной тревогой. – Что-то серьезное?

– У нас всегда все серьезно, – Велфорд осмотрелся, но темнота не позволяла разглядеть хоть что-то дальше вытянутой руки. – Есть разговор...

Глава 5 – Лекарь

1.

«Улица Длинных Теней, предпоследний дом справа, сегодня вечером». Петрам Масти медленно, почти по слогам перечитал записку и мучительно выдохнул, спрятав лицо в ладонях. Он слышал, как Магнус вышел из кабинета, как захлопнулась входная дверь, но так и не двинулся с места, пока не затекли пальцы.

Лорд Трамм в каком-то смысле сослужил ему хорошую службу. Перекрыв торговлю «звездным шепотом», он вынудил Масти работать не с реагентами, а с больными. За последнее время лекарь изрядно поиздержался, что верно, то верно, ему даже пришлось отказаться от особняка в Торговом квартале. С другой стороны, он наконец заработал авторитет сведущего знахаря, обзавелся обширной клиентурой, которая множилась день ото дня. Он даже подумывал занять место придворного лекаря, только пока не отыскал способа втереться в доверие. Конечно, Петрам все еще выполнял мелкие поручения для Магнуса, но времена, когда он вздрагивал при каждом шорохе и бледнел от вида собственной тени, остались в прошлом. И вот теперь все снова перевернулось. В одно мгновение!

Взгляд Масти скользнул по кожаным кошельам на пере-

вязи, тугим и пузатым. За такие услуги – золото, не иначе. Много золота... неприлично много золота! Только вот если его возьмут за горло, избежать петли не поможет даже сундук монет.

Разминая затекшие пальцы, Петрам поднялся с кресла, подошел к настенной лампе и легонько потянул ее вниз. Раздался тихий щелчок. Прихватив со стола вознаграждение, старик толкнул одну из книжных полок, и та бесшумно провернулась, открывая проход в темноту.

К стенам тайной лаборатории жались стеллажи с реагентами, ядами, вытяжками, настоями и, конечно же, книгами, напоминая витрины престижной лавки алхимика. В центре комнаты необъятным монстром громоздился рабочий стол. Стройные шеренги пробирок, хитросплетение колб, перегонных кубов и спиралей высились на гладкой, идеально вычищенной столешнице. Тщательно натертое стекло поблескивало даже в тусклом свете лампы из соседнего кабинета. Настоящая мечта знатока и гордость владельца.

В последнее время Масти использовал лабораторию только для приготовления лекарств, целебных мазей и прочей, вполне безобидной, ерунды, но теперь... Старик, скрипнув зубами, снял единственную картину и прильнул к дверце сейфа. Петрам любил деньги. Ну а кто их не любил, особенно в это смутное время? Тем не менее, он всегда остерегался лезть в пекло без крайней нужды, но Магнус просто не оставлял ему выбора. С одной стороны он и его громилы, с

другой – ищейки лорда, следящие, казалось, за каждой щепоткой порошка в городе.

Впрочем, универсальное решение всех проблем еще никто не отменял – собрать вещички и удрать из этого клоповника к такой-то матери. Только Петрам так и не смог отважиться на столь решительный шаг. Трусость была его самым главным проклятьем. Именно благодаря ей он отдал этому мерзкому городу свои лучшие годы.

2.

Петрам принимал до раннего вечера. Посетителей было немного, поэтому в перерывах он мысленно возвращался к поручению советника. Ничего не мог с этим поделать. С каждым прожитым часом настроение становилось все хуже, а беспокойство все сильнее сдавливало сердце. Тяжелые думы легли на плечи неподъемным грузом, поэтому суматоху на улице он заметил, только когда увесистый булыжник, в дребезги разбив окно, влетел в прихожую.

От внезапной и совершенно новой проблемы прежние тяготы мгновенно забылись, и Масти встрепенулся, прислушиваясь. Такой далекий и почти незаметный гвалт внезапно стал нестерпимо громким... даже пугающим.

Прихватив любимую трость с тяжелым набалдашником в виде змеиной головы, Петрам прокрался в прихожую и, затаив дыхание, выглянул через пробитое стекло. К его облегче-

нию, подростки, звонко смеясь, уже пробежали мимо, закидывая булыжниками все, что только попадалось им на пути и могло сломаться. И чем больше шума издавала цель, тем громче становился их гогот.

Масти отважился встать в полный рост, только когда хулиганы скрылись из виду, а улица снова погрузилась в напряженную тишину. Стараясь не оцарапать кожу о торчащие в раме осколки, он потянулся к ссохшимся ставням.

– Камни? – бормотал лекарь, мечась от окна к окну. – Что еще за ерунда? Что нашло на этих дикарей? Впервые вижу такое...

И это была чистая правда. Под окнами Петрама частенько случались заварушки. Местный люд выяснял отношения с завидной регулярностью. Зачастую кроваво и неистово. Однако никто из дебоширов ни разу не покушался на собственность местного лекаря, который охотно штопал раненых после шумных перепалок. И теперь такое?

Когда Петрам закончил с окнами, в доме стало мрачно, как в склепе, а после расправы над горящими лампами и свечами – почти темно. Не придумав ничего лучше, он уцепился за тяжелое, как сволочь, кресло гостиной и поволок его ко входу.

«Только это, и хватит», – думал он, хрипя от натуги, но смог остановиться, только когда непроглядная чернота позднего вечера уже не позволяла разглядеть даже собственный нос. К этому моменту на кресле громоздился журнальный

столик, два десятка неподъемных энциклопедий и куча всякого хлама поменьше. Тяжело дыша, Петрам нащупал потертую софу и сел, до боли стиснув любимую трость.

С улицы доносились далекие крики и, как показалось знахарю, отголоски сражения, повергая в трепет. Еще два часа назад он продавал пациенту мазь от геморроя, а теперь забился в угол, словно насмерть перепуганная собачонка. Что могло побудить народ к такому? Прыть лорда Трамма мало у кого снискала поддержку, но чтобы... чтобы что? Бунт? Восстание? Война?

Настойчивый стук в дверь, оборвав мысли, заставил Петрама вскрикнуть. Влажная от пота трость выскользнула из онемевших пальцев и с оглушительным, по мнению лекаря, грохотом замерла у его ног.

3.

– Петрам Масти! – от тяжелых ударов затряслась баррикада.

Лекарь молчал, не в силах выдать ни звука. Он бы наверняка обмочился, не справь перед этим нужду. Лихорадочно пытаясь придумать хоть что-то, он затравленно огляделся, но не увидел ничего, кроме тьмы. Вылезти через окно, переждать до утра в какой-нибудь подворотне... и оставить на растерзание все свое добро?

– Петрам Масти! – бас смешался с грохотом, от которого

старик едва не оглох. – Откройте! – и тише: – Именем ее милости, леди Фелиции Трамм.

В голове знахаря молнией пронесся ворох вопросов. Фелиция прислала за ним? Как она нашла его дом? Впрочем, пораскинув мозгами, Масти и сам смог бы придумать с десятков ответов, учитывая ее тесную связь с Магнусом. Только вот зачем Фелиции понадобился лекарь со стороны, когда есть придворный? И что, если эти люди не те, за кого себя выдают?

– Петрам Масти, если вы дома...

– Да тихо ты! – наконец отозвался знахарь, удивляясь собственному порыву. – Сейчас вся округа сбежится!

– Открывайте, дело срочное, – голос мужчины стал заметно тише, но от того не потерял жесткости.

Надрываясь, Петрам смог сдвинуть свою баррикаду только на четверть шага. Запалив светильник, он подобрал трость, приоткрыл дверь и высунул на улицу свою бородастую физиономию.

Их было пятеро. Крепкие, поджарые, в простой домотканой одежде и с длинными мечами на поясе, они сощурились от яркого света пламени, и... Масти хватило секунды их замешательства, чтобы, не целясь, ткнуть тростью в щель и снова спрятаться в прихожей.

– Сука... – прошипел один из них. – Он мне губу разбил.

– Дед, ты чего? – прошипел другой с нескрываемым удивлением.

Третий ничего не сказал, только со всей силы пнул незапертую дверь. Петрама, который навалился на вход с другой стороны, швырнуло в сторону. Едва не выронив светильник, он упал на колени и в ужасе обернулся. Не теряя времени, молодчики один за другим протискивались в дом, сдвинув завал еще на шаг.

– Пошли вон отсюда! – в отчаянии взвизгнул Масти. – Напасть на безоружного старика... Найдите себе кого-нибудь...

– Да кому ты нужен? – перебил его самый рослый. – Сказано же – мы от леди Фелиции.

– Ну-ну, – зло огрызнулся Петрам с пола. – А по форме и не скажешь.

– Старая нынче не в моде. Хотя, – стражник скользнул взглядом по завалу у двери, – ты, видать, и сам это знаешь.

По комнате пронеслись отрывистые смешки.

– И что ее милости от меня надо?

Петрам поднялся. Он смог-таки успокоиться, насколько может успокоиться беззащитный старик в присутствии пяти незнакомых громил. Однако, если бы его хотели ограбить или, тем более, убить, то не стали бы тратить время на пустые разговоры. Что ж, уже хлеб.

– Ее милость перед нами не отчитывается, – отрезал мужчина. – Нам приказано проводить тебя в Крепость, и ты пойдешь, – последнее слово он произнес с явным нажимом, давая понять, что не потерпит возражений.

Выслужиться перед супругой самого лорда... Масти ед-

ва не присвистнул от возможных перспектив. Он не имел ничего против вечерней прогулки, но только не сейчас. Без острой необходимости он бы не вышел из дома еще три, а то и четыре дня. За это время гарнизон Денпорта наверняка повытаскивает занозы из самых рьяных задниц.

– Дайте хоть сумку собрать, – обреченно произнес он, справедливо рассудив, что по иному поводу за ним бы не стали посылать.

Сверясь со списком самых необходимых снадобий, Петрам внезапно вздрогнул, вспомнив о поручении Магнуса. Проклятый товар! Его следовало забрать сегодня вечером. Однако между самостоятельной прогулкой к демонам на рога и визитом в Крепость в сопровождении пятерых стражников лекарь, не колеблясь, выбрал последнее. Учитывая, что творилось за порогом, это был наиболее безопасный вариант. Ну а товар... товар вполне мог подождать до завтрашнего утра.

4.

На улице оказалось немногим светлее, чем дома. Рваные тучи то и дело заслоняли луну, оставляя на небе только тусклый отблеск холодного сияния. Налетел пронизывающий ветер, и Петрам поежился, кутаясь в бурый плащ. В мирное время он не остерегался бродить по улицам Тихого Города в столь поздний час, но на сей раз даже внушительный конвой

не вселял в него должной уверенности.

Вечер сочился тревогой, как старая рана – гноем. Привычную тишину вспарывали отдаленные крики. Звон и треск, сливаясь в монотонный гам, долетали до лекаря, казалось, со всех сторон. Прекрасная прогулка под луной, ничего не скажешь.

Шли молча. Лишь солдаты изредка перекидывались парой фраз, выбирая безопасный маршрут. Однако, даже пробираясь окольными тропками, им не удалось избежать встреч с хулиганами. Пару раз путники натыкались на вандалов. словно саранча на поле, те безжалостно набрасывались на закрытые лавки, выбивали окна, срывали двери с петель и забирали все, что могли унести. Впрочем, им, как и всем остальным бунтарям, не было никакого дела до шести вооруженных мужчин. Всем, кроме одной компании.

Их окликнули за четыре улицы до Центральной площади. Темные силуэты, напоминающие безликих призраков, появились словно из ниоткуда, перекрыв проход. Петрам попытался их сосчитать, но в темноте не мог разглядеть ничего дальше дюжины шагов.

– Куда это вы собрались? – ехидно спросил один из них.

– А тебе какое дело? – сухо спросил самый рослый.

– Мне-то? – в голосе неизвестного послышалась легкая усмешка. – Просто интересно. К стенам из наших пока никто не лезет. Говорят, опасно там. Вот мы с ребятами и кумекаем, какого рожна вы там забыли?

– Больше опасность – выше прибыль, – солдат хищно оскалился и добавил: – Не собираюсь упускать возможность.

– Как скажешь, – человек поднял руку, сделал неуловимый жест, и силуэты расступились, освобождая путь.

Яйца Масти сжались, когда он, окруженный переодетыми солдатами, попытался пройти мимо бандитов. Животный страх ослаблял ноги, заставлял дрожать пальцы, и лекарь мысленно порадовался, что темнота скрывает его перекосенное лицо. Они почти миновали незнакомцев, когда один из них снова заговорил:

– Вы только скажите, кто вы, на хрен, такие, и на кого работаете?

– С какой стати? – отозвался рослый, не сбавляя шаг.

– Все просто. Мне бы хотелось знать, чьих людей мы сейчас прикончим, – щелчок пальцев прозвучал ударом хлыста, и вокруг солдат беззвучно выросли тени.

Петрам увидел, как отряд потянулся к оружию, и его старое сердце едва не остановилось. Ему даже пришлось ухватиться за чье-то плечо, чтобы не оказаться на земле раньше времени.

– Даже так? – солдат угрюмо хмыкнул.

– Именно так, – темная фигура повела плечами. – Ничего личного. Просто не хочу упускать возможность.

На короткое мгновение воцарилась мертвая тишина, которую не дерзал нарушать даже далекий гвалт – вечный спутник вечера. А потом округа взорвалась какофонией криков.

В уши Петрама врезался оглушительный звон и скрежет металла. Ругань сливалась с воплями боли. Сталь замелькала бликами лунного света на заточенных лезвиях, но Масти не мог ничего разглядеть. Все представлялось мешаниной неразборчивых образов, то сливаясь во что-то гротескное, то распадаясь вновь.

Скованный ужасом, лекарь застыл, пытаясь вдохнуть. Ему довелось побывать в дюжине-другой потасовок, но тогда он был моложе... да и держался на почтительном расстоянии. Сейчас же его засосало в самый центр смерча, а наплечной котомкой с лекарствами от меча не отбиться.

Кто-то схватил Масти за шиворот и потащил прочь. Напуганный до полусмерти, он даже не посмел сопротивляться. В ожидании последнего удара знахарь вдруг ясно представил, как его голова, брызгая кровью, падает на землю и удивленно смотрит на собственные сапоги. Ему даже стало интересно, что он почувствует в последний миг своего существования. Но, к его безграничному удивлению, никто так и не прервал его никчемную жизнь, а звуки боя постепенно становились все тише.

5.

В какой-то момент Петрама обнаружил себя сидящим на мокрой траве у хлипкого забора. Он словно очнулся от тяжелого обморока и никак не мог разобрать, где находится,

осоловело глядя по сторонам. Рядом кто-то копошился, то ли дворовый пес, то ли... Масти смутно припомнил, как его протащили сквозь кусты шиповника, и посмотрел на руки. Из-за шока он даже не чувствовал боли в расцарапанных ладонях. Простая, но добротная одежда превратилась в кучу изодранного тряпья...

– Сюда, скорее, – послышался перепуганный голос.

Петрам вздрогнул и попытался уползти. Если повезет, он сможет вернуться домой и переждать эту кошмарную ночь под родной крышей. Все лучше, чем шататься по кишасим бандитами улицам в поисках новых синяков.

– Куда? – человек устало выдохнул, одним уверенным движением поставил старика на подгибающиеся ноги и развернул к себе.

То был один из солдат. Худошавый и до неприличия молодой, паренек струхнул, как показалось Масти, едва ли не сильнее, чем он сам. Луна, выглянув из-за туч, осветила его полные паники глаза и безволосое, словно колено, лицо.

– Тебя как звать?

– Ходжес, – простонал юнец, увлекая лекаря за собой. – Вы уже пятый раз меня спрашиваете. Тут брошенный дом, можно спрятаться... Аккуратно.

Масти зашипел, когда обломки забора оцарапали ему затылок.

– Ниже голову, – посоветовал солдат, протиснувшись в щель между досок.

В приземистой хибаре нестерпимо смердело дерьмом и тухлятиной. Петрам поморщился, прикрывая нос порванным рукавом. Радовало лишь то, что непроглядный мрак не позволял разглядеть источник зловонья.

– Где остальные? – прошептал старик, чувствуя, как давит невыносимая тишина.

– Мертвы, – Ходжес из всех сил старался сделать голос твердым. Получалось неважно.

– Как? Все четв...

– Ш-ш-ш-ш... – паренек неожиданно увлек Петрама вправо.

В просторной комнате тусклым контуром выделялось окно, все остальное скрывала абсолютная чернота. Лекарь споткнулся обо что-то мягкое и врезался в стену. Его передернуло при мысли о том, за какую дрянь мог зацепиться сапог, но мысли эти выскочили из головы так же быстро, как и возникли. Ходжес снова шикнул, вжал лекаря в угол и, надавив на плечи, заставил сесть. Совсем рядом зашелестел мусор. В звенящей тишине тяжелое дыхание бандита напоминало хриплое уханье рваного кузнечного меха.

Едва различимое движение в проходе чуть не выдавило крик из глотки Петрама, но солдат вовремя зажал ему рот. Секунд через десять движение повторилось, и темнота в дверном проеме как будто бы сделалась не такой густой. Рядом тихо, но протяжно и с явным облегчением выдохнул Ходжес.

– Этих тварей тут нет! – неприятный мужской голос эхом пронесся по брошенному дому.

– Дерьмо! – донеслось с улицы. – А вы чего встали, мудозвоны?

– Так не видно ж ни хера...

– Хлебало закрой и топай! Тут еще три хаты...

Какое-то время Петрам слышал ругань и пререкания, но потом голоса стали глуше, а вскоре и вовсе стихли. Как долго беглецы таились в загаженном углу, лекарь не знал. Казалось, что прошла половина ночи, но на деле минуло едва ли больше часа. Как бы то ни было, когда Ходжес отважился продолжить путь, ноги Петрама затекли так сильно, что казались совершенно чужими. Спина встала колом, поясница ныла от тупой боли. Отчаянно хотелось напиться, а потом до обеда валяться в теплой постели, закутаться в пушистое одеяло и ни о чем не думать.

– Ждите здесь, – едва слышно произнес солдат.

– Постой, я...

– Считайте, – перебил Ходжес. – Если не вернусь через десять минут – уходите.

– Куда?

– Куда угодно. В Крепость вас все равно не пустят без сопровождения.

Паренька поглотила тьма, стоило ему сделать дюжину шагов, и Масти остался один на один с собой. Поначалу он даже послушался своего проводника и принялся старательно

отсчитывать секунды. На какое-то время это нехитрое занятие завладело всеми мыслями, но после пяти сотен ему стало дурно. Петрам размял покалывающие ноги, несколько раз наклонился, оглушительно хрустнув суставами, и попытался снова занять себя счетом... но дальше пятидесяти не продвинулся. Беспокойство сбивало, укореняясь в сердце с каждым ударом.

Тишина расцвела новыми звуками. Шорохи внутри и снаружи, крики ночных птиц, вой сквозняка... все это сливалось в нечто... необъяснимо пугающее. Расслабившиеся было нервы снова натянулись, словно ржавые струны лютни. Что это? Шаги, или орехи падают на гнилую крышу? Зловещий шепот, или шелест пожухлой листвы на ветру?

Петрам снова забился в угол, озираясь. Впрочем, ничего нового он не увидел – темнота сделалась еще плотнее, хотя плотнее, казалось, уже некуда. Взвинченное сердце колотилось почти у самого горла, мешая дышать. Сколько минут прошло? Пять? Пятьдесят?

– Кто здесь!?! – взвизгнул Масти, когда что-то зашевелилось рядом с ним.

Никого, всего лишь его собственная нога.

Дыхание со свистом вырывалось из легких. Накатывал ужас, безжалостный и безотчетный. Дрожащими пальцами Петрам полез в сумку. Нашупав нужный карманчик, он вытащил из него маленькую склянку, торопливо сорвал зубами пробку и присосался к узкому горлышку.

– Ушли. Можно идти.

Сладковатая жидкость встала у лекаря поперек горла. Он попытался закричать, но поперхнулся и зашелся протяжным кашлем, выронив баночку.

– Тише! – зашипел Ходжес. – Ради бога, тише! Они где-то рядом.

Слабость облегчения наполнила Петрама с ног до головы. Пытаясь совладать с приступом удушья, он ухватил солдата за запястье и позволил ему выбирать путь. Слезы катились из его глаз, но, спасибо непроглядной мгле, их никто не заметил.

6.

Минут через пять Масти успокоился, а еще через пять – едва ли не сам вел Ходжеса за собой. Снадобье превратило расшатанные нервы в стальные канаты, и он искренне недоумевал, чего так испугался в той косо́й хибаре. Упорно пробираясь вперед, он то и дело подгонял солдата, который шаг от шага становился только угрюмее. За один проклятый вечер лишиться четверых друзей – тяжелое испытание. Петрам мог понять парня, да только плевать он хотел на него и его чувства. Главное – закончить дело, вернуться домой живым и, желательно – пока действует препарат.

Оставшийся путь они преодолели быстро. Налетчики остались далеко позади, а других не встретилось. Только раз

Масти смог углядеть какую-то фигуру в свете уличного фонаря, да и та поспешила спрятаться в переулке. Подходя к воротам, лекарь вдруг подумал, что их утыкают стрелами еще до того, как они произнесут хоть слово. Но Ходжес высоко поднял руку, сделав какой-то неуловимый жест, и через минуту дубовая створка, поскрипывая, подалась вперед.

Живописные улочки, ярко освещенные коваными лампами, пустовали. Даже находясь под защитой, богатеи опасались лишний раз выходить из дома. Зато, судя по всему, с готовностью обсуждали новую напасть между собой – в каждом втором окне виднелись отблески желтого пламени.

Недра самой Крепости походили на разворошенный термитник. Советники и чиновники рангом пониже согнали с насестов едва ли не всю прислугу, и теперь та с ошалелыми глазами носилась взад-вперед, стараясь угодить разгневанным господам. Петрам опасался излишнего внимания, но какое там! На него никто и не взглянул бы, спусти он даже штаны и навали кучу прямо посреди главного холла.

Миновав с десятков поворотов и преодолев пару винтовых лестниц, Ходжес остановился у массивной двери и выразительно посмотрел на лекаря.

– Вас ожидают, – фраза плевком сорвалась с его дрожащих губ.

Солдат резко развернулся на пятках и зашагал прочь. Петрам чувствовал его гнев. Гнев на Фелицию за столь безрассудный приказ, гнев на него, а самое главное – гнев на себя,

за то, что не смог помочь друзьям.

– Эй, – окликнул Петрам паренька, и тот обернулся. – Их убил не я, и уж тем более не ты. Слышишь? И переться сюда через полгорода – уж точно не моя прихоть!

В душе Масти не осталось ни крупицы сострадания, хотя прежде он бы нашел время посокрушаться о судьбе отряда. Солдат лишь пожал плечами и вялой походкой скрылся за поворотом. Масти проводил Ходжеса безразличным взглядом и забыл о нем едва ли не сразу, как тот пропал из виду.

Минимум эмоций. Кристально чистая голова работала быстро и ясно, хаотичные мысли словно превратились в упорядоченную библиотеку. Подумать только... старик частенько добавлял пять-шесть капель успокоительного в свой чай, но никак не ожидал такого сильного эффекта от банального превышения дозы... и эффект этот его полностью устраивал.

Получив разрешение войти, Петрам толкнул дверь и оказался в кабинете лорда, мрачном и душном. Кресло за письменным столом занимала его молодая супруга, испытующе поглядывая на гостя. Лекарь прокашлялся и подошел ближе.

– Леди Трамм, – учтивый поклон. – Чем могу вам помочь в столь темное время?

– Своим несравненным умением хранить чужие тайны, – в тон отозвалась Фелиция. – Вижу, путь до Крепости получился сложным?

– Рад, что смог угодить вашей милости, – Петрам взглянул на свою одежду и только сейчас понял, в какое чучело

превратился: плащ изодран, борода и кафтан заляпаны кровью, штаны измазаны грязью. – Путь и вправду получился тяжелее, чем я рассчитывал, но... – он едва заметно склонил голову набок и прищурился, – сомневаюсь, что вы позвали меня ради банальных расспросов.

– В пронизательности тебе не откажешь, – Фелиция усмехнулась и поднялась с кресла. – Надеюсь, ты ее не потеряешь по дороге. Иди за мной.

Весь короткий путь от кабинета до личных покоев Масти бессовестно глазел на спутницу. Что ж, лорд Трамм мог по праву назвать себя счастливчиком, раз сумел залезть под юбки такой эффектной особе. Хотя... лекарь задумался. Магнус тоже побывал в ее укромном уголке, и не раз. Кто еще мог похвастаться этим? Чего уж говорить, Петрам и сам ради ночи с ней ведрами хлебал бы ту гадость, которую продавал советнику. Только годы уже не те...

«Да, лорда определенно нельзя назвать счастливчиком», – подумал Масти, едва переступив порог спальни и взглянув на кровать, а вслух произнес:

– Что с ним?

Укрытый одеялом, под полупрозрачным балдахинном лорд казался всего лишь спящим, но ради спящего никто не позовет лекаря.

– Ранен, – Фелиция и Дана стояли чуть в стороне, наблюдая за гостем.

– И раз вы позвали меня, то не хотите, чтобы об этом

кто-то узнал, – заключил Масти, скидывая на пол изодранный плащ. – Значит, придворный лекарь его еще не смотрел. Скверно...

Девушки выразительно переглянулись.

– Реймир вернулся вечером, – заговорила Фелиция, – когда почти стемнело. На него напали. Он потерял сознание, когда я помогала снять с него кольчугу. Вся одежда была в крови. Я не знаю, когда...

– Естественно, вы не знаете, когда это произошло, – нетерпеливо перебил Масти и раскрыл саквояж. – Хотя я почти не сомневаюсь, что рану он получил между пятью и восьмью часами. Примерно в пять начались беспорядки, – Петрам запнулся на мгновение, пытаясь понять, откуда ему известно об этом. Неужели по звукам с улицы, которые он почти не слушал? – А в восемь в это время года темнеет окончательно.

Он не мог припомнить случая, когда еще ему удавалось работать так же собранно и профессионально. Каждое действие быстрое и выверенное, указания девушкам – бесконечный поток четких, рубленых фраз. Никакого простора для споров и возражений.

Убрать варварски наложенную повязку, напоить отваром из семени мака, обработать и зашить порез, перевязать и не забыть про настои, без которых Реймир не поднимется с постели еще неделю.

– Думаю, к утру он придет в себя, – объяснял Масти, когда с работой было покончено, – но его какое-то время лучше

не беспокоить. Рана глубокая, но не опасная. Признаков заражения я не увидел. Проблема в том, что он потерял много крови...

– Нужно, чтобы к завтрашнему утру он уже стоял на ногах, – отрезала Фелиция.

Несмотря на властный тон, Петрам чувствовал ее восхищение, но не посмел даже улыбнуться. Не говоря ни слова, он извлек из сумки еще три пузырька и сделал новые пометки на исписанном листе рекомендаций.

– Должен предупредить, что это не пойдет ему на пользу.

– Мы постараемся не утомить лорда сверх меры, но ситуация чрезвычайная, – леди Трамм сдержанно кивнула, доставая из складок платья кошель с деньгами. – Я распоряджусь выдать вам новую одежду и отвести комнату. Ночь слишком опасна, чтобы возвращаться домой.

– Нет, – спокойно ответил Петрам и сам удивился тому, как легко отказался от щедрого предложения. – Я бы с удовольствием принял ваше приглашение, если бы не дела в городе. Ну а нищий старик – не такая соблазнительная добыча, как богатый лекарь. Рассчитаемся при более удобном случае.

7.

Спокойный, словно море в полный штиль, он пересекал одну улицу за другой, прижимая сумку к груди. Пожары? Да пусть их! Затушат как-нибудь. Бандиты? Да кому он нужен?

И вправду, несколько раз мимо проходили вооруженные головорезы, но только брезгливо косились в сторону скрюченного старикана, жмущегося к стенам дома.

Масти был доволен собой. Ему доверяли больше, чем умику в Крепости, а отказ от денег – прекрасная инвестиция в будущие отношения! Следовало сказать спасибо дорогому советнику за содействие, но теперь не грех и самому потрудиться. Еще шаг, и пост придворного лекаря у него в кармане, ведь каждому нужен человек, на которого можно положиться, особенно в таких делах, как здоровье. И знахарь без колебаний согласился бы стать таким человеком... взамен на щедрое жалование и дом в Крепостном дворе. Петрам плотоядно улыбнулся своим мыслям. Когда предоставится возможность, а возможность обязательно предоставится, сэру Магнусу останется только пойти к такой-то матери со своими просьбами.

Придерживаясь прежнего плана – добраться до дома прежде, чем закончится действие снадобья, Масти торопливо шагал по мостовой. «Улица Длинных Теней, предпоследний дом справа», – услужливо подсказал возбужденный мозг. Завтра с утра, а сейчас – долгожданный отдых.

Действие элексира ослабло на середине пути, выпустив страх на свободу. Сначала он походил на легкий снегопад, потом обрушился свирепой метелью, затем закружил в безжалостном буране, а перед самым домом накрыл смертельной лавиной. Последние шаги Масти преодолел бегом, едва

разбирая дорогу. Он корил себя самыми последними словами за тупость и самонадеянность. А что, если бы на пути ему попались не уличные верзилы, а простые хулиганы, жадные до крови? Что ему стоило остаться в Крепости и не корчить из себя героя? Проклятое снадобье!

Нисколько не сомневаясь, что остаться в живых ему помогло, ни много ни мало, Провидение, Петрам ворвался в дом, едва не сорвав помятую дверь с петель. Он не помнил, как запирает замок, как зашвырнул сумку под шкаф, как двигал неподъемную баррикаду на прежнее место. События эти оставили в памяти лишь едва различимый след, похожий на последнюю струйку дыма от погасшего костра.

Когда страх отступил, Масти обнаружил себя на старой софе, сжимающим трость. Ту самую трость с набалдашником в виде змеиной головы, которой разбил губу одному из солдат... одному из ныне покойных солдат. Или... быть может, ему это просто привиделось? Чувство страха порой прodelывает трюки и похлеще.

Петрам пытался ухватиться за эту сладостную мысль, но ужас – это всего лишь ужас. Он никак не мог изодрать в клочья одежду, изуродовать тело ссадинами и синяками. А кроме того, на смену кристальной чистоте сознания пришла мучительная головная боль, словно накануне он выпил целую бутылку самого дешевого пойла. Лекарь глубоко вздохнул и впелил себе звонкую пощечину, желая удостовериться, что не сходит с ума, и с удивлением учуял новый запах... запах

столь мерзкий и едкий, что перехватило дыхание.

– Не... может... быть...

Трясущимися руками Петрам запалил светильник и бросился в кабинет, из последних сил заставляя шевелиться трясущиеся как студень ноги. Он хорошо знал эту вонь, даже слишком хорошо, но не она пугала старика, а то, что он мог увидеть.

Тайная дверь в лабораторию была открыта, а миазмы сделались столь невыносимыми, что Масти пришлось задержать дыхание. Он заглянул внутрь, увидел, как задрожали испуганные внезапным вторжением тени, и...

– Нет... Этого просто не может быть...

Половина баночек с одного из стеллажей раскатилась по всей комнате, расплескав содержимое. Кислоты, щелочи, растворы солей и прочая дрянь с тихим шипением пузырились, реагируя между собой и с деревянным настилом. Но даже не это оказалось самым страшным!

– Мой стол... – простонал Петрам, глядя на оборудование, часть которого устилала пол лаборатории мелкими осколками.

Глава 6 – Вор

1.

Поправив ляжку заплечной сумки, Лестер постучался и тут же скривился от грубого металлического лязга. Сколько раз он предлагал сменить дверь? Не меньше пары дюжин. И кто к нему прислушался? Только Скрыга, и то потому, что старик постоянно сидел около входа и впускал посетителей. Не удивительно, что он немного глуховат.

Едва дверь отворилась, как в нос Лестеру ударил знакомый запах курительных трав, дешевого алкоголя и пота. Складывалось ощущение, что за долгие годы этот душок успел пропитать каждую трещину и никуда бы не делся даже спустя сотню-другую лет.

– Скрыга, все никак петли не смажешь? – бросил Лестер, переступая порог. – Из самого песок сыпется, так хоть дверь в порядок приведи.

– Пофев ты, Акробат, – прошамкал старик и хитро прищурился. – Тебя бофф ифкав. Фид у него быв – не очень... Шмотри, как бы тебе шамому шмажка не понадобивась.

– Фу, Скрыга, – вор хохотнул, – может, хватит рассказывать про свои фантазии каждому...

– Лестер! – крик Патрика прервал юношу на полуслове. Даже троица каких-то хмурых мужиков, которых вор не смог

разглядеть в полумраке, прервала разговор на пару секунд и покосилась в сторону корчмаря. – Лестер. А ну тащи сюда свой тощий зад. Живо!

– Что ж, – паренек посмотрел на Скрягу и невинно пожал плечами, – может, мне и вправду понадобится баночка медвежьего жира. Скрести за меня пальцы, хотя, я смотрю, они у тебя и так скрючены.

Старик только отмахнулся и снова развалился на своем стуле около входа.

Нацепив на лицо самую широкую улыбку, Лестер подошел к стойке. Патрик всегда рычал, когда он пропадал дольше чем на пару дней, так что вору предстояло выслушать новую порцию нравоучений и упреков. Благо сегодня он вернулся не с пустыми руками.

– Патрик, – начал юноша, – я тебя прошу, давай не будем...

– Что «не будем»? – корчмарь всплеснул руками. – Что «не будем», Лестер? Твои выходки у меня уже поперек горла. Нас все еще не вычислили только благодаря дисциплине. Дисциплине, Лестер! Я обязан знать, чем занята каждая шестеренка этого сложного механизма. Меньше часа назад заходил Утес, спрашивал о тебе, говорил, что есть дело. Серьезное. А я, твою мать, понятия не имею, где тебя носит! Когда ты уже повзрослеешь и начнешь...

Лестер скинул наконец тяжелую сумку с плеча и небрежно водрузил ее на стойку. Внутри что-то лязгнуло и звонко

перекачилось. Патрик замолчал и нахмурился, нервно забарабанив пальцами по дереву.

– Ну и что это такое? – тихо произнес он и уронил на Лестера тяжелый взгляд.

– Причина моего отсутствия, – юноша пожал плечами и скромно улыбнулся.

Этот жест всегда раздражал Патрика. Особенно когда тот ругался. Именно поэтому вор старался пожимать плечами и строить невинную физиономию как можно чаще. Корчмарь, скрипнув зубами, протянул руки к добыче, кончиками пальцев ухватил сумку за дно с таким видом, словно трогал дохлую собаку, и аккуратно вытряхнул содержимое на столешницу.

В свете коптящих ламп заблестели драгоценности. Улов насчитывал пару золотых шкатулок, инкрустированных россыпью блестящих камней, четыре изогнутых кинжала в богато украшенных ножнах, целую гору изысканных гребней, брошек, заколок и прочей мелочовки, а также пять туго набитых кошельков. Патрик откашлялся и притих, поглядывая то на вора, то на кучу добра. Даже Скряга оставил свой бесменный пост и прошаркал к стойке, чтобы поближе взглянуть на улов.

– Я надеюсь, ты спер все это не из одного дома? – управляющий все еще старался играть роль строгого дядюшки, но голосу его явно недоставало твердости.

– Слушай, я что, по-твоему, первый день этим занимаюсь?

Сколько можно про одно и то же?

Лестер почти никогда не обижался на брюзжание Патрика, но когда он или сам Утес сомневались в его мастерстве, злился, как ребенок. Ничего не мог с собой поделывать. За свои неполные девятнадцать лет он провернул больше полусотни дел и ни разу не попался. Ни разу! Так зачем его постоянно пичкать ненужными предосторожностями и советами?

Впрочем, Патрик даже не заметил резкого тона в свой адрес. Из какого-то ящика он уже успел достать увеличительное стекло и теперь самозабвенно копался в добыче, пристально вглядываясь в драгоценные камни и пробуя монеты на зуб.

– Патрик, не мог бы ты отвлечься на минуту и налить мне пива, в конце концов? – буркнул Лестер. – И мне показалось, ты что-то говорил об Утесе?

– Сам налей. Кружки внизу, левую бочку только откупорили, – управляющий наклонился, выудил из-под стойки сложенный вчетверо лист бумаги и, положив его перед вором, снова вернулся к осмотру. – Поручение от него. Здесь все необходимые инструкции.

Пиво и вправду было свежим. Густое и пенное, с насыщенным янтарным цветом и едва уловимой горчинкой. Отхлебнув немного на ходу, Лестер вышел из-за стойки, уселся на место и взглянул на лист бумаги.

– Ну посмотрим, что приготовил наш босс на этот раз.

Вор развернул послание и заскользил взглядом по строй-

ной вязи букв. Прочитав текст, он нахмурился, глотнул пива и снова перечитал послание. На этот раз медленнее, чтобы смысл написанного полностью уложился в его голове. Не помогло.

– Твоя доля.

От неожиданности Лестер вздрогнул и перевел взгляд с письма на Патрика. Тот пододвинул к нему один из кошель, а все остальное бережно складывал обратно в сумку.

– Скажи мне, это шутка, или как? – юноша не глядя поднял кожаный мешочек, распустил завязки и, выудив из него горсть монет, передал его обратно. Все свои деньги он хранил у Патрика, что было гораздо надежнее, чем любой схрон на просторах Улья.

– Ты о чем?

– О задании. И не говори мне, что не читал. Он серьезно хочет, чтобы я проник в особняк Иворна? Сегодня? Без подготовки? Там же наверняка охрана. Такие дела нужно за неделю планировать.

– Ты видел, чтобы Велфорд когда-нибудь шутил? – Патрик отложил сумку в сторону и облокотился на стойку.

Лестер рассмеялся.

– Нет, этого я не видел. Но, послушай, может, он умом тронулся? Эй, люди! – вор повысил голос и повернулся к залу. – Я во всеуслышание заявляю, что Велфорд Моллин окончательно слетел с катушек!

– Да заткнись ты, – раздраженно бросил один из троицы

через плечо. Кажется, то был Резак, один из уличных торговцев «шепотом».

– Ты же сам на каждом шагу говоришь о том, что лучше тебя в Денпорте нет ни одного вора. – уколол Патрик и усмехнулся. – Докажи делом.

– Доказать? Кому доказать? Мне не нужно ничего доказывать, – Лестер ударил кулаком о стойку. – Назови хотя бы одного лучше меня!

– Да легко, – светлые глаза Патрика издевательски блеснули. – Вот, например, Угорь. Вспомни его знаменитый налет на загородное поместье советника Мелона. Или, к примеру, наша красавица Фуксия. Тут и пальцев не хватит...

– Ой, да ладно тебе! – Лестер вскочил со стула. – Они же уже давно...

– Хватит, – тон Патрика внезапно посуровел. – Сядь, успокойся и допей пиво. Ты умный парень. Хватит корчить из себя идиота. Иногда есть время и для шуток, и для дурачества, но сейчас оно вышло. Ты хороший специалист. Действительно хороший, но тебе еще многому нужно учиться.

– Но...

– И прежде всего тебе нужно приструнить свою гордыню. Ни к чему хорошему она тебя не приведет. Выдохни, расслабься. Если Утес сказал сделать это сегодня, значит, так надо. Профессионалы не орут на всю таверну. Они включают голову и стараются найти наилучшее решение. Понял?

– Да понял я, понял, – Лестер обреченно вздохнул, осу-

шил кружку и через минуту добавил: – Мне понадобится хорошая «кошка» и еще кое-что... Сейчас накидаю список.

2.

Список оказался внушительным. Моток туго скрученной веревки, «кошка», два набора отмычек, кинжал, короткий ломик, однозарядный самострел, который проще выкинуть, чем перезарядить на ходу, крохотный фонарь с подвижными створками и с полдюжины всяких склянок с маслами и кислотами.

Снаряжение Лестер надежно приладил к своему рабочему костюму из плотной темно-коричневой кожи. Умельцы Патрика в свое время постарались на славу, снабдив воровскую одежду множеством потайных карманов, лямок и застежек. Вещи прилегали как надо и почти не топорщились под плащом. Разве что «кошка» могла привлечь взгляд внимательного прохожего. Впрочем, прохожих на улице почти не было. А те, что встречались Лестеру, спешили убраться с улицы.

Акробат почувал неладное, едва перебрался через Тайпан. Незримое напряжение витало даже в самых отдаленных переулках Тихого Города и с каждым шагом все сильнее давило на плечи. Он до последнего отказывался верить в худшее, но, добравшись до Торгового квартала, уже не мог отрицать очевидного. Несмотря на глубокие сумерки, Базарная площадь сияла сотней огней. Ярким гигантским факелом пылал

деревянный помост вместе с висельниками. Почти все лавки и дома, которые Лестер видел из своего укрытия, тоже объело жадное пламя.

Бунт приобретал воистину ужасающие масштабы. Вору уже случалось видеть городские беспорядки. Люди выражали недовольство как умели, собираясь в мелкие стайки, выкрикивая лозунги и кидая камни в городскую стражу. Потасовки, как правило, пресекали быстро и кроваво, что на какое-то время отбивало охоту у людей снова высовывать носы из своих нор. Но только не сейчас.

На площадь стеклась едва ли не четверть всего городского населения, но люди все продолжали прибывать. Толпа увлеченно слушала каких-то ораторов, вещающих с косою телеги, и одобрительно гудела после каждой фразы. За ревом огня, свирепствующего в соседнем доме, Лестер не мог слышать слов, да и не хотел.

Неподалеку от догорающего помоста кто-то аккуратно сложил погибших. Среди серой массы изорванных одежд то тут, то там яркими пятнами бросалась в глаза форма гвардейцев – элитного подразделения самого лорда. То, что местные небожители наконец получили по шапке и наверняка готовились дать отпор, было на руку Лестеру. Кто вспомнит о каком-то Городском сыске, глядя на то, как превращается в руины самый прибыльный район Денпорта?

Вечно открытые ворота в Крепостной двор на этот раз оказались запертыми, а на стенах виднелись блестящие шлемы по меньшей мере пары дюжин солдат. Впрочем, Лестер и не рассчитывал попасть внутрь через парадный вход. Вместо этого он, поминутно озираясь, двинулся вдоль укреплений, выискивая подходящее место для подъема.

Старики говорили, что Крепость ни разу не находилась в осаде, а потому о безопасности задумывались разве что давным-давно почившие зодчие. Большинство местной знати старалось вклепить свой дом вплотную к стене – и престижно, и экономия на материалах. На торчащие перед глазами стражников крыши никто не обращал внимания, кроме воров. Да и те, признаться, не горели желанием лезть в недра Крепостного двора. До недавнего времени он слишком хорошо охранялся.

Подобрав, как показалось, самый удачный вариант, Лестер перемахнул через ограду узкого двухэтажного домика и подошел к его боковой стене. Юноша почти не таился. За всю прогулку по Торговому кварталу он не увидел ни одного окна с распахнутыми ставнями, что не могло не радовать. Меньше любопытных глаз.

Растерев руки, Лестер уцепился за водосточную трубу, подтянулся, оттолкнулся от подоконника и без труда вскарабкался на самый верх. Дымоход, за который придерживался Акробат, чтобы не съехать с покато́й крыши, был на па-

ру шагов ниже бойниц, так что пришлось разматывать «кошку». Тихо звякнув, крюк зацепился за край стены, а через пару минут Лестер уже был наверху. Легко и просто. Удивительно, но на полсотни шагов вокруг не нашлось ни одного караульного. Эти придурки стекались к воротам, словно мотыльки к лампе, напрочь забыв об остальной стене. В сгустившемся мраке вор разглядел факел лишь одного солдата, который по каким-то причинам отстал от остальных.

– Меня тут нет. Здесь нет ничего, кроме теней, – прошептал Лестер себе под нос и, пригнувшись, двинулся в сторону ближайшей лестницы.

4.

Акробат ненавидел Крепостной двор. Хорошо освещенные улицы, стража на каждом углу, знакомые друг другу люди – все это невероятно усложняло работу. Однако внезапная смута и сюда внесла свои коррективы. Даже несмотря на высокие стены, местная знать предпочитала отсиживаться дома, а солдаты, судя по всему, нашли занятие поинтереснее, чем слоняться туда и сюда по пустым улицам. По пути вор не встретил ни одной живой души и только перед самым домом Иворна услышал приглушенные голоса.

– ... все ерунда! Нужно высунуть жопу из лужи и врезать по ним как следует. Я так думаю, – донеслось с той стороны высокого забора.

Второй мужчина говорил гораздо тише, и Лестер не слышал слов.

– Вот именно. Просто время теряем! А ты видел их десятников? Довелось мне тут с одним поболтать, ну и урод...

Голоса отдалились, стали совсем неразборчивыми, а через дюжину ударов сердца и вовсе затихли, оставив Лестера наедине с привычными ночными шорохами. Вор тихо выругался и осторожно зашагал вдоль забора. Он прекрасно понимал, что Иворн не оставит свой штаб и дом без присмотра, но в глубине души все же надеялся на это. При других обстоятельствах он бы обошел поместье по широкой дуге и убрался прочь, пока его никто не заметил. К несчастью, забора ему не оставили.

Приметив место, где до ограды почти не доставал свет уличных фонарей, Лестер снова взялся за «кошку». Инструмент не издал почти никакого шума. Металлические крюки лишь едва звякнули о каменную кладку. Тем не менее Лестер выждал немного, вслушиваясь в тишину, и только после этого решил перебраться через ограду, предусмотрительно перевесив «кошку» на другую сторону.

С виду особняк казался пустым. Об этом говорили черные, словно бездонные провалы, окна. Где-то по другую его сторону о чем-то увлеченно спорили охранники. Лестер мысленно поблагодарил их за громкие голоса, из-за которых он мог не опасаться случайной встречи с их обладателями.

Большую часть тесного двора занимал внушительный, по

местным меркам, дом, напоминающий в темноте бесформенное чудище. Пространство вокруг него украсили кривыми аллеями, остроконечными туями, беседкой и парой ротонд. Столбы освещения попадались буквально на каждом шагу, однако фонари на них никто так и не развесил. Только кое-где взор Лестера натыкался на простенькие, не вписывающиеся в местный ансамбль лампы, отбрасывающие во мрак пятна яркого оранжевого света.

Служебный вход в дом был заперт, но внутренний замок оказался на удивление прост и поддался меньше чем за минуту. Механизм тихо щелкнул, и дверь бесшумно открылась, пропуская Лестера. Плавно притворив створку, вор с облегчением выдохнул. Полдела позади. Толика везения, и уже через час-другой он будет попивать любимое пиво в Логове, превращая рядовую кражу в красивую байку.

5.

Штаб Городского сыска встретил Лестера звенящей тишиной. Он не скрипел и не стонал от ветра, подобно старым домам, оставив отголоски бесед охраны и прочие звуки улицы по ту сторону дверей. Акробату докучало только сверхъестественное эхо. Шум от всякого неаккуратного движения, будь то шлепок неуклюжего шага или скрип задетого стула, разносился едва ли не по всем коридорам.

Просторный зал утонул в темноте, сквозь которую вор

смог разглядеть лишь длинный стол и очертания массивной люстры под потолком. К счастью, Велфорд подробно описал путь к нужной комнате, так что Лестер смог добраться до нее практически на ощупь и даже умудрился не задеть ничего хрупкого.

Едва вор переступил порог кабинета, как нос его тут же учуял застоявшийся запах пота, смешанного с терпким ароматом табака и мужского парфюма. Шаря перед собой обеими руками, он медленно добрался до окон и аккуратно задернул плотные шторы. Только после этого Лестер решился воспользоваться своей миниатюрной лампой и осторожно запалил тоненький фитилек.

Тьма испуганно отпрянула в стороны, обнажив аскетичную обстановку комнаты, единственным украшением которой являлся резной письменный стол. Кроме него в кабинете нашлась небольшая тумба, уставленная бутылками с алкоголем. Неподалеку от входа расположилась узкая кушетка, которую, как предполагал вор, Иворн использовал чаще, чем кровать в собственной спальне. Напротив стола чернел забитый золой очаг, а прямо за ним выстроилась шеренга книжных стеллажей, забитых всевозможными письмами, рапортами и отчетами.

В поисках диадемы Лестер обшарил каждый шкаф, каждую полку и каждый закоулок кабинета, коих, впрочем, насчитывалось совсем немного. Результат оказался вполне ожидаем, но вор был обязан проверить все укромные угол-

ки комнаты, прежде чем приступить к поискам тайного хода. Впрочем, тут тоже не обошлось без проблем. Лестер чуть ли не на брюхе пропахал весь кабинет, выискивая скрытый механизм, но раз за разом оставался ни с чем. Книжные муляжи, замаскированные кнопки, нажимные плиты, скрытые рычаги... Ничего. Одно сплошное ничего!

В своем послании Велфорд точно описал, с какой стороны должен скрываться проход. Но даже с этим знанием Лестер мало того что не смог найти отпирающий механизм, он попросту не разглядел саму дверь. За свою не слишком уж и длинную карьеру он успел вскрыть пару-другую тайников, и каждый из них выдавала хоть какая-то мелочь. Но только не этот, если предположить, что он вообще существовал. Ни царапин на полу, ни потертостей и сколов между стеллажами. Даже на стук задняя стенка полка казалась одинаковой, хотя следовало признать, стучал он негромко.

Если бы не лампа, Лестер уже бы давно потерял счет времени. Масла в ней хватало всего на четверть часа, а резервуар пришлось наполнять аж два раза. Колоссальный срок, за который опытный вор мог без труда стащить из дома все, что представляло хоть какую-то ценность.

– Я сделал все что мог, Утес, – вымучено прошептал Лестер и уселся за рабочий стол Иворна. – Похоже, ваш информатор чего-то напутал...

Подумывая о том, не стащить ли ему что-нибудь на память, Лестер услышал громкий хлопок парадной двери, раз-

несшийся по всему особняку. Еще не до конца осознав, что происходит, он рефлекторно задул пламя и юркнул под стол. Коридоры наполнило звонкое эхо шагов, похожее на непрерывные громовые раскаты.

– Ты как, не передумал? – произнес уже знакомый голос.

– Не. Унюхает ведь.

– Ну унюхает... подумаешь. Мы же так, для согрева только...

Стук сапог становился все громче, пока не замер у самых дверей кабинета. Чуть скрипнув, отворилась дверь, и в комнату ворвался яркий свет фонаря, отбросив на стены ломаные тени.

– Давай без меня. Я пока второй этаж обойду.

– Ну как знаешь, – голос охранника был сильным и грубым, словно тот подхватил простуду. – А я, пожалуй, угощусь.

Звякнул хрусталь, и Лестер услышал, как наполняется один из стаканов.

– Как говорится, почувствуй себя хозяином жизни, – довольно изрек охранник и, отхлебнув немного, вышел из комнаты.

Акробат просидел под столом до тех пор, пока оба стражника снова не оказались на улице. Кража успела отнять непоправимое количество времени, отчего вор начинал нервничать. Усталость уже давала о себе знать, а значит, риск совершить ошибку, пусть даже пустяковую, возрастал с каждой минутой.

– Все, с меня хватит.

Вор попытался выбраться из-под стола, но что-то надежно ухватило его за шиворот. Почувствовав, как застежка плаща впилась в шею, он на мгновение поддался панике. Неужели его все-таки поймали? Неужели нашли? Хотелось рвануться вперед изо всех сил, высвободиться из цепких объятий. Вместо этого Лестер сделал глубокий вздох, пытаясь уговорить воображение, и поддался назад, запустив руку за спину. Пальцы его немедленно нащупали крохотный штырь, больше всего напоминавший кончик тупого гвоздя. Не совсем понимая, каким образом столяр допустил столь грубый дефект в столь дорогом изделии, Лестер снова распалил лампу, осветил вверх и замер.

– Да ладно... серьезно?

На тыльной стороне столешницы, неподалеку от ящичков, виднелся миниатюрный, совершенно неприметный рычажок. Медленно, словно боясь спугнуть удачу, Лестер протянул к нему дрожащие пальцы и осторожно придавил. В мертвой тишине было отчетливо слышно, как механизм передает усилие по ножке стола, под паркетом и... В абсолютной тишине щелчок скрытого замка показался Лестеру оглушающим хлопком у самого уха. Ему понадобилось не меньше дюжины секунд, чтобы осознать, насколько тихим в действительности был этот звук.

Выбравшись из-под стола, вор тут же метнулся к книжным полкам и едва ли не сразу наткнулся на деревянную сек-

цию, подозрительно утопленную в стену на пару пальцев. Потайная дверь беззвучно отплыла в сторону лишь от легкого толчка, и Лестер невольно восхитился талантом инженера. Еще несколько минут назад он прощупал и простучал каждый стык и каждую щель, но не нашел даже намека на лаз, хотя считал свой глаз достаточно наметанным.

Сразу за дверью Акробат обнаружил лестницу, круто уводящую вниз. Карманный светильник едва справлялся с абсолютной темнотой, так что Лестер с трудом различал окончание спуска. Лезть вниз отчего-то совсем не хотелось, и он совершенно не понимал почему. В этом месте не было ничего особенного. Простой подвал со спертым, застоявшимся воздухом, в глубине которого Иворн наверняка устроил нечто вроде склада особо ценных вещей.

– Это просто комната... Всего лишь еще одна комната, – прошептал вор и, сглотив, сделал первый неуверенный шаг.

Ничего не произошло, да и не могло произойти. Однако узкий и темный проход внезапно напомнил вору раскрытую пасть хищного зверя, который готовился сомкнуть челюсти, едва жертва зайдет чуть дальше. Впрочем, вторая ступень далась легче. Третья – совсем просто, а в самом конце пролета Лестер проклинал себя самыми последними словами за еще одну бездумную трату драгоценного времени. Подвал, как он и предполагал, оказался чем-то вроде хранилища, под завязку забитого пыльными документами, коробками, ящиками и мешками.

Слева от входа жалась к стене оружейная стойка, на которой в теплом свете лампы поблескивала пара коротких мечей. Добрую половину коморки занимал старый стол, заваленный измятыми бумагами и записными книжками. Лестер поднял фонарь над головой и осмотрелся.

На первый взгляд казалось, что осмотреть весь особняк у него бы вышло быстрее, чем найти дорогую побрякушку в этом бардаке. Неожиданно захотелось чихнуть, и вор тут же зажал нос пальцами. Мысль о том, что ему придется ковыряться в этих завалах хлама, вдыхая пыль, угнетала. Однако он не позволил себе колебаться дольше пары ударов сердца.

Вор поставил светильник на край стола и погрузился в поиски, словно ловец жемчуга – в море. К его удивлению, процесс занял не так уж и много времени. Уже через пять минут Лестер обнаружил несколько аккуратных ящичков, наполненных как дорогими украшениями, так и дешевой бижутерией. Под описание Велфорда подходили сразу три диадемы, а потому, решив действовать наверняка, вор попросту переложил в заплечную сумку все, что смог найти. Перебирать улов у него не было ни времени, ни желания.

Пламя светильника внезапно задрожало и сжалось. Стало заметно темнее.

– Да твою ж мать...

Лестер закинул туго набитую сумку на плечо и достал из нагрудного кармана последнюю склянку с маслом. Заполнив резервуар фонаря, он поспешил к лестнице, на ходу пыта-

ьясь спрятать пустой пузырек в карман и прикрыть створки светильника. Потайная полка отползла в сторону так же беззвучно, как и в прошлый раз. На стены кабинета брызнул тусклый оранжевый свет, заплясали разбуженные тени, звякнул хрусталь... Акробат застыл. Ругательство едва не сорвалось с его губ. Прямо напротив него стоял один из охранников с пустым стаканом в руках.

И тот, и другой воззрились друг на друга, не смея двигаться с места, словно каменные изваяния. В свете фонаря Лестер без труда разглядел, как испуг стражника сменяется удивлением, удивление – замешательством, а замешательство – гневом. Губы его дрогнули, свободная рука потянулась к ножнам. Он хотел позвать напарника, но Лестер не дал ему такой возможности. Поборов оцепенение, вор запустил в солдата свою верную лампу и бросился в окно.

Краем глаза он успел заметить, как та пролетает в каких-то пальцах от щеки охранника и врезается в стену. Яркая вспышка затопила комнату, а потом мир наполнился оглушительным звоном. Лестер проломил стекло, почти не встретив сопротивления, и тут же влетел в самшитовые кусты.

– Эй, что там происходит?

Второй охранник выбежал из-за угла едва ли не сразу, словно готовился к этому всю последнюю неделю. В слабом уличном свете Лестер смог рассмотреть только темный силуэт, но и этого было довольно, чтобы понять, насколько его

обладатель могуч. Подхватив с земли сумку с добром, вор машинально затянул завязки и бросился бежать. Он надеялся, что огонь в кабинете задержит погоню на какое-то время. К несчастью, масла в залитом доверху резервуаре вряд ли хватило бы на что-то серьезное.

– Стой, выродок!

С перепугу показалось, что крик раздался прямо за спиной, и Лестер припустил еще быстрее, стараясь не налететь на скамью, куст или еще какую дрянь вдоль тропинок. На улице было не в пример светлее, но даже привыкшие к темноте глаза Лестера с трудом различали очертания декоративных самшитов и туй, проносящихся мимо. Однако не в пример сложнее оказалось найти то самое место, у которого его дожидалась «кошка». Как оказалось, он не запомнил ни одного ориентира, а разглядеть тонкую веревку в ночи, да еще и на бегу, не было ни единой возможности.

Лестер понял, что облажался, когда внезапно выбежал к парадному входу, ярко освещенному двумя массивными фонарями. Инстинктивно набросив капюшон на голову, он кинулся обратно и едва не напоролся на сталь. Меч охранника просвистел у самого уха, чиркнув острием о грубую ткань плаща. Лестер даже успел заметить тусклый блик на полированном лезвии.

– Замри, падла! Просто замри...

Одним выверенным движением Акробат отстегнул от пояса самострел и навел его на мужчину.

– Назад, – произнес он как можно жестче и попятился.

– Завязывай с этим дерьмом, малый.

В голосе человека не слышалось ни страха, ни безудержного гнева, только спокойствие и холодный расчет. Однако при виде оружия он все же сбавил напор, повернулся боком к противнику и медленно, словно волк на охоте, направился за добычей.

Следовало выстрелить. Один точно пущенный болт выиграл бы для Лестера достаточно времени. Кто будет разбираться в убийстве во время банального ограбления, когда за воротами творится настоящий хаос? Вор прекрасно понимал это, но драгоценные секунды таяли, а он по-прежнему не мог заставить себя спустить рычаг. И человек перед ним чувствовал его неуверенность.

– Давай не будем усложнять, а? – произнес стражник, обходя деревянную скамью. – Я понятия не имею, что ты там спер, но, если оставишь это дерьмо здесь, я дам тебе уйти. Что скажешь? Справедливое предложение, как по мне.

Лестер продолжал пятиться, слепо шаря свободной рукой за спиной. Нескончаемая болтовня раздражала, мешала сосредоточиться. Вор старался придумать хоть какой-то выход из западни, но все его идеи неминуемо заканчивались смертью. Его смертью.

– Слушай, я понимаю. Беспорядки, погромы, занятия не пойми чем солдаты. Самое время, чтобы сорвать солидный куш. Но сегодня, парень, тебе не сvezло. обойдемся без кро-

ви. Ты и сам этого не хочешь, я же вижу. Брось сумку и вали.

– Заткнись! – прорычал Лестер и тут же вздрогнул, когда его рука за спиной уперлась в холодный камень забора. – Так я тебе и поверил!

– У тебя есть вариант получше? – мужчина медленно раскинул руки так, чтобы ненароком не спровоцировать выстрел. – Оглянись вокруг. Куда тебе бежать? Ну, убьешь ты меня, а дальше что? Я тут не один, как ты, наверное, успел заметить.

Лестера прошиб холодный пот. Он совсем забыл про второго охранника, который вполне мог подбираться к нему сбоку. Соблазн оглянуться был невероятно велик, но вор сумел удержать себя и продолжил двигаться вдоль забора, пока его пальцы не наткнулись на что-то шершавое и гибкое. «Змея!» – возопило перепуганное сознание, однако мгновение спустя Лестер с облегчением понял, на что наткнулся по счастливой случайности.

– Не подходи! – акробат поднял самострел выше. – Назад!

– Ладно, парень, не кипятись. Вот он я, стою. Может, опустишь уже свою фиговину, пока глаз не выбил кому-нибудь?

– Не дожدهшься! Отойди назад, – веревка свисала прямо у плеча Лестера, но страж стоял слишком близко. Вор рисковал остаться без ног на половине подъема. – Отойди, говорю! Оглох?

– А то что? Стрельнешь? Ну так давно пора...

– Закрой рот! – огрызнулся Лестер. – Закрой свой пога-

ный...

Внезапно плечо акробата оцарапало что-то острое и быстрое. В следующее мгновение арбалетный болт гулко врезался в стену, и затылок вора обдало каменным крошечком. Одновременно с его вскриком щелкнул затвор самострела, звякнула натянутая тетива.

– Сука! – зарычал стражник, упав на одно колено.

– Зараза, – испуганно выдохнул Лестер, услышав тяжелую поступь второго стража.

Отбросив теперь уже бесполезное оружие в кусты, он ухватился за веревку и со всей доступной ему прытью вскарабкался на забор. Чьи-то пальцы скользнули по подошве его сапог, но Лестер был уже слишком высоко. Краткий миг, и он уже стоял на мощеной улице Крепостного двора.

6.

– Ты как? – донеслось с той стороны.

– Херня! Давай за ним, я выйду через ворота. Быстрее! Уйдет ведь.

– Вот же ублюдки настырные, – выругался Лестер, услышав, как заскрежетали крюки под весом охранника.

Сплюнув комок густой слюны, вор побежал, стараясь оторваться от преследователей в череде поворотов и развилок. Впрочем, как говорится, проще сказать, чем сделать. За всю свою короткую жизнь Лестер выслушал столько баек о ник-

чемной страже, что в пору было садиться за перо. Жирные, неповоротливые, продажные... да он и сам частенько подбирал для них нелестные эпитеты. Теперь он убедился на собственной шкуре, что сказочки эти далеко не всегда соответствуют правде. Лестера гнали так, как не гонят даже дичь на охоте. Двое! Всего двое стражников смогли превратить хоть и сложную, но все же рядовую кражу в настоящий кошмар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.